ВИТАЛИЙ
ТРОФИМОВ-
ТРОФИМОВ
ПЯТЬ ЗВЕЗД
КАПИТАНА
ТОМ I
ИБРАГИМОВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В далеком мраке космоса одинокий и сумасбродный капитан звездного крейсера ведет войну с превосходящими силами противника. Имея только один настоящий талант — выигрывать войну — он пробивается через тернии непредсказуемого и коварного космоса, получая за свои заслуги высшую награду Земли — золотую звезду. Произведение в духе стратегической фантастики порадует тех, кому нравятся азарт планирования и трюки, с помощью которых даже самый слабый боец может одолеть Голиафа.

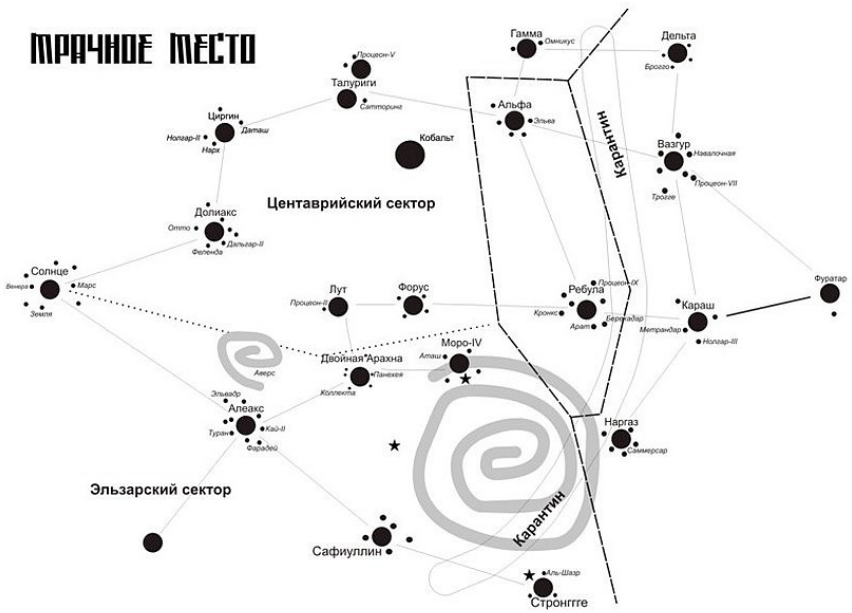
- Виталий Трофимов
  -
  - Чумной денек
    -
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
  - Объекты в пространстве
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
  - Дар аль-Ихфа
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V

Виталий Трофимов
Пять звезд капитана Ибрагимова
Том I

© Виталий Трофимов-Трофимов, 2018.

ISBN 978-5-4496-0771-3 (т. 1)
ISBN 978-5-4496-0772-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чумной денек
(Первая звезда капитана Тимура Ибрагимова)



I
Увертюра

— Да идите вы в жопу! — Лицо капитана Ибрагимова пропало с экрана, и тот погас, оставив старпома крейсера «Мираж» и членов экипажа, несших вахту в рубке, без главнокомандующего начала.

В трехслойные иллюминаторы «Миража» видны были плавучие доки для обслуживания звездных фрейтеров и танкеров, возившие топливо с планеты Аташ до распределительной станции в системе Алиакс и далее по всей вселенной, заселенной истиннолюдьми, детьми желтого Солнца. Приборы на борту «Миража», дрейфовавшего на высокой орбите Аташа, регистрировали защитное поле, спасавшее доки от выхлопов туманности. Но поле не защищало океанические добывающие платформы от налетов вражеских истребителей, и половина оборонительных орудий с верхних ярусов доков уже вышла из строя, оставив по себе искореженные стволы турелей. Значит, незваные гости в самом деле посещали планету, и операция оказалась не простой проверкой.

Планету Аташ уже вовсю теснили газовые облака — подсвеченный красным карликом Моро-IV край туманности в лучах звезды горел недобрым пурпуром, мрачными переливами заката.

Дух обреченности уже витал над всей системой темнеющей звезды Моро-IV. Добрую половину системы уже поглотила туманность, только одинокие планеты еще оставались пригодны для хозяйственной деятельности. Благодаря жесткому излучению, Моро-IV находилась в своеобразной вакуумной каверне, из-за чего туманность пока не могла проглотить и переварить звезду. А притяжение звезды пока что не давало туманности расползаться слишком быстро. Но скоро давление газов окажется настолько велико, что каверна коллапсирует, и звезда погаснет.

Над уцелевшей планетой Аташ, над ее бесконечным водным простором без единого материка, уже то тут, то там вспыхивали тревожные зарницы — в местах соприкосновения атмосферы с газовыми потоками туманности, — и рождали огромные океанические волны. Добыча здесь продлится еще от силы года два, потом планета войдет в разреженные газовые облака, что сожгут атмосферу, высушат океан, испепелят платформы. Но до тех пор люди еще планировали выкачать из планеты порядочно топлива. И до недавнего времени здесь, в периферической зоне

Содружества, все было спокойно. Пока, откуда ни возьмись, в небе не появились вражеские истребители, не принялись налетами бомбить платформы.

— Есть связь, — отчеканил связист «Миража», обращаясь к старпому. Переключил передатчик на громкую связь. И добавил уже неформально: — Вид жалкий. На старую «Кашарию» что-то совсем не похоже…

На центральном мониторе в рубке появилось небритое лицо офицера. Взъерошенные волосы, блуждающий взгляд, осунувшаяся физиономия и легкая сутулость, какая бывает от недосыпа, красноречиво говорили, что последние ночки прошли для него весьма бурно и едва ли приятно. Вступать в диалог с экипажем крейсера потрепанный космовоенный не спешил, и старпом «Миража» представился первым:

— Я старший помощник капитана крейсера «Мираж» капитан второго ранга Феликс Джемисон. Мы получили ваш сигнал и прибыли, как только смогли. Представьтесь и поясните суть вашей проблемы, комендант.

— Я не комендант, я сарваер доков «Новая Кашария» Филипп Кулагин. Комендант погиб во время налета на прошлой неделе. — Кулагин затянул узел выпачканного в мазуте галстука: он все еще пытался выглядеть опрятно. — Наша проблема такова: каждые два дня из туманности прилетают истребители. Бомбят доки, потом исчезают так же внезапно, как появляются. Мы смогли уничтожить один с помощью наших турелей, но наши орудия не предназначены для стрельбы по быстро движущимся целям. К тому же истребители уже при первых налетах вывели из строя большую часть нашего вооружения. Я послал сигнал о помощи. Какого черта вы так долго летели?!

— Успокойтесь и объясните все по порядку. Что это за истребители?

— Сейчас сами все увидите, — бросил в ответ сарваер, надевая рваную фуражку. — Сегодня они что-то рано…

Джемисон не успел повернуться к операторам радаров, как вдруг один из них поднял вверх руку, обращая внимание на демонстрационные экраны. На одном из дисплеев виднелась пятерка быстро движущихся ярких точек.

— Это еще что за хрень? К бою!

Корабельные сирены разнесли сигнал тревоги по всему крейсеру. Для двух третей экипажа это первый бой. Хотя, если ты находишься в космосе, видишь реальность за бортом только по картинкам мониторов, то от учебной тревоги он мало чем отличается. Толстые переборки не комплектовались звукоизоляцией, поэтому передавали суетливые шаги палубой

выше и за стенами капитанского мостика. Все моментально пришло в движение.

Трехсотметровый крейсер спустя несколько секунд оказался на расстоянии выстрела. Враг приближался быстро и, казалось, не обращал внимания на военный корабль. Его интересовали только доки. Яркие огни сопел ослабли: истребители перешли в боевой режим. Не меняя построения, легкие корабли сделали круг над «Новой Кашарией» и отдалились на некоторое расстояние. Батареи доков успели сделать несколько выстрелов во время этого маневра, впрочем, мимо цели.

Старпом Джемисон подбежал к связистам:

— Кто это такие?

— Не могу знать, товарищ офицер, — ответил связист Михаэль Немов, нервно жуя зубочистку. — На наш запрос не отвечают, в эфире сигналов нет.

— Ну что за ерунда… Сенсорики, что говорят приборы?

Какое-то время те молчали, потом один хлопнул в ладоши и, быстро щелкнув парой клавиш, перебросил изображение на второй монитор. «Карина», бортовой компьютер, женским голосом прокомментировал появившуюся на мониторе трехмерную модель боевой машины.

— Истребитель дальнего радиуса действия GG-3…

— «Гаргариски»! — шепотом произнес старпом, и добавил чуть громче: — Где капитан? Батареи… ракеты СР-01 с первой по пятую — наведение, огонь по готовности, ракеты СР-3А с первой по третью — заградительный огонь… отрежем каракарцев от доков! Где его черти носят?!

Первые ракеты уже покинули шахты, но компьютер продолжал прокручивать тактико-технические характеристики истребителей противника и комментировать изображение:

— …разработан для поддержки наступательных операций каракарской армии около четырнадцати лет назад. Особо эффективен против наземных целей, так как способен бомбардировать позиции, находясь вне зоны действия противокосмической обороны. Также эффективен как истребитель для космических станций. Вооружения: две кассетные бомбы Л-56, две кумулятивные тяжелые бомбы ПР-0, спаренный лучемет…

Ракеты не успели достичь цели. Ограничившись запуском трех бомб, «гаргариски» быстро развернулись, сбросили тепловые ловушки-заграждения и, включив маршевые двигатели, скрылись в туманности. Огни их сопел еще светили тусклыми точками в газовых облаках, когда дверь на мостик открылась и за ней появился капитан крейсера.

Тимур Ибрагимов всегда слыл своеобразным человеком. И это своеобразие слабо сочеталось с необходимым для капитана крейсера набором личных и профессиональных качеств. Мутная и противоречивая история его жизни, каждый раз пересказанная заново, отличалась в деталях, иногда существенно. Одно это уже его дурно характеризовало. А если учесть его довольно высокомерное обращение с подчиненными, можно предположить, что именно думали члены экипажа о назначении этого человека на крейсер.

Если допустить, что Ибрагимов не врал (а в это верилось с трудом), он служил старшим помощником на линкоре Содружества в секторе Центавра под началом адмирала Андрэ Магеллана пять лет назад. Память о войне тех лет, об обороне Альфы, катастрофы Талуриги и других событиях была настолько свежа, что еще не обросла народной молвой и жила в душах выпускников Звездной академии имени Армстронга на Марсе, откуда комплектовался почти весь экипаж «Миража». В классах по теоретической подготовке, по стратегии, по военным наукам детально разбирали военный опыт адмирала Магеллана. В учебных материалах при этом нигде не упоминалось о сколь-нибудь известных заслугах Тимура Ибрагимова.

Так же было известно о разбирательствах на флоте, судебных слушаниях, которые проходили в закрытом режиме. Командование не стало доводить дело Ибрагимова до суда по каким-то им одним известным причинам, назначив командовать штатным крейсером, задача которого — патрулировать дальние пределы Содружества, где могут находиться только ресурсодобывающие компании и работающие на них отморозки.

Феликс Джемисон был не из тех людей, кто верит досужим байкам и слухам среди педагогического состава в академии. Как только он узнал, что их старого капитана, не отслужившего на «Мираже» и года, отправляют на пенсию, а вместо него назначают Ибрагимова, сразу же для карьерных целей навел справки.

Учеба и служба нового капитана «Миража» не отличалась чем-то выдающимся: Военно-космическая академия имени Гагарина на Венере, служба на крейсерах поддержки в составе Центаврийского флота. Через десять лет дослужился до того, что был переведен на должность старпома при легендарном адмирале на линкоре «Защита Рурина». А потом произошло важное событие. Учебники по стратегии рассказывали, что в ходе конфликта за Ребулу соединению флота под командованием

адмирала Магеллана было приказано задержать продвигающийся со стороны карантина флот каракарцев.

Земляне в ходе конфликта утратили контроль над Ребулой и всеми силами пытались создать на планете неустойчивый политический режим, а весь сектор Ребулы превратить в зону нестабильности, завалив орбитальное пространство космическим мусором и гравитационными минами. Как учит военно-политическая теория, от буферных систем надо отгораживаться блокпостами и заградительными сооружениями. Возглавить подготовку астроинженерных конструкций доверили флоту Андрэ Магеллана. Адмирал выставил лучшие корабли на пути от Ребулы до Процеона-II — оставшейся за Содружеством удаленной колонии в этом секторе. Именно Процеон-II каракарцы рассматривали как следующее приобретение.

Флот неприятеля заметили в секторе заградительных постов спустя три года, за пять лет до событий у туманности. На пути каракарского флота лежала непригодная для заселения система Форус с тремя планетами-спутниками. Орбитальная станция «Зодиак», висевшая на гелиоцентрической орбите, позволяла землянам совершать переброску сил между блокпостами и налаживать снабжение боеприпасами. Когда Третий каракарский флот подошел к Форусу, Магеллан принял решение разместить корабли Содружества за одной из планет системы, что скрыло бы их от сенсоров неприятеля.

Последовавшие неустановленные события демаскировали флот истиннолюдей, что привело к его частичному уничтожению. Адмирал Магеллан нанес некоторый ущерб противнику, но сильно пострадал, когда линкор «Защита Рурина» прикрывал отступление других кораблей и попал под тяжелый огонь врага.

В ходе разбирательств многие офицеры оказались осуждены за некомпетентные действия, Ибрагимова и еще нескольких оправдали, но карьера их надломилась. Часть из них ушла на пенсию раньше срока, а кто-то продолжал служить в дальних малочисленных гарнизонах, командовать небольшими крейсерами вроде «Миража», патрулируя горнодобывающие колонии, или окончательно спился на заставе возле астероидного кольца Талуриги, бесславно и бесцельно.

Капитан Ибрагимов, хромая, поднялся на капитанский мостик, окруженный дисплеями и сенсорными панелями, за ним проследовал адъютант Макаров. Их перевели на «Мираж» вместе. Вернее, втроем, если считать перенесенный на «Мираж» блок памяти с искусственным интеллектом линкора «Защита Рурина». Бортовым компьютерам также доступен опыт, и «мозг» линкора мог оказаться полезным при строительстве другого корабля того

же класса, но Ибрагимов настоял на том, чтобы компьютер установили именно на «Мираже». Неизвестно, какие он использовал аргументы, но дирекция флота согласилась на этот шаг, учитывая, видимо, те самые мифические заслуги капитана, о которых широкая общественность мало что знала.

— Капитан на мостике! — отсалютовал мичман.

Все как один вытянулись по стройке смирно.

— Вольно… — меланхолично скомандовал капитан. — Ну как, отбили атаку?

— Я удивлен, что вы отсутствовали во время боя, — язвительно бросил старпом, — учитывая, что мы разбудили вас еще на подлете к Аташу. Впрочем, мы справились с противником и без вас.

Ибрагимов не сразу отреагировал на реплику Джемисона. Он неторопливо нажал несколько кнопок на капитанской стойке, запуская автоматический отчет о событиях последнего получаса. Пробежав глазами текст, повернулся к старпому:

— У нас, киборгов, есть такие нужды, которых нет у вас, уважаемый Феликс Джон Джемисон. Я не сомневался, что вы, белковые формы жизни, справитесь с жалкой пятеркой «гаргарисков» и без моего непосредственного руководства. Впрочем, как я наблюдаю, вы не очень-то соображали. И кто приказал стрелять по истребителям ракетами СР-1? Не удивительно, что «гаргариски» скрылись все до одного…

— Я тоже боевой офицер! И я знаю, какое оружие… — продолжил пикировку старпом, но осекся.

Джемисон только сейчас вспомнил что ракеты СР-1, специально разработанные как штатное оружие для уничтожения истребителей, в условиях туманности и газовых загрязнений наводятся скверно. Впрочем, весь его опыт — три года полетов на корабле-тренажере и два года спокойного патрулирования. Единственный бой, который он выиграл — у скопления астероидов Аверс, когда «Мираж» уничтожил два почти безоружных корабля контрабандистов.

— Вы боевой офицер одного боя. Да и то безответного. Как говорит народная мудрость: назвался груздем — иди нахер…

Джемисона всегда это злило, но субординация была для него большей ценностью, чем собственная гордость. Он молча вышел из рубки. Ибрагимов проводил его взглядом, а затем вернулся к отчету. Дочитав до конца, он попросил связистов отправить в доки сообщение о том, что они начинают преследование противника.

— Вы уверены, капитан? Они быстрее «Миража», угонимся ли? — переспросил связист.

— Любой, кто в академии учился, а не кувыркался с курсантками, знает, что «гаргариски» в свободном космосе не летают. У каракарцев в туманности база, с которой стартуют истребители. Если мы ее найдем, гоняться не придется. В туманности у нас преимущество. На высоких скоростях столкновение с атомами газа и пыли для нас не так фатально, как для «гаргарисков», поэтому они будут сбрасывать скорость и станут легкими целями для наших нейтронных орудий. Что касается базы — ее не так-то легко спрятать…

Отдав распоряжения рулевому, Тимур Ибрагимов ушел с мостика через ту же дверь, что и Джемисон.

Крейсер развернулся и, включив маршевый двигатель на самый малый ход, углубился в облако туманности. В свободном космосе не слышны звуки, но когда корабль погрузился в оранжево-красную вату азота, метана, кислорода и бог знает чего еще, каждый смог услышать, как газ и пыль вселенной приливными волнами стучатся в обшивку военного крейсера.

●○○○○

Последующая неделя оказалась чередой несуразностей, происходящих с командой. Все те дни, когда крейсер, как слепой котенок, петлял и натыкался на метеориты и пылевые скопления в туманности, команда, казалось, тихо сходила с ума. Можно понять лоцмана, который сутками напролет вел крейсер в обход блуждающих астероидов, газовых карманов, готовых взорваться, лишь только их коснется ионный поток из двигателя, магнитных вихрей и аномалий, можно понять и стрелков, вглядывающихся в эту пелену в поисках угроз, и злость сенсориков, «ослепших» в туманности на все приборы. Но как понять капитана?

Ибрагимов и раньше был слегка чудаковат, но в последние сутки совсем слетел с катушек. Например, после ссоры со старпомом, он назвал его «тупиковой ветвью эволюции» и облил супом, поясняя, что «такие примитивные формы жизни должны водиться в первородном бульоне мирового океана и, только поумнев, выходить на сушу». Позже мичман заметил, что на складах пропали все шариковые подшипники для лебедок для загрузки в трюмы ракет на военной базе. Когда он пришел сообщить об этом капитану, тот сидел на полу своей каюты и катал по полу несколько шариков, вынутых из подшипников. Несколько — это примерно полведра. Куда он дел остальные две с половиной тонны шариков, болтов и металлического лома, капитан так и не сказал. Еще пару часов спустя, Ибрагимов

заперся в шлюзе с ракетами «Заря» с перфо-ключом, выкрикивая ругательства, матерные частушки и угрозы о том, что разберет боеголовки ракет. Учитывая, что это самое мощное на борту оружие, команда приложила все усилия, чтобы заставить его выйти из шлюза. На это ушло восемь часов. Осмотр показал, что ракеты целы.

Чтобы хоть как-то погасить напряжение, Джемисон распорядился, чтобы корабельный кок, добрейшей души толстяк по имени Прол, человек с огромными бакенбардами и здоровенными ручищами, достал из закромов несколько бутылок коньяка. Выпив по пятьдесят грамм, старшие офицеры взбодрились и с новыми силами вернулись к своим обязанностям. Но только не Ибрагимов. Заявив, что выпивка — для низших млекопитающих, он пошел проверять, в порядке ли гравитационный аркан. Зачем ему это понадобилось, неизвестно. Тут, в туманности, вряд ли какой-нибудь корабль пришвартуется к «Миражу».

Туманность по-особому влияет на людей. Виды бесконечной разноцветной — от желтой до красной и багровой — пелены давят на психику. Одно дело лететь в черную звездную бездну, когда сенсоры могут обнаружить и опознать любой объект за сотни тысяч километров. Совсем иное здесь: словно барахтаешься в мутной воде, не понимая, где дно, где поверхность. Но не было в туманности ни дна, ни поверхности, даже системы координат не было. Единственное, за счет чего здесь удавалось ориентироваться — тускло светящаяся в мареве звезда Моро-IV, но и ее саму приборы не видели из-за помех и жесткого излучения.

Джемисон каждые полчаса подходил к сенсорикам убедиться, что крейсер придерживается выбранного маршрута и, ознакомившись с дежурными ответами, убеждал себя, что «Мираж» идет в верном направлении. Ориентируясь по звезде, корабль сделал протяженную дугу вокруг двух планет системы, втянутых в туманность и вакуумную каверну. Входить в агрессивную среду жесткого излучения было слишком опасно, так как неэкранированный корабль мог получить избыточное облучение.

Их поиск закончился на обратной стороне каверны Моро-IV. Джемисон не знал даже, радоваться или нет, когда крейсер натолкнулся на металлические обломки и повредил один из носовых двигателей, а приборы, прощупывающие пространство, сообщили о ракетной атаке.

На одном из мониторов появилась пятерня Тимура Ибрагимова.

— Щас, щас… — повторял капитан.

Джемисон нервно ударил кулаком по микрофону и раздраженно выпалил:

— Мы получили сигнал, они приказывают нам сбросить маршевый двигатель. Ракеты накроют нас через пять минут. Мы не можем их сбить, встречное излучение звезды не дает противоракетам наводиться, черт бы их побрал, а тепловые ловушки их ракеты не увидят из-за газов!

Капитана Ибрагимова это, казалось, не очень волновало. Он показался из-под стола, лицо попало в фокус камеры. Он явно что-то прятал за спиной.

— Сбрасывайте…

— Если мы сбросим двигатель, как мы вылетим обратно?

— У нас есть вспомогательные. Будем лететь на них…

Ибрагимов отсоединил камеру от терминала в каюте и вместе с ней вышел на палубу. Судя по изображению, двигался прямиком на капитанский мостик. Хотя бы иногда он делал то, что должен был.

— На вспомогательных мы будем лететь к Аташу месяца полтора!

— У тебя есть мозги? Ты, биомасса! Лучше лететь полтора месяца к Аташу, чем с такой же скоростью в разные стороны. А так и будет, если ты сейчас не сбросишь двигатель!

По корпусу пробежала волна, послышался скрежет обшивки. Изменившаяся гравитация на крейсере через мгновение компенсировалась гравитронами корабля, но все равно люди попадали на пол. Когда капитан появился на мостике, офицеры и специалисты уже успели подняться на ноги. Связист срочно передавал неприятелю, что двигатель сброшен.

Сработали уцелевшие носовые стабилизаторы, они развернули крейсер так, чтобы видеть, куда полетел двигатель. Крейсера этого проекта снабжались устаревшими протонными расщипителями, позволявшими кораблю достигать сверхсветовых скоростей, и имели системы срочного сброса маршевых двигателей в случае угрозы взрыва, скажем, при разрыве нейтронного кольца. Вторая система — вспомогательные стабилизаторы — тоже была, но предназначалась, прежде всего, для поворота корабля. Перенаправив туда всю энергию, можно заставить крейсер лететь, но в таких случаях корабли летали несравнимо медленнее.

— Зачем он приказал сбросить двигатель? — спросил подошедший на мостик офицер огневой батареи Зигфрид Кеплер.

Вопрос повис в воздухе.

В этот момент и раздался взрыв. Он оказался таким мощным,

что боковые стабилизаторы не сразу смогли компенсировать удар. Компьютер тут же сообщил о некритических повреждениях двух палуб. К счастью, противник подорвал свои ракеты до того, как они приблизились на опасное расстояние. Плавающий в мареве двигатель от взрыва не пострадал, он находился для этого достаточно далеко. Наверное, попади ракеты в крейсер, протонный расщипитель зацепило бы его осколками. Не закрой крейсер собой двигатель, тот был бы противнику уже не нужен.

— Они просят вывести на экран… — раздался голос связиста, когда все только отходили от шока нападения.

Старпом кивнул в ответ.

На мониторе показался рослый человек с закрытым маской лицом. Остальные его характеристики — внешность, форма, даже голос — сильно искажались излучением звезды. Сложно было разглядеть хоть что-нибудь. Впрочем, на «Мираже» уже знали, что имеют дело с каракарцами.

— Здравствуйте, экипаж славного крейсера землян! — произнес каракарец хриплым от искажений голосом. — Преоприциат заинтересован в вашем маршевом двигателе и готов отпустить вас, если вы дадите нам возможность забрать его. Мы готовы…

Сигнал пропал, но говоривший, очевидно, зафиксировал, что на крейсере его услышали.

Джемисон стиснул зубы и изо всех сил пнул стойку навигации. Они угодили в ловушку. Противник посылал из туманности истребители, чтобы заманить в туманность корабль, укомплектованный маршевым двигателем. Разумеется, такую сложную аппаратуру как протонный расщипитель нельзя сразу установить на любой из каракарских кораблей, но это вопрос технический и, что важнее, вопрос времени.

Двигатель, плавающий в открытом космосе, неожиданно оказался в тени. Ибрагимов жестом велел сенсорикам развернуть камеру обзора на девяносто градусов. Так и есть: Моро-IV закрыл собой огромный, раза в четыре больше «Миража», каракарский тяжелый дредноут.

— Прошу, вы, жалкие эволюционные отрыжки, — воскликнул Ибрагимов, — это тяжелый каракарский дредноут проекта 76 361, класса «Дриада». Вооружен легкими противоспутниковыми ракетами «Пламя», противокорабельными ракетами «Триакра», ракетами «орбита-земля» типа «Гаситель звезд», оружием массового поражения, пятью спаренными лучеметами, тяжелой нейтронной турелью, трехствольным бластером на разогнанных фотонах для уничтожения орбитальных станций, имплозивными бомбами, минами. Но все это полная ерунда по сравнению с тем,

что в их команде есть бортовой телепат!

Тут он достал из внутреннего кармана кителя то, что еще в каюте прятал за спиной — бутылку крепчайшего коньяка из тех, что были на борту. Не стесняясь никого, открыл зубами пробку и сделал три больших глотка, после чего развернулся и вышел из рубки, оставив команду пораженно смотреть на шедевр каракарской военной инженерной мысли.

— Куда он намылился? — выпалил Джемисон.

Связист сразу загрузил связь с палубой, где находился капитан. Тот шел, держась рукой за стенку. Алкоголь уже дал о себе знать.

— Что нам теперь делать?! — крикнул Ибрагимову старпом.

— Ничего уже не поделаешь. Наведите оружие на них. Попробуют приблизиться к двигателю — палите из всего, что можно. Умрем геройски! Эх, гомосапиенсы, всему вас приходится учить…

Дредноут вышел из каверны довольно необычно, плашмя, словно прилипнув к газовому мареву туманности. Обычно при проникновении в среду повышенной плотности стараются снизить до минимума проникающую поверхность, чтобы рассечь ее. Нож входит в масло лезвием вперед, человек ныряет головой вниз, а лопата входит ребром в снежный сугроб. Но большой корабль мог себе позволить что угодно. До этого казалось, будто смотришь, как сквозь воду. Теперь же разность в плотности среды не мешала разглядеть каракарскую махину.

Джемисон вспомнил, что в прошлом году произошла какая-то приграничная стычка в соседней звездной системе между сторожевым линкором Земли и двумя дредноутами каракарцев. Один из них удалось уничтожить, заманив ближе к заминированной планете. Размещенные в стратосфере мины, скрытые от сенсоров высоковольтными бурями, уничтожили один корабль противника. Другой корабль они сильно повредили, но он смог обеспечить оборону и уйти в сторону карантина. Видимо, перед ними и был тот линкор, что не долетел до карантина на поврежденном двигателе и теперь отважился на опасную авантюру в туманности.

Дредноут проплыл мимо крейсера, демонстрируя обожженный и разрушенный бок и двигатель. Часть верхних палуб, вышки жизнеобеспечения и стыковочные блоки были искорежены сильными взрывами. Единственный целый шлюз — нижний. Видимо, через него отчаливали «гаргариски», нападавшие на орбитальные доки «Новой Кашарии». Борт корабля продолжал разрушаться: агрессивная среда каверны подпортила правую часть дредноута — небольшие куски борта продолжали

крошиться и отваливаться, улетая в пространство. Скорее всего, экраны судна также повреждены в прошлогоднем боестолкновении, однако корабль все же рискнул войти в каверну до прилета «Миража», чтобы не выдать себя и не дать навестись противоракетам.

Ибрагимов не зря спровоцировал панику. Если не считать оружия массового поражения на борту «Миража», совокупное вооружение крейсера не позволяло уничтожить дредноут или хотя бы серьезно его повредить.

«Если я подумал об оружии массового поражения, значит, противник о нем теперь тоже знает», — решил Джемисон. Но чтобы уничтожить двигатель, оружия у крейсера предостаточно. А учитывая, что протонный расщипитель для противника сейчас важнее, чем «Мираж»…

Корабли разошлись на расстояние пяти километров и развернулись носом друг к другу. Аккурат между ними плавал сброшенный маршевый двигатель.

Михаэль Немов кашлянул, привлекая внимание старпома. Тот не сразу повернулся.

— Они не могут восстановить связь, прислали текстовое сообщение, настаивают на нашем немедленном уходе…

— Датчики фиксируют, что каракарцы навели орудия! — перебил связиста сенсорик Плахов.

Джемисон вздрогнул и вновь посмотрел на экран.

Стоящий рядом офицер Кеплер, командир огневой батареи, почесал затылок, потом сунул руку в карман и достал платок. Отерев пот со лба, он предложил также навести орудия в ответ.

— С одной стороны, они могут нас уничтожить. Их оружие мощнее, точнее и скорострельнее. Они говорят, что отпускают нас, — промычал Джемисон, пытаясь вслух разобраться в ситуации, — но если смотреть дальше… они целый год барахтались в космосе после того инцидента. С трудом нашли туманность, с трудом заманили сюда нас. Сейчас они не стреляют не потому, что у них благие намерения, а потому, что при атаке могут повредить наш двигатель. Кроме того, в доках знают, что мы вошли в туманность. Сюда прибудут линкоры и прочешут все. Вряд ли покалеченный дредноут сможет защитить себя от наших кораблей…

Зигфрид покачал головой, но все-таки переспросил:

— Так что прикажете делать?

— Продолжайте держать их на прицеле… При попытке приблизиться к двигателю открывать шквальный огонь…

Он знал, что телепат уже прочел все эти его мысли. На это и рассчитывал.

В столовой в этот час было пустынно. Прикусив губу, Ибрагимов прошел и сел в центре зала, выставив на стол выпитую на две трети бутылку венерианского коньяка. Убийственное пойло разлилось по жилам, отчего соображал капитан туго и его трясло.

Некоторое время Ибрагимов разглядывал коньяк. Потом приложился к горлышку и, не отрываясь от него, лег щекой на столешницу, уложив на бок и бутылку. Идея пить таким манером пришла к нему совсем недавно и казалась весьма оригинальной. А главное — не проливается. Высосав еще грамм двести коньяка, Ибрагимов вернул бутылку в вертикальное положение.

— Кто-нибудь может накормить несчастного киборга?! — заорал он.

На звуки пьяного рева вышел из кухни Прол Юрьев с полотенцем через плечо, в растянутой майке и с тарелкой в руках. Кок, как всегда, выглядел невозмутимым и даже веселым. Впрочем, улыбался он обычно без каких-либо причин — ему нравилось жить. Тимур Ибрагимов и сам однажды пытался прожить так недельку — постоянно улыбаясь. Только на третий день лицо у него заболело от натуги. Интересно, с чего Прол начинал свою улыбчивую жизнь? — гадал он. Люди, что забивают себе гвоздь в ноздрю на цирковой арене, тоже ведь с чего-то начинают…

— Чего вам, капитан?

— Посиди-ка со мной…

Услыхав эту простую просьбу, Юрьев почему-то шире прежнего заулыбался, прошел к столику и сел напротив. Вместе с тем, он продолжал вытирать краем полотенца уже и без того сухую тарелку.

— Чего делать-то будем, Тимур Магометович? Помирать, что ль?

— Знаешь, Проша… — в задумчивости пробормотал Ибрагимов. — Я в свое время служил под началом самого адмирала Магеллана! А он был замечательный человек. Хитрый, как лис, и свирепый, как гаргариск. Мы с ним в таких передрягах бывали! Как-то однажды перед боем за систему Караш разведка сообщила, что небольшая группа кораблей откололась от флота противника и движется в нашу сторону. Мы сидели с ним вдвоем в столовке… ну вот как мы с тобой сейчас сидим… и я его спрашиваю: «Андрэ, их больше, и корабли у них помощнее наших, что делать будем?» Он посмотрел на меня такими добрыми глазами. Ну, знаешь, он всегда так смотрел… взгляд у него, как

улыбающийся. И говорит: «Ты всегда забываешь про каракарцев одну вещь». Я ему: «Какую?». А он снова так долго-долго посмотрел. И говорит: «Уж тебе ли не знать — каракарцы всего лишь люди».

Кок наконец-то оторвал полотенце от тарелки и поставил ее на соседний стол. Пытаясь уловить мысль капитана, он уперся руками в свои толстые бедра и склонил голову. Ибрагимова это рассмешило. Эдакий алкогольный смех, когда не понимаешь, отчего смешно, но тянет смеяться, и все тут.

— Не понимаешь?

— Не то чтобы не понимаю, — оправдался кок. — Просто не совсем ясно, что именно он тебе хотел сказать.

— Он хотел сказать…

Вовремя спохватившись, Ибрагимов схватил бутылку за горлышко и сделал еще пару глотков.

— Похоже, это конец. Тягаться с «Дриадой» — никаких шансов…

— Может, вам стоит завязывать с алкоголем?

Но алкоголь был именно тем, чего не следовало отбирать у капитана. Как только Юрьев сделал попытку забрать бутылку, Ибрагимов железной хваткой остановил руку кока. Минуту они сидели так, потом капитан отпустил Юрьева.

— Принеси в мою каюту все спиртное, что есть на корабле. Это такой приказ, понимаешь?

Кок кивнул капитану и отправился дальше мыть посуду, не вдаваясь в размышления о том, зачем капитан прибирает к рукам весь коньяк. Пусть лучше он все выпьет, чем команда. Пьяный руководит подчиненными лучше, чем трезвый — пьяными.

Как только Прол скрылся на кухне, дверь в столовую распахнулась, и вошел Джемисон. За ним — двое солдат. На старпоме не было лица.

— Ну что, обезьяны?! — проорал Ибрагимов. — Обожаю игры с отрицательной суммой. Что говорят наши контрагенты?

— Вы пьяны!

— Так и говорят? Проклятье! У них точно есть телепат! — выдал Ибрагимов алкогольную шуточку.

Вскакивая из-за стола, капитан задел рукавом кителя бутылку. Та полетела на пол, расплескивая содержимое, и это моментально остудило Ибрагимова. Он кивнул, как показалось, соглашаясь сам с собой, поднял бутылку и пару раз попытался вновь поставить ее на столешницу, но — кверху дном. Когда же ничего не вышло, сплюнул и вышел из столовой. Старпом и подчиненные — следом за ним.

Пройдя несколько пролетов, Ибрагимов обернулся.

— Лично я иду поссать! Можете за мной не ходить, я справлюсь, — предупредил он.

— Где ваш адъютант? — спросил Джемисон.

— Да, сегодняшняя обеденная картошка была ничего, но я бы еще немного подсолил! — не к месту отвечал Ибрагимов, направляясь далее по коридору.

Некоторое время Джемисон стоял посреди палубы, глядя вслед удаляющемуся капитану. Иногда он задавал себе вопрос: кто на этом крейсере капитан — он или Ибрагимов? Как возникла первая серьезная опасность, так он пьяный в хлам! Злость вновь захлестывала его. Как тогда, на мостике.

— Ну вот какого хера он про картошку? Я его про адъютанта, а он мне, мать его, про картошку!

— Вы же его знаете, мистер Джемисон, он всегда любил такие, как он выражается, ассиметричные ответы…

●○○○○

Тошнота подступала к горлу, но Тимур Магомедович держался. Прислонившись к холодному зеркалу, он пытался сконцентрироваться, но не получалось. Кондиция. Не справляясь со своим телом, Ибрагимов уперся двумя руками в зеркальную поверхность и оторвал от нее покрытый испариной лоб.

— Изображение на зеркало!

Серебро зеркала померкло и растаяло, на экране появилось трехмерное изображение худенькой темноволосой девушки лет двадцати пяти, покрытое дигитальной рябью.

Интерфейсы бортовых компьютеров программируют так, чтобы создать максимальный комфорт для общения с ними капитана и экипажа: похожими на людей, с человеческой мимикой, характерными для человека эмоциями, реакциями, энергией, стремлениями, с человеческим характером. Они разве что не стареют. Это и нравилось, и раздражало Ибрагимова: она совсем не изменилась…

— Привет, Карина…

— Здравствуйте, Тимур Магометович.

— Вот нам выпало дельце… иногда я скучаю по старым добрым бомбежкам Ребулы. Нам ведь нельзя падать духом, верно?

— Все получится, капитан! Не сдавайтесь.

Ибрагимов чуть улыбнулся. Он сам заложил эту фразу в список ее реакций. «Не сдавайтесь». Вроде как сам себе сказал. Но так, поддерживая самого себя посредством цифровых алгоритмов

бортового компьютера, он чувствовал себя сильным.

— Скажи, бывает ли дружба между человеком и искусственным интеллектом?

— Конечно, бывает, — ответила девушка-компьютер. — Дружба — это попытка двух сторон прийти к максимальной определенности во взаимопонимании при достижении неопределенных целей. Мы с вами к этому стремимся. Поэтому нас побоялись разлучить…

— Мне понадобится помощь тогда, когда я перестану быть капитаном, — пробормотал он, потирая шею.

Неожиданно ему стало так жаль себя, что слезы спьяну навернулись на глаза. Омерзительное чувство. Уже тогда он понял: ему будет стыдно перед собой за эту слабость, когда алкоголь выветрится. Ибрагимов расстегнул верхние пуговицы кителя, обнажая многочисленные продольные шрамы на ключицах.

— Это очень… своеобразная просьба.

— Что надо выполнить?

— На нашем крейсере пять боеголовок «Заря»…

На экране вместо девушки появилось изображение отсека, в котором находились размещенные в шахтах ракеты: небольшие стержни по семь метров в длину, увенчанные коническими навершиями. Оружие геноцида, достаточное, чтобы уничтожить несколько городов. Однажды Ибрагимову уже довелось применять такие ракеты.

— Когда кто-нибудь откроет мой личный сейф, даже если это буду я сам, что бы ни произошло, — ты должна их взорвать. К тому времени со мной может случиться все, что угодно, могут произойти любые непредвиденные события. Но — что бы ни произошло, взорви эти чертовы ракеты. Поняла?

Изображение шлюза вновь сменила фигура улыбающейся девушки.

— Новые отметки в аварийный протокол для «Карина-0239». Конечно, капитан, будет исполнено!

II

Шок постепенно проходил, но нервозность, связанная с взаимно наведенными ракетами, оставалась. Минуло три часа, а корабли не изменили курса, так и плыли друг напротив друга с двух сторон от маршевого двигателя.

Джемисон и Кеплер стояли у центрального экрана и о чем-то спорили, когда открылась дверь и вошел капитан Ибрагимов, как всегда хромая и держась за стену. «Капитан на мостике!» — единственное, что успел выпалить следовавший за ним адъютант Макаров перед тем, как Ибрагимова вырвало прямо на приборную доску для минус-связи слева от входа. Вытерев рукавом губы, капитан прошел к пульту и сделал руками несколько пасов над ним.

— Доложитесь! — прохрипел он, сплевывая на пол остатки обеда.

Команда молча переглянулась.

— Вашу мать! Доложить!

Зигфрид Кеплер сделал два шага к капитану, вытянулся по стойке смирно и рассказал о происходящем:

— Товарищ капитан, когда противник навел на нас орудия, мы прицелились в ответ, а также взяли на мушку двигатель. С тех пор происшествий не зафиксировано, за исключением того, что один из истребителей GG-3 вылетел из нижнего шлюза дредноута, облетел на значительном расстоянии протонный расщипитель и вернулся в шлюз. Попыток связаться с нами больше не предпринималось. Мы сами сделали одну попытку, хотели прояснить цели противника, но помехи искусственного происхождения не дают нам настроить связь.

— Значит, они боятся повредить его, свиньи… — буркнул себе под нос Ибрагимов. — И улететь мы просто так тоже не можем. Кто знает, выполнят ли они обещание, если двигатель окажется вне нашей досягаемости. Вполне могут догнать и пустить ракету-другую нам в зад. Нам такие ректальные свечки не нужны. Правильно, старпом?

Джемисон, раздраженный растрепанным видом капитана и перегаром, который тот источал на весь отсек, молча кивнул и отвернулся к экрану.

Как раз в этот момент шлюз на «Дриаде» вновь открылся и оттуда тихим ходом вылетел истребитель-«гаргариск». Меняя скорость, он приближался к двигателю. В одиночку он, конечно, мог бы отбуксировать его на дредноут. Но, чтобы покинуть туманность, экипажу дредноута следовало какое-то время

интегрировать расщипитель в системы корабля, так что Джемисон не особо волновался: уничтожить этот ценный агрегат они могли в любой момент.

«Гаргариск» приближался к двигателю не с постоянной скоростью, скорее рывками. Приблизится — замедлит ход и вновь наращивает обороты. Пару раз он даже давал небольшой и неуклюжий задний ход. Вот истребитель перешел черту, до которой долетал его предшественник. Намерения противника становились очевидными — он тестировал, насколько команда «Миража» готова действовать. Команда действовать оказалась не готова.

— Ну, хорошо! — констатировал шатающийся Ибрагимов. — Как говорит народная мудрость: жизнь человеку дается один раз, и в основном случайно… Какое у нас есть оружие?

Кеплер щелкнул пальцами и на дополнительных экранах появились списки вооружений:

— В боевой комплектации ракеты СР-01, СР-3А, СР-05, СР-12 «Закат», СР-19 «Заря», нейтронная пушка, магнитные мины класса «Ово», два трехствольных лучемета, но боезапас небольшой, мы решили сэкономить на боезапасе и взять больше провианта.

— Зарядить ракету СР-05.

Кеплер несколько секунд молчал, потом покачал головой:

— Сняты с боевого дежурства, нужно полторы минуты.

— Чертовы обезьяны! — завопил Ибрагимов. — Я же спросил: какое у нас оружие. Естественно, я имел ввиду действующее! Как сложно работать с людьми, они не соображают, чего от них требуешь. Вашу мамашу, что у нас есть из действующего оружия?

— Малые ракеты СР-01 и СР-3А, лучеметы и нейтронная пушка.

Нейтронное оружие всегда влекло Тимура Ибрагимова: выстрелы эффектно освещали космос желтыми всполохами. Впрочем, в этом своем эстетстве капитан никогда не признавался ни нынешнему экипажу, ни предыдущему, и сам считал это непростительной слабостью.

Ибрагимов нажал несколько кнопок на пульте корректировки стрельбы и ввел капитанский код разрешения открыть огонь.

— Отлично, залп!

Кеплер подошел к пульту стрельбы и передал на батареи приказ стрелять по двигателю. Очевидно, на дредноуте заметили их активность, так как «гаргариск» остановился, не приближаясь более к двигателю.

Установленная в центре верхней палубы нейтронная пушка зажужжала роторами и сервомоторами, разворачиваясь прямо по

курсу. Как на учениях, стрелки быстро навели орудие на двигатель. Кольцевые ускорители засветились ярким желтым пламенем. Шел этап заряда нейтронов.

— Стойте! — закричал Джемисон. — Вы что, не понимаете?! Если мы уничтожим его, у них не будет причин, чтобы не покромсать нас в капусту! Ты ополоумел, что ли, Тимур?

— Заткнись, простейшее, — бросил ему презрительно Ибрагимов, отворачиваясь к большому экрану.

Яркий всполох закрыл обзор ослепительными разводами. Словно протуберанцы солнца коснулись обшивки корабля и улетели туда, дальше, в сторону дредноута. От выстрела корабль вздрогнул и заскрипел, казалось, от удовольствия. Обшивка промурлыкала как кот, наевшийся сметаны.

Выстрел прошел рядом с двигателем, немного его обжигая. Серебряное покрытие сменилось темным налетом копоти и окислов реакции с газами туманности. Все поняли, что именно произошло, даже Джемисон, хотя последний отказывался верить сперва в то, что капитан способен расстрелять двигатель, а потом и в то, что Ибрагимов собьет прицел. Враги это тоже поняли. Истребитель метнулся, как испуганная брошенным в озеро камнем рыба, и вскоре исчез в ангарах «Дриады».

— Получилось… — пробормотал Ибрагимов. — Сопротивление все-таки возможно…

Он до конца не соображал и даже не верил, что можно обмануть противника. Да, казалось, что телепат должен все знать, все видеть. Но есть моменты…

Ибрагимов развернулся к выходу и, хватаясь за стену, побрел обратно в жилые отсеки. Наверное, только он понимал, что делать дальше, а его команда так ни о чем и не догадалась. Ибрагимов знал, они всего лишь люди. И поэтому радовался промежуточному успеху. На переходе к нижней палубе он достал из кармана кителя недопитую бутылку коньяка и ухмыльнулся.

— Как ни крутись — а жопа сзади!

●○○○○

День выдался на редкость пасмурный. Слишком пасмурный для серьезных дел. Даже климатогенераторы, работавшие на полную мощность, не могли преодолеть шторм. Тяжелые капли дождя молотили по проезжей части, но практически моментально впитывались в асфальтоплатиковое покрытие дороги. Вершины домов, высившихся до небес, скрывались за нависшими над

городом облаками.

Перед ним высилось здание военно-космического трибунала. Слишком красивое, чтобы отвечать своему назначению. Широкая лестница тянулась вверх к массивным дверям. Но времени прохлаждаться не было. Да никто бы и не позволил.

— Двигай! — прикрикнул на него конвоир, а для убедительности еще и толкнул прикладом кинетической винтовки в спину.

Пришлось слушаться.

Подъем давался тяжело. Еще не сросшиеся швы на бедре и под ребрами настойчиво заявляли о себе. Хватаясь обеими руками за перила, скованный наручниками, он смог одолеть половину ступенек. Потом остановился отдышаться. Все тело ныло. Отвыкло от нагрузок, пока он лежал в госпитале. Да и какая-то бесконечная усталость одолела после событий на Форусе. Словно он устал и за себя, и за всех тех, кто не дожил до нынешнего злополучного момента.

Перед глазами пронеслись искры. Как тогда. Он упал на ступени, но вскоре руки охранников подняли его и привели в чувство. Может, это иллюзия, но по лестнице к нему спускалась министр войны.

— Госпожа Мурено, — прохрипел он, а после удивился своему голосу, — должно быть, я не справился…

— Не говори глупостей, Тимур…

Она отстранила охранников и сама помогла Ибрагимову подняться по лестнице. Путь со старой знакомой казался уже не таким тягостным, как дорога от фургона для заключенных. Наверное, и судебный процесс Трибунала будет таким же… спокойным.

Внутренние помещения здания тонули в обилии света и белого мрамора, но почему-то казалось, что дождь льет и здесь: то же мерзкое чувство и тот же холод. Ибрагимов жестом указал на ближайшую скамейку, Аврора Мурено подвела его к ней и усадила. Несколько минут Ибрагимову понадобилось, чтобы собраться с мыслями и перевести дух, да и швы, так неприятно нывшие, должны были успокоиться.

— Ну что, Тимур, все произошло, как мы и ожидали?

— Хуже…

Министр покачала головой. Опасения — вещь, что становится значимой лишь в момент свершения.

— Как твое здоровье? Починили?

— Ну да. Сам себя не узнаю. Этот голос тоже…

— Ну, ты теперь, считай, киборг! — попыталась она его подбодрить.

— Да, и мне это нравится… Скорее бы уже все разрешилось.

Вскоре появился прокурор. Он вышел из малого зала, а значит, слушание состоится в закрытом режиме, как просило следствие. После обычных приветствий и представлений, они втроем прошли в зал. Народу немного: три судьи трибунала, две женщины и мужчина, министр в качестве наблюдателя, робот-пристав, адвокат и прокурор. Впрочем, двое последних находились тут для формальности — это еще не судебный процесс, судьи проясняли некоторые детали произошедшего и определяли позиции сторон.

— Заседание объявляю открытым, — произнесла судья Протасова.

Вот все и началось.

Ибрагимова усадили на место для допросов и приставили робота-охранника. Сложно сказать, чего они так боялись: серьезно пострадавший, провалявшийся долгий невыносимый месяц на больничной койке, Ибрагимов вряд ли представлял для кого-либо угрозу. Более того, он и ходил-то еле-еле, по лестнице взобраться самостоятельно не смог. Скорее всего, этого требовал протокол. Сам же Ибрагимов никогда прежде не представал перед трибуналом, не знал процессуальную часть.

— Капитан Ибрагимов, опишите, пожалуйста, что произошло сорок третьего анкинбря семнадцатого года в звездной системе Форус, — произнес мужчина.

— Все есть в бортовых журналах, уважаемый…

Судьи начали перешептываться, но продлилось это не долго. Слово взяла судья Афанасьева:

— Капитан первого ранга Ибрагимов, мы изучили записи сохранившихся бортовых журналов, однако те написаны посредством нецензурной лексики, и нам пришлось созывать специальную психолингвистическую комиссию. Сейчас же мы хотим от вас узнать что, — по вашему мнению, — произошло в системе Форус сорок третьего анкинбря прошлого года. Уверяю вас, бортовые записи изучены и им уже дана оценка. Нас интересует, что вы об этом думаете. Начните с донесения разведки тринадцатого октября.

Перед Ибрагимовым на панели располагались три кнопки. Он нажал зеленую, из специального отсека выехал стакан с мутной жидкостью, которую тут все почему-то называли водой. Глотнул немного, кашлянул, но хрипота в голосе не прошла. Собравшись с мыслями, Ибрагимов начал:

— Как вы правильно заметили, госпожа судья, тринадцатого прилетел истребитель «Филин» и принес донесение о том, что Третий каракарский флот собирается у Ребулы. Пилоты засекли колебания пространства, какие бывают перед скачком. Адмирал Магеллан предлагал втянуть каракарцев в позиционный бой у Процеона-II, а потом захлопнуть ловушку, прижав их корабли к верхним слоям атмосферы. Тот, кто изучал стратегию, знает, что прижать вражескую эскадру к планете ограниченными орбитальными силами — чистейшее самоубийство. Ущерб планетарных батарей будет настолько огромным, что урожая можно не ждать еще лет пять-шесть, не говоря уже о разрушении пяти городов, построенных Центаврийской торговой кампанией. Слишком сильно излучение при взрыве нейтронных колец на большой высоте.

Офицеры корабля, которых я созвал, осудили план Магеллана. И тот пошел на уступки, так как был весьма зависим от мнения экипажа.

Вернувшись к ранее рекомендованному генштабом плану по обороне в секторе Форуса, мы установили ряд генераторов электромагнитного шторма, чтобы противник не смог свернуть пространство, не пройдя мимо Форуса. Магеллан предлагал встретить вражеский флот на гелиоцентрической орбите и под прикрытием станции «Зодиак» атаковать боевое соединение неприятеля. Я назвал эту затею явным признаком дегенерации тканей головного мозга и предложил другой план — спрятать корабли за одной из планет системы. Пока противник будет рыскать в окружающем пространстве, мы…

Тут голос его пропал — это судья Протасова нажала кнопку, и волны встроенного излучателя отключили сектор мозга, отвечающий за контроль над голосовыми связками. Ни криков, ни эмоций при рассмотрении дела.

— Простите, Тимур Магометович, — встрял третий судья Дмитриев. — Вы хотите сказать, что во время операции нарушали указания капитана, давили на него и

действовали по-своему?

Голос вернулся к Ибрагимову.

— Пусть все выйдут кроме министра и судей…

●○○○○

Когда дверь за его спиной закрылась, Ибрагимов испытал облегчение. Когда же отворилась вновь, он повернулся, ожидая увидеть в дверном проеме возбужденного Джемисона с новым ворохом обвинений. Увы, то был командир батареи Кеплер.

— Товарищ капитан, мы можем с вами поговорить? — спросил он.

— С тобой мы можем поговорить в любое время.

Ибрагимов спрятал коньячную бутылку в карман и жестом предложил прогуляться по палубе.

Зигфрид Кеплер выделялся среди всех старших офицеров крейсера «Мираж», хотя внешне казался тихим, неприметным и спокойным. Вопросы субординации были для него важнее всего прочего, а репутация — и вовсе высшей ценностью. Как истинный и достойный представитель своего народа, Кеплер всегда любил порядок, честность, исключительную правильность, объективность и точность во всем: в делах и словах. Иногда он вызывал раздражение своим кажущимся формализмом, зато в деле проявлял твердость и надежность. Дело для Зигфрида всегда оказывалось важнее каких-либо идеологем, отношений между людьми и прочих отвлекающих моментов.

Прошли по нижней палубе до второго поворота, где командир батареи сделал несколько поспешных шагов вперед, перекрывая путь капитану, и жестом предложил свернуть.

Никто в точности не знал, где расположена каюта Кеплера: тот никогда и никого к себе не приводил. Считал каюту члена экипажа личной территорией, а потому и сам не заходил к другим, даже если его звали. Сам Ибрагимов не подозревал, где же находится каюта Зигфрида, не выяснял, уважая небольшую странность своего офицера.

— Сюда. Прошу…

Ибрагимов переступил порог и оказался словно в ботаническом саду. Везде — на подоконнике у окна-монитора, на книжных полках, на рабочем столе, в кадках на полу — росли цветы и самые разнообразные растения. От двухметровых кактусов тригоны до фикусов, дифенбахий и лилий. Разве что на кровати и небольшом участке рабочего стола не было цветов. Даже под потолком натянуты были веревки, по каким вились

ползучие растения.

— Ни хрена у тебя тут огород, Зигфрид, — промычал Ибрагимов. — Слушай, я и не знал, что ты такой поклонник растительности. Хотя, конечно, это очень важная деталь, и я как капитан должен был это знать…

— Наверное, вы правы, Тимур Магометович.

— Слушай, а у тебя тут насекомые какие-нибудь есть? Ни разу не видел живого таракана…

Кеплер пожал плечами. Должно быть, тараканов все же не водилось.

Прошли в каюту. Ибрагимов опустился на диван, Кеплер — на стул у рабочего стола. Несколько секунд молчали. Капитан разглядывал окружавший их зимний сад. Отчего Зигфрид сделал для него исключение и пустил к себе? Видно, разговор предстоял действительно важный.

— Так что ты хотел обсудить, Зиг? — спросил Ибрагимов.

— На борту готовится мятеж, товарищ капитан, я счел важным сообщить вам об этом. Некоторые офицеры, хм… недовольны тем, что вы… как бы это сказать, злоупотребляете. Ходят слухи, будто вы не знаете, что делать, и мы скоро все погибнем, если так продолжится. Зачинщики из числа офицеров уже предлагают варианты действий, которые позволят нам обезопасить себя…

Ибрагимов ухмыльнулся. Он догадывался, конечно, о ком идет речь.

— И чего они хотят?

— Есть план вступить в переговоры. Противник боится двух вещей — что мы уничтожим двигатель и что применим ракеты «Заря». Многие думают об этом. Если мы отойдем достаточно далеко, то сможем применить ракеты, не попадая в зону поражения. Тогда у нас есть шанс не оказаться обманутыми. Мятежники захотят торговаться. Это их предпоследний шанс.

Насчет последнего шанса Ибрагимов не хотел ничего узнавать. Последний раз, когда такое на его памяти случалось, в системе Форус, погибла целая группа кораблей. А вот переговоры — та самая тема, где надо держать руку на пульсе. Мало ли что.

— Интересно, и что эти беспозвоночные хотят выторговать у каракарцев?

— Этого я не знаю. Ясно только, что цели сторон определились. Мятежники думают увести корабль, а каракарцы потребуют отдать ракеты «Заря». На честное слово никто не готов положиться, это справедливо, учитывая невысокую мораль обеих сторон. Но вы… я пришел именно потому, что уверен в ваших способностях дипломата.

Ибрагимов кивнул, встал с дивана и направился к выходу, махнув Кеплеру, чтобы тот следовал за ним. У поворота на кают-компанию он резко остановился и повернулся к Зигфриду. Несколько мгновений простоял молча, подняв вверх указательный палец и пытаясь сформулировать мысль, явно искаженную опьянением.

— Когда меня пойдут низлагать, я хочу, чтобы в этот момент ты находился на батареях со всей своей командой. Когда бы это ни произошло, чтобы ни случилось. Выполни данное мною распоряжение. Момент истины, понимаешь…

●○○○○

Когда Ибрагимов доковылял до кают-компании, там шли ожесточенные дебаты о путях разрешения ситуации с каракарцами. Голоса заметно стихли, когда появился капитан. В центре, как он и ожидал, столпились высшие офицеры, включая, конечно же, Джемисона. Последний находился в фокусе всеобщего внимания. Когда появилось начальство, он немного побледнел, но, тем не менее, выглядел раздраженным и уверенным в себе.

— Вам помочь или не мешать? Надеюсь, вы затеваете не какую-нибудь ерунду, верно? — бросил Ибрагимов, войдя в круг собравшихся и садясь в кресло. — У меня появилась свежая идея. Мы попробуем провести переговоры!

— Очень своевременно, — выпалил кто-то.

— Да-да, это мы и сами уже решили, — подхватил другой.

Кто именно это выкрикивал, капитана не очень волновало. Он поглядел по сторонам, надеясь найти своего адъютанта, а после заявил во всеуслышание:

— Мы попробуем инициировать переговоры. Нашу сторону будет представлять очень надежный и проверенный человек. Макаров, черт возьми, где ты шляешься?!

Адъютант вынырнул из толпы. Казалось, только что его там не было, но вот он появился. Ушлый для этой команды, даже слишком.

— Эй-эй-эй! — запротестовал Феликс Джемисон. — Мы не знаем, справится ли он с заданием. Мы не можем ему доверять свои жизни!

— Мы даже не знаем его по имени. Макаров и Макаров, а как его звать? — послышалось в толпе.

— Да. Ходит как тень, вынюхивает что-то, шпионит за всеми…

— Вот кто он такой, какая у него компетенция?

— Отставить демократию! — прикрикнул капитан.

Все стихли, гвалт прекратился.

— Вы слушаете меня, а я прислушиваюсь к нему. Так что назначаю переговорщиком Макарова. Точка. Остальные детали буду согласовывать только с ним и с представителями технических служб корабля.

Вновь оживленно забурлили голоса, не выходя, впрочем, за рамки субординации. Ибрагимов вытащил бутылку и допил остатки, а после встал и направился к себе в каюту за следующей. Не доходя до двери, он упал, поднялся, матерясь последними словами, и вышел в коридор.

Эти переговоры были не самым популярным его решением.

Вскоре Михаэль, связист, послал на дредноут сигнал, сообщавший, что «Мираж» готов к переговорам. Противник не заставил себя долго ждать: десять минут спустя пришел ответный сигнал о готовности встретиться на нейтральной территории между кораблями, примерно там, где плавал в космосе бесхозный двигатель. В качестве переговорной площадки каракарцы выбрали свой исследовательский корабль, предназначенный для спуска экспедиций на неизученные планеты.

Корабль вылетел в условленное время вместе с двумя «гаргарисками», что формальным кортежем проводили его к той условной линии, куда долетал первый истребитель, прощупывая своего противника. Добравшись до этой умозрительной отметки, истребители остановились и, дождавшись, когда переговорное судно прибудет к точке встречи, развернулись, чтобы вскоре скрыться в шлюзах «Дриады».

На «Мираже» не оказалось ничего подобающего, чтобы представительно ответить каракарцам, поэтому пришлось ограничиться небольшим двухместным ялом, что готовили в доках, наспех проверяя системы навигации и приемники телеметрии на случай, если что-то пойдет не так. Насчет шлюзов стыковки волноваться не приходилось: и земляне, и каракарцы использовали стандартизированные универсальные шлюзы для стыковок малых кораблей.

Ибрагимов, появившийся у шлюзовых узлов перед отправлением переговорщика, уже прилагал значительные усилия, чтобы держаться на ногах, как подобает капитану. Пока рядовые работники проверяли системы космической лодки, он

отвел в сторону Макарова, чтобы дать ему последние инструкции.

— Слушай, дружище, враг хитер и… просто глыба, — зашел издалека капитан, — но ты сам все видел: мы их обманули… Ик… Враг знал, что мы не сможем, что мы не готовы уничтожить двигатель, но все равно был удивлен, когда мы начали стрелять, а потом был удивлен еще больше, когда мы его не взорвали… Ик… Бороться можно, и у нас есть план. Что бы ни говорил их переговорщик, ты должен всегда держать в уме только одно — мы не сбросим наши ракеты «Заря»… Ик… А если сбросим, то это должны быть уступки, на которые они никогда не пойдут. Мы должны максимально их разоружить, прежде чем скроемся, иначе у них остается возможность стрелять. Только когда получим гарантии, только тогда пойдем на уступки.

— У нас слабые переговорные позиции, Тимур Магометович.

— Это сути дела не меняет… Ик… Они будут требовать сброса ракет, так как сами их боятся. Наша задача — навязать равноценный обмен.

Переговоры в такой ситуации — сложное предприятие. Тяжело вести переговоры с людьми, которые читают твои мысли. К счастью, Макаров достаточно умен, чтобы не размышлять об этом слишком долго. Он повернулся к своему ялу и еще раз задумался о переговорной стратегии. Конечная цель у обеих сторон одинакова — разбежаться подобру-поздорову.

— А где техник? — неожиданно обронил Макаров.

Они должны были лететь вдвоем. Второй — специалист по вооружениям, чья задача — оценить возможности «Дриады», чтобы составить список требований. Сейчас его в отсеке для челночных кораблей видно не было.

— А кто должен лететь?

— Шпилин…

Ибрагимов достал из кармана терминал связи с бортовым компьютером. Лицо Карины появилось на экране.

— Найди мне, пожалуйста, техника Олега Шпилина… Ик… Он нам срочно нужен.

— Средняя палуба, каюта 13-А.

Через несколько минут Макаров, еще несколько солдат и специально вызванный непосредственный начальник Шпилина Зигфрид Кеплер уже находились у обозначенной каюты. Дверь полуоткрыта. Должно быть, в сервомеханизм что-то попало. Внутри — чудовищный бардак, как после ребулийских погромов. Вскоре нашелся и сам Шпилин. Он лежал в неестественной позе на полу под завалом вещей, распространяя сильный запах мяты.

— Черт, налакался марры… — констатировал один из солдат, переворачивая техника на спину.

— Жив, но в глубоком беспамятстве, — сообщил другой.

Среди личного состава небольших кораблей было распространено изготовление марры — синтетической настойки трав на отваре кожи судовой мебели и топлива. Крепкое пойло, не всякий осилит. Учитывая, что весь алкоголь на корабле контролировал лично капитан или, на худой конец, на пару с помощником, а стрессовые ситуации в рейдах только учащались, членам экипажа приходилось расслабляться подобным образом.

Шпилин явно не выдержал давления обстоятельств. От напряжения не убежишь.

— Вызовите врача, пусть забирает, — распорядился Кеплер. — И найдите другого техника!

— Команда не справляется с нагрузками, — промычал еле слышно Ибрагимов.

— Ваш пример тоже кое-чего стоит, при всем уважении.

— Ага, только мой пример не мешает работе корабля. Ик…

— Да хватит уже икать, товарищ капитан, задержите дыхание или выпейте воды!

Ибрагимов кивнул Кеплеру в знак признательности, а потом икнул еще пару раз.

Вскоре нашелся второй техник. Тот был довольно юн. Впрочем, Ибрагимов с самого начала знал, кем ему придется руководить: тут практически все были неопытными выпускниками академии на Марсе, в боях не участвовали и, как говорится, пороха не нюхали. Капитан искренне радовался, что их первой операцией стало уничтожение контрабандистов — прежде, чем «Мираж» столкнулся с залетевшими в границы Содружества прожженными каракарскими асами.

Уже вчетвером — Ибрагимов, Макаров, Кеплер и юный техник Лешин — прошли назад на верхнюю палубу к ялу и еще раз обсудили детали переговоров. На сей раз Макаров попросил Ибрагимова уделить ему приватные десять минут. Отошли в сторону.

— Я сомневаюсь, — признался адъютант.

— Чего?

— Телепат…

Ибрагимов ухмыльнулся. Вражеский чтец мыслей беспокоил всех, но все молчали. Каждый пытался контролировать свои мысли.

— Не думай об этом, — отвечал Ибрагимов. — Про телепата ведь все знают только из учебников и с моих слов. Может, там его и нет? Может, он погиб в бою с нашим линкором? А может быть, его съели? Знаешь, сколько тут торчит этот дредноут? Уверяю, там должна быть уже шибко нездоровая обстановочка: всем все

надоело пуще нашего. Делай только одно: не выдавай нашу истинную цель — максимально их разоружить. Только тогда мы сможем отступить безопасно. Торгуйся по любой мелочи! Удачи.

Капитан хлопнул адъютанта по плечу, и тот направился к ялу. По дороге к Макарову присоединился техник. Ибрагимов проводил их взглядом и лишь тогда осознал, насколько хочет спать.

●○○○○

Яркие огни сопел закоптили шлюзовые ворота.

Маленькая яркая точка яла уплывала вдаль, в центр военного напряжения. Отсюда, с «Миража», могло показаться, что все бессмысленно, настолько силы были неравны. Даже шаровидный корабль «Жук», предназначенный для исследований, но переоборудованный под переговорную, видом своим уничтожал надежду.

Джемисон стоял у командного пульта, склонившись над сенсорными панелями. «Доверили крейсер черт знает кому, Ибрагимов всех погубит!» На душе было гадко. В нарушение устава старпом вытащил из кармана сигарету. Щелкнул по ней пальцем, и сигарета сама вспыхнула и раскурилась.

— Немов! — крикнул он. — Что там со связью? Ты как неживой! Где связь?

— Связи нет, товарищ старпом…

Связь установить не удавалось уже давно: и в связи с проблемами техническими, из-за наличия в туманности ниобия, азота и других примесей, и по причине вражеских помех. С другой стороны, дредноут передавал некие сигналы на исследовательский корабль: его антенны минус-связи оказались гораздо мощнее. На двух членов переговорного процесса с «Миража» проще воздействовать, если те в изоляции. Ибрагимов даже это не смог предусмотреть!

— Все старшие офицеры пусть проследуют в кают-компанию, — распорядился Джемисон. — Немов, очнись! Передай команду по внутренней связи. Остальным оставаться на боевом дежурстве.

Затянувшись несколько раз, он затушил сигарету, стиснув ее в кулаке, а затем вышел из помещения рубки.

В боевых условиях Джемисон с телепатами никогда не сталкивался, поэтому, пока шел в кают-компанию, решил для себя разложить по полочкам суть проблемы. Во-первых, он знал, что телепаты не умеют передавать сигналы внушения. Вернее

могут, но такие сигналы не настолько сильны, чтобы склонить человека к действиям, особенно на большом расстоянии. И уж точно телепаты не способны побороть инстинкты выживания у объекта манипуляций. Во-вторых, телепаты не могут читать мысли многих людей сразу. Или могут? Откуда он это знает? Из старых книг, что прочел в школе. Научная фантастика.

Как это случилось? Что именно сделал Ибрагимов, раз противник не смог правильно прочесть намерения стрелков «Миража»? Если Джемисон правильно поймет, как действовать, у него будет собственный план, который позволит усугубить давно зреющие в офицерской среде мятежные настроения и разрешить ситуацию.

Занятый этими мыслями, старпом прошел мимо поворота на кают-компанию и приблизился к каюте Ибрагимова. Несколько неуверенных стуков в дверь и ноль реакции от капитана. Лишь когда старпом стал изо всех сил молотить кулаком в дверь, начальство пробудилось от алкогольного забытья.

— Идите в жопу, мартышки…

— Капитан Ибрагимов, нам надо поговорить! — требовательно произнес Джемисон.

— Говори так, я сплю…

— Хорошо! Я хочу спросить, что вы сделали, чтобы обмануть каракарцев? Не пытайтесь отшучиваться и язвить, я видел, что вам удалось и выстрелить, и, одновременно, промазать. Что это было, черт возьми?

Минуту Ибрагимов молчал, Джемисону показалось даже, что тот вновь уснул. Однако через некоторое время из-за двери донеслись звуки ерзания и зевков. Затем Ибрагимов ответил:

— Он не умеет читать мои мысли. А мысли остальных — умеет. Поэтому требовалось убедить всех наших в том, что мы стреляем прицельно. Я же сбил настройки нейтронной пушки.

— Он не может читать ваши мысли, потому что вы по-свински налакались?! Вы хотите, чтобы я в это поверил?

— Он не умеет читать мои мысли, потому что я киборг. А ты дурак. Иди на свое место и следи, чтобы экипаж выполнял свои обязанности. Мне надо поспать.

Джемисон попытался возразить в своей манере — жестко и язвительно, но реплики его остались без ответа, а через несколько секунд из каюты капитана донесся громкий храп.

Старшему помощнику ничего не оставалось, как вернуться к ранее разработанному плану по смене командования на крейсере «Мираж». Тем не менее, пока он шел в кают-компанию, где уже собрались его друзья по заговору, он сделал важный для себя вывод: Ибрагимов опаснее, чем кажется, даже несмотря на пьяный

угар.

III

Корабль «Жук» походил на неровную сферу, из которой в разные стороны торчали антенны минус-связи и сенсоры. С точки зрения эргономики землян, он выглядел несуразно, но как абстрактное геометрическое тело был весьма симпатичен на вид. Однако то была привлекательность скульптурной композиции, а не серьезного космического корабля для исследования пограничных миров. Во всяком случае, на памятные календари фотографии таких кругляшей не наносят.

Ял сделал почетный круг, огибая «Жука» и дрейфующий двигатель. Очевидно, мимо пролетал осколок поглощенных туманностью миров и стукнулся о край двигателя, заставляя протонный расщепитель беспорядочно вращаться. Выглядело это живо, но и вселяло мысль о том, что — будь в следующий раз осколок больше, а его скорость выше, — игра вмиг закончится.

Ял пристыковался к кораблю без особых проблем.

Сделав глубокий вдох, собравшись с мыслями, Макаров ступил на борт корабля каракарцев. Вот и все — с точки зрения политико-юридических норм, он находился уже в другом государстве.

— Никогда не был за рубежом… — вырвалось у него.

— Это не считается, — понял его техник. — Это вроде как нейтральная территория, предоставленная для переговоров.

Они оказались в небольшом помещении со скафандрами, хозяйственным инвентарем, ящиками и шкафчиками. Шкафчики стояли открытыми, исчезло все, что могло быть использовано как оружие — лопаты, ломы, строительные пистолеты и прочий представляющий опасность скарб.

Первое, что дало о себе знать — повышенная гравитация и острый запах в воздухе. Каракарцы жили в мирах с высокой гравитацией, такую и настраивали в кораблях. Не то чтобы эта гравитация была для истиннолюдей невыносимой, но действовала гнетуще. Как только адъютант и техник перешагнули порог корабля, каждый почувствовали, как его тело и одежда обрели совсем иной вес. Странный запах в воздухе воссоздавали какие-то газы, присущие родной для каракарцев атмосфере. Те не были опасны для землянина, но чувство создавалось, будто оказался в лавке, где собраны все пряности мира, взвесь которых годами пропитывала воздух.

Шлюз, к которому пристыковался ял, вел в пустое помещение, залитое красным светом и казавшееся оттого живым и пульсирующим. Но такую шутку могло сыграть с наблюдателем

и подскочившее от измененной гравитации кровяное давление. В помещении стояли две длинные скамьи и располагались отсеки для скафандров, скафандры, однако же, больше валялись на полу и на скамьях. Источник света определить трудно, скорее всего, свет шел снизу. Из помещения имелся только один выход — в коридор, наполненный таким же красным маревом. Как если бы туманность проникала и сюда.

Макаров и Лешин выгрузили из яла несколько кейсов с документацией и прошли в коридор. Там обстановка еще меньше походила на земную: замысловатые узоры на стенах, плавно перетекающие в утилитарные элементы корпуса. Казалось, каракарцы стерли грань между декоративным и функциональным, растворив свою цивилизацию в двух этих средах. Война для них так же являлась и искусством, и средством, причем в их понимании два эти смысла были неразрывны. В то время как истиннолюди, земляне, постоянно колебались, выбирая между искусством и функцией, разделяя эти понятия, используя утилитарное в быту, а после убеждая себя, будто это и есть красота, каракарцы, казалось, поднялись на совершенно новый уровень, чуждый и удивительный.

— У них нет музеев, — тихо произнес Макаров.

— Что, простите?

— Когда имеешь дело с каракарцами, надо понять их логику. Для каракарца нет абсолютного понятия пользы или вреда, бесполезно взывать к их рациональности, проводить взаимовыгодные сделки, основанные на принятых у нас показателях эффективности. Я сталкивался с каракарскими торговыми агентами на Процеоне-II, когда с ними торговал мой отец. Несмотря на то, что они тоже когда-то были землянами, их внутренняя организация и образ мысли претерпел значительные изменения. Они могли уступить, провести сделку умышленно в ущерб себе, если видели, что она совершается красиво. Иногда же, наоборот, выставляли совершенно неприемлемые условия, грозящие лишними ограничениями и обременениями, не имеющими к сути сделки никакого отношения. Каракарцы не отягощены нашей моралью, у них она другая. Они верят, что отвечать добром на зло плохо, так как это порождает зло, а отвечать злом на добро — хорошо. Для них вещи практичные, но некрасивые нефункциональны. Каракарцы — это эстетствующие философы-воины, доказавшие превосходство своей цивилизации. Не пытайся понять…

— … народ, у которого нет музеев? — усмехнулся техник.

— Нельзя сказать, что они совершенно отличны от нас. Конечно, их манера говорить от третьего лица с непривычки

обескураживает. Так каракарцы различают собственное мнение и мнение, что продиктовано их должностью. Они считают, будто так честнее. Мы называем это «официальной позицией». Они же дистанцируются по-своему.

— Звучит забавно.

— Соберись, — велел Макаров, когда они достигли конца коридора, и адъютант взялся за пневморучку высокой красной двери, ведущей в переговорный зал. — У человека в голове каждую секунду происходит несколько тысяч операций. Некоторые являются мыслеформами, некоторые проходят в подсознании. Но для суггестов и телепатов все наши мысли — явь. Возможно, мы уже проиграли переговоры. Входим без надежды и сожаления…

Техник глубоко вдохнул и выдохнул. Это его внутренне дисциплинировало. На несколько секунд закрыл глаза, когда же открыл их, был готов свершить свой подвиг и еле заметно кивнул.

— Отлично.

Пневморучка со свистом повернулась, дверь медленно отворилась. В зале никого не было. Тусклый красный свет падал на большой переговорный стол, а на стенах помещения темнели причудливые узоры-картины, повествующие о покорении предками каракарцев их Новой родины, планеты-столицы всего Каракар-Кар’деша.

Новая родина, планета под названием Фуратар в системе С-06, была заселена более двухсот лет назад беженцами после эпидемии, охватившей три населенные планеты Караша. Связь с ними вскоре утратилась. Прошло полтора века, и первые корабли новой цивилизации прибыли со стороны Фуратара с исследовательской миссией в систему Караш. Появившаяся вскоре военно-дипломатическая миссия предъявила местной администрации требования вернуть планеты Караша под юрисдикцию Фуратара по праву первоначального владения.

Населенные миры Караша пережили эпидемию и при поддержке правительства Ребулы не более чем за сто лет восстановили экономику и производство. В их планы не входило отказываться от юрисдикции землян в пользу каких-либо прав потомков беженцев, улетевших в неизвестном направлении в самые тяжелые годы истории миров Караша. Губернатор столицы системы Караш — планеты Нолгар-III — прямо заявил, чтобы каракарцы убирались туда, откуда пришли. Каракарцы ответили орбитальными бомбардировками. Так началась оккупация миров Караша и первая война истиннолюдей и каракарцев, длившаяся пять лет. В ходе войны каракарцы оккупировали миры Караша и практически полностью уничтожили систему Вазгур,

стратегически важный удаленный мир под протекторатом Тилуриги, богатый полезными ископаемыми.

Война закончилась установлением зоны карантина, и мир продлился сорок лет, пока каракарская эскадра не напала на Ребулу, Альфу и Талуриги. Геноцид Ребулы — стратегического коммуникационного и политического узла всего Центаврийского сектора и четырех ее миров — Арата, Кронкса, Берекадара и Процеона-IX — был отображен в гравюрах на стене напротив двери, через которую вошли Макаров и Лешин. От одного вида этих картин и ужаса, запечатленного на лицах жителей Арата, гибнущих в пламени орбитальных ракет, делалось тошно. Малой части воображения хватало, чтобы окончательно утратить веру.

Макаров взял себя в руки и прошел к столу, поставил на столешницу кейсы с технической документацией и сел. Вдохновляясь самообладанием адъютанта, последовал его примеру и техник.

Несколько минут молча сидели за столом, уставившись в мрачные сцены на стенах, затем пневморучка противоположной двери свистнула, и в помещение вошли три каракарца.

Они оказались загорелыми бойцами высокого роста, практически все чуть выше двух метров. Одеты были в плотные, но легкие офицерские костюмы. Все трое скрывали лица под масками — старая каракарская ритуальная традиция, связанная с правами разумных существ. На Земле и в освоенных мирах не придавали значения этому пережитку международного права, но для каракарцев оно осталось святым и тщательно охранялось со времен исхода беженцев из Старой родины. Возможно, в далеких мирах Фуратара так они острее чувствовали свою родину, свою историю. Теперь же повышали таким образом свою переговорную позицию, напоминая истиннолюдям об их коллективной вине и несправедливостях прошлого.

Каракарцы прошли к столу, не выдавая своего настроения, расположились напротив посланников «Миража» и разложили по столешнице бумаги из своих — узорчатых и золотистых — кейсов.

Голос растекся по залу, как и стоявшая здесь красная пелена — голос бортового компьютера «Жука». Его успели обучить протоколу и теории переговоров, что было и странно, и приятно.

— Бортовой интеллект Лоц приветствует делегацию Каракар-Кар’деш, приветствует делегацию Содружества. Рассчитывая, что обе стороны сошлись с взаимным доверием и с желанием разрешить вопрос путем мира и переговоров, исходя из признания суверенных прав друг друга, высших гуманитарных ценностей и необходимости уважения, территория военно-

исследовательского корабля предоставляется для переговоров как нейтральная, согласно галактическим законам.

Каракарец, сидевший в центре, поднялся и, спустя минуту, снял маску, обнажая человеческое и вполне приветливое лицо. В мемофильмах, что в свободное от службы время просматривал Лешин, каракарцев изображали уродами или чудовищами с грубыми обезьяньими гримасами. Хотя известно, что агитпроп всегда приписывает врагу те недостатки, от которых страдает и с которыми борется его собственное государство.

— Я, Калиад Манухтар, вице-прециат звездного линкора «Семерафон Милосердный», представляющий интересы объединенных свободных систем Каракар-Кар'деш, подтверждаю свои полномочия и приветствую противную сторону.

Садясь, Калиад вновь надел маску. Протокол требовал от Макарова повторить его приветственную реплику, и адъютант постарался ничего не пропустить, так как каракарцы в процессуальном плане были очень щепетильны и злопамятны.

— Я, Макаров, адъютант капитана звездного крейсера «Мираж», представляющий интересы Содружества планет… подтверждаю свои полномочия и приветствую противную сторону.

Когда он сел, снова поднялся Калиад.

— Мои помощники — казуал звездного линкора «Семерафон Милосердный» Гайрандель Литери и старший нотар вооружений Литицер Фейразар.

Макаров назвал и своего коллегу:

— Мой помощник — техник по вооружениям звездного крейсера «Мираж» Денис Лешин.

После того как традиционные преамбулы прозвучали, виртуальный интеллект Лоц огласил, что каждая сторона имеет право удалиться в любой момент на совещание, что предметом обсуждения будет сценарий безопасного расхождения кораблей в космосе, и озвучил прочие условия и формат переговоров. Только сейчас Макаров понял, во что его втянул Ибрагимов. И еще он понял, что очень боится.

●○○○○

Когда в дверь постучали, Зигфрид открыл не сразу. Сперва он застегнул пуговицы на манжетах и вороте кителя, потом поправил прическу и лишь затем отворил дверь ровно настолько, чтобы выйти из каюты, тотчас прикрывая ее за собой. В коридоре стоял Джемисон и нервно курил.

Сразу стало понятно, что разговор пойдет об Ибрагимове, иначе бы старпом не вызвал бы Кеплера к себе, а не явился бы собственнолично и в одиночку. Впрочем, в офицерской среде корабля другие разговоры в последнее время и не велись.

— Скажите, что вы прячете у себя в каюте, капитан третьего ранга Кеплер, — начал с излишним официозом старпом. — Неужели у вас там разлегся этот алкаш и неудачник Ибрагимов?

— Вы забываетесь, офицер, — оборвал его Кеплер. — Личное имущество и личное пространство на корабле, согласно параграфу восемьдесят четыре Экспедиционного устава, не подлежит досмотру. К тому же я никому не позволю в моем присутствии так говорить о капитане.

— Зиг, дружище…

— Прекратите фамильярничать!

Некоторое время старпом собирался с мыслями, медленно затушив о рукавную пуговицу кителя очередную сигарету. Начал вновь формально:

— Капитан третьего ранга Зигфрид Кеплер, учитывая ситуацию на корабле, сложившуюся в последние дни, явную неспособность капитана крейсера дать вразумительный отчет в своих действиях, а также — сложность его физиологического состояния, и принимая во внимание весь тот потенциальный риск, с которым мы имеем дело после столкновения с противником, явно превосходящим нас по вооружениям и огневой мощи, я учредил офицерский Совет, который определит нашу дальнейшую стратегию. Я хотел бы обсудить с вами вашу позицию и понять, готовы ли вы поддержать неуставные решения, на которые пойдет Совет в случае крайней необходимости?

Под неуставными решениями он, конечно же, понимал мятеж, отстранение капитана и сговор с противником. Иначе уцелеть казалось невозможным. Крайняя мера — капитулировать и сдать корабль. Что могло произойти только в том случае, если переговоры будут сорваны. Ответственность, возложенная на Макарова, стала куда как тяжелей. Но почему тогда просьба капитана к Кеплеру состояла в том, чтобы держать наготове батареи огня, если первоочередной задачей в случае срыва переговоров — Ибрагимов не мог не понимать этого — окажется подавление мятежа?

— Я должен заметить, — после некоторой паузы произнес Кеплер столь же официально, — что для нас сейчас первоочередной задачей является поиск компромисса. Кризис, в котором мы оказались, угрожает не только нам, но и нашим противникам. Поэтому, если мы найдем взаимовыгодную формулу сотрудничества, мы сможем покинуть конфликтную

зону без ущерба для себя.

— А если Макаров не сможет договориться? Что, если он там уже провалился? Надо будет действовать незамедлительно. Капитан недостаточно гибок для решений, обеспечивающих гарантированное выживание экипажа.

— Капитан в сложном положении. — Кеплер отер лоб платком.

Похоже, мятеж неизбежен. Если Джемисон завел с ним этот разговор, значит, решающее большинство команды уже на стороне старпома.

— Сложным положением сложно оправдать резкое падение наших шансов на выживание. Да и сам факт того, что это именно Ибрагимов завел нас сюда, в ловушку…

— Я бы на вашем месте, старший помощник Феликс Джемисон, вместо того чтобы рассматривать неуставные варианты, сконцентрировался бы на укреплении палуб и внутреннего корпуса, чтобы приготовить крейсер к борьбе за живучесть. Что будет крайне важно, если последуют события, о которых мы оба сейчас думаем. Каким бы ни оказалось решение вашего совета, оно вряд ли приведет к бескровному урегулированию кризиса. И стоит готовиться к худшему.

— Я так понимаю, вы безоговорочно верите капитану? И, в случае чего, пойдете против команды? — Джемисон вопросительно прищурился.

— Как боевой офицер я давал присягу, поэтому ваши неуставные решения, пожалуйста, принимайте без меня. Я не войду в ваш так называемый совет, ибо заниматься общественными делами не входит в мои обязанности. Но, согласно Экспедиционному уставу, буду отвечать за вверенную мне сферу ответственности — сохранение боеспособности крейсера. Вы поймете, насколько это важно, в том случае, если и противник станет принимать решения вопреки уставу.

Джемисону стало ясно, что Кеплер самоустраняется от участия в мятеже. Слишком щепетильный офицер мешает при принятии непопулярных или морально двусмысленных решений, сам же выиграет при любом исходе, в то время как заговорщики ставят на карту все. Важнее, однако, было то, что батареи должны находиться в боевой готовности, а ракеты — поставлены на боевое дежурство. И кто-то должен это делать, пока совет занят отстранением Ибрагимова. Тут командир батареи был прав.

— Я хорошо понимаю вашу позицию, Кеплер. Мне нравится то, что вы трезво оцениваете наши перспективы и тот факт, что наши возможности для ответа противнику не настолько ограничены, как считает капитан Ибрагимов.

— Да, я полагаю, что доступно объяснил мое видение проблемы, — язвительно подчеркнул Зигфрид. — И раз вы идете в кают-компанию на встречу с «советом», обдумайте мое предложение о подготовке корабля к борьбе за живучесть. Потому что, если ответственный за данный фронт работ капитан второго ранга Брусьев станет митинговать в «советах», члены его службы могут окончательно спиться маррой, чего капитан Ибрагимов никогда бы не допустил.

— Спиться так же, как ваш техник?

Кеплер промолчал, но его недовольство достаточно красноречиво проступило на лице. В ответ он вернулся в каюту и хлопнул дверью.

●○○○○

— …я полагаю, вы неправильно поняли предложение вице-прециата, — заметил сам вице-прециат Калиад Манухтар. — Ему достоверно известно, что на борту крейсера «Мираж» находятся пять единиц ракет класса «Заря». Вице-прециата не интересуют конвенциональные ограничения на эти боеголовки. Его позиция заключается в том, что вы должны обезопасить отход линкора, когда линкор обезопасит ваш.

Каракарец слева, казуал Литери остановил переговорщика жестом. Добавил:

— Поймите их правильно, адъютант Макаров. Они сидят за этим столом, потому что они не считают их отход абсолютно безопасным. Несмотря на то, что ракеты «Заря» запрещены Талуригейским договором, это оружие все равно находится у вас на борту. Более того, даже если их сторона даст гарантии ненападения и подтвердит это конкретными актами доброй воли, на которых вы настаиваете, нет никакой уверенности в том, что ваш корабль не использует ракеты «Заря», покинув радиус поражения. И хотя такое развитие событий они считают маловероятным… хотя бы потому, что, скорее всего, они успеют подключить двигатель и так же покинуть зону поражения… эта малая вероятность все равно существует. И прежде, чем они предпримут какие-то дружественные шаги, они настойчиво предлагают вам продемонстрировать приверженность мирному разрешению конфликта сбросом в космос всех пяти боеголовок.

— Я хочу подчеркнуть, что сброс ракет в одностороннем порядке мы считаем неприемлемым, — хладнокровно возразил Макаров. — Это мероприятие без каких-либо встречных гарантий ослабляет наши позиции. И я хотел бы узнать, какими именно

ответными действиями вы будете гарантировать ненападение.

Руки Лешина тряслись, и техник не мог ничего с этим поделать. Наблюдая за действиями Макарова, нельзя было не проникнуться глубоким уважением к этому человеку. За столом переговоров сам Макаров был как каракарец, он презирал все, что оказывало на него давление. А давило на него все: от высокой гравитации и красной мрачной цветовой гаммы до численного и физического превосходства контрагентов. Сам их вид, существ, облаченных в маски и ярких раскрасок доспехи, обладателей огромных ручищ, способных оторвать голову простому истинночеловеку, уже вызывал ужас.

Но Макаров не боялся. А может просто не показывал этого. Он так изящно обращался с дипломатическим волапюком, словно бойцы из орбитального спецназа с кинетическим бластером, что ловко отбивал атаки в этой затяжной словесной дуэли. Становилось совершенно очевидно, что контакты его семьи с торговыми агентами многому его научили, включая глубокое знание дипломатической казуистики.

Сам Лешин перекладывал из кучи в кучу технические спецификации вооружений, которые ему дали каракарцы. Голографические лоттеры содержали практически полную информацию относительно имеющихся вооружений «Дриады». Эта не секретная информация, просто не каждый техник должен досконально знать, чем вооружен каждый корабль противника. Эта информация делала переговоры более интенсивными и предметными.

— Да, я ценю то, что вы предоставили чертежи и описание вооружений дредноута «Семерафон Милосердный». Однако я призываю понять и мою позицию тоже. Прежде всего, я не уверен, что это полный список вооружений. И для этих сомнений есть все основания! Я говорю о последней трети второй палубы, если вы понимаете. В этом месте у кораблей подобного типа находится склад ракет высокой точности серии МХ. И подозрительно то, что в предоставленных спецификациях нет упоминания этих помещений. Во-вторых, поймите меня правильно, но для сброса боеголовок предоставленных вами чертежей мало. Нас интересует разоружение корабля «Семерафон Милосердный». Причем это должно быть такое разоружение, которое гарантировало бы невозможность разрушения внешнего корпуса «Миража». Я говорю о полном сбросе обычных вооружений…

— Это неприемлемо! — Нотар вооружений Литицер Фейразар ударил кулаком по столу и встал со стула.

— Я хотел бы, чтобы вы держали себя в руках! И более того, правильно понимали нашу озабоченность! Совокупного

вооружения «Миража» не хватит, чтобы нанести существенный вред кораблю класса «Дриада» в то время как несколько противокорабельных ракет «Триакра» хватит для поражения успешно маневрировавшего крейсера. А у «Миража», напомню, нет основного двигателя, а переконфигурация маневровых двигателей займет время, которого у нас нет…

Каракарцы быстро переглянулись, Литери еле заметно покачал головой.

Казалось, нотар вооружений успокоился. Он сел на свой треугольный стул. Вместо него вступился Калиад, который выглядел значительно более уверенно, чем еще пять минут назад. Чувствовалось, как он улыбается под маской, но это была лживая улыбка, которую нельзя разглядеть, ее можно только почувствовать по голосу.

— Вице-прециат полагает, что полный сброс ракет «Триакра» достаточно показательный жест. В их распоряжении находится 14 таких ракет. Если они избавят от них пусковые установки, это будет исчерпывающим и справедливым доказательством их дружественности. В ответ они рассчитывают, что на каждые четыре сброшенные ими ракеты вы ответите сбросом одной боеголовки «Заря». Таким образом, они надеются увидеть три сброшенные ракеты «Заря» в ответ на полное избавление их корабля от ракет «Триакра».

— На этот счет у меня возражение, — не растерявшись, включился Макаров. — Как мы видим из спецификаций, корабли класса «Дриада» штатно комплектуются 20-ю ракетами «Триакра». Почему в данном случае речь идет только о двенадцати?

— Шесть ракет были использованы по назначению во время столкновения в зоне карантина с линкором Содружества, — вставил нотар Фейразар. — Они не могут ни подтвердить, ни опровергнуть отсутствие остального боекомплекта, также как и вы не можете гарантировать то, что сбросите все три ракеты. Поэтому они могут предложить вам верить на слово при условии, что сброс будет происходить по шахматной схеме, и сбрасывать первую партию будут они.

— Это приемлемо. А как насчет тяжелой нейтронной турели? Это оружие способно повредить внешний корпус «Миража» не хуже ракет.

— Они обменяют деактивацию турели в обмен на две оставшиеся ракеты, — продолжил Калиад. — Но вице-прециат отдельно хочет уточнить характер сброса ракет «Заря». Они хотят, чтобы сброс осуществлялся в направлении «Семерафона Милосердного», точкой сброса они хотели бы считать не момент, когда боеголовка покинет шахту, а момент, когда боеголовка

попадет в поле действия их гравитационного аркана. Это позволит им не допустить возращения боеголовок с помощью средств гравитационного или электромагнитного возврата в ситуации, когда их корабль будет фактически обезоружен. Кроме того, он хотел бы отдельно обсудить способ нейтрализации вашего нейтронного орудия. Он думает, вполне достаточно сбросить блок калибровки. Его установка и сама калибровка орудия занимают значительное время, достаточное для того, чтобы они закончили монтажные процедуры с двигателем и покинули это место.

Макаров, не отрываясь взглядом от каракарцев, сделал несколько пометок в своем блокноте. Он постоянно так делал пока шли переговоры. Видимо, опыт.

— Я это согласую. Думаю, это оптимально.

— А что касается ракет СР-12 «Закат»?

Макаров только хотел открыть рот, как из-за стола вскочил Денис.

— Да сколько можно?! Мы и так уступили уже второе больше, чем вы! Это оскорбительно!!

Макаров пытался ухватить его за рукав и усадить за стол, но тот увернулся и отошел на некоторое расстояние, так что Макарову не удалось до него дотянуться. Пришлось вставать из-за стола.

— «Семерафон Милосердный»?! Это после устроенной им бойни в Караше?? После нападения на дальние миры Вазгура? «Милосердный» потому что убил десятки миллионов колонистов Арата и Кронкса?? За орбитальные бомбардировки кластерными зажигательными бомбами его так прозвали??

Макаров схватил его за руку и пытался вытолкнуть из помещения, но дверь оказалась закрыта, блокирована по протоколу искусственным интеллектом корабля. Макаров ловко ткнул его в печень, Денис осунулся и стих.

— Они не намерены обсуждать с вами исторические вопросы! — закричал Литицер Фейразар. Из всей троицы он вообще казался самым нервным. — Семерафон был великим каракарцем, Семерафон Освободитель миров, Семерафон Спаситель. Он доказал право владения мирами, которые Содружество отняло у нас. Он освободил Старую Родину от колониальной администрации, которая не брезговала пытками и физическими расправами. И вы попираете здесь имя это честного лидера…

Казуал жестом осадил его, и тот послушался.

Макаров оттолкнул в дальний угол техника, а сам вернулся к столу, но только склонился перед ним, а не сел на табурет.

— От имени капитана корабля Тимура Ибрагимова я приношу извинения за выходку нашего представителя… подтверждаю, что целью переговоров был и остается поиск компромисса как средства мирного разрешения кризиса… подтверждаю, что принимаю ранее достигнутые договоренности при условии соблюдения договоренностей противной стороной… заявляю, что намерения наши были чисты, и помыслы дружественны… — на секунду он замялся, вспоминая давно забытые протокольные каракарские фразы — надеюсь, что будучи приверженным… идеалам чести и порядочности… мы будем услышаны друг другом… И нам нужен перерыв…

●○○○○

Капли дождя молотили в стекло, и их звук очень отвлекал от хода мыслей. Ибрагимов еще справлялся с болью в тазобедренном суставе, к этому-то он привык, но постоянные удары крупных капель, сбивающих и так полуживую мысль, вынести оказалось сложно.

На дальних скамьях зала судебных заседаний сидела министр войны Аврора Мурено. Похоже, это единственный человек, который верил в бывшего капитана.

— Мы живем в мире, где идеалы превосходят наши принципы. Потому что люди слабы духом. Назначив себе какого-то кумира, мы пренебрегаем интересами большинства, не соответствующего образу этого кумира. И мы готовы поддерживать репутацию героев даже тогда, когда солнце погаснет, и перед нами обнажится пропасть. Это наш мир, очень мрачное место! Мы отказываемся от всего человеческого, истиннолюдей становится все меньше, а проблем с тем, что делает нас людьми, все больше…

Его голос технически стих. Судья Дмитриев о чем-то перемолвился с судьей Афанасьевой, и та спросила:

— Скажите, это имеет отношение к делу?

— Все, что он скажет, имеет отношение к делу, ваша честь, — ответила вместо Ибрагимова министр.

Ибрагимов продолжил.

— Так вот, во времена этого упадка для нас особенно нужны идеалы. Когда каракарцы напали на систему Ребула и начали орбитальные бомбардировки, нам особенно понадобился лидер, сочетающий в себе все

человеческое и все выдающееся, чего только мог достичь человек. Этим героем оказался адмирал Андрэ Магеллан.

Я знаю Магеллана лучше всех в этой комнате, а может даже и на всей этой чертовой Земле. Его можно считать героем, но героем он не являлся. Он не был лучшим в военно-космическом училище, корабли под его командованием не показывали выдающихся результатов, да и на флагманский линкор «Защита Рурина», гордость и шедевр военно-промышленного комплекса Содружества он попал только потому, что его отец служил адмиралом. «Защита Рурина» — первый из сверхлинкоров проекта 53 331 — личное детище адмирала Кристадо Магеллана. Он лоббировал этот проект, он нашел на него финансирование, он и подарил его сыну. Это наследство Магеллана-старшего. И его сын ничем его не заслужил кроме родства.

Андрэ Магеллан взял меня на борт, потому что он не мог доверять никому на корабле. Репутация папенькиного сынка плохо сказывалась на управлении кораблем. Команда его недолюбливала, офицеры саботировали его приказы.

Он очень нуждался в тех, кто мог бы заставить команду слушаться, а линкор действовать. Я, Блейцер, Макаров, Ле Квир, Лон-ки Ду и еще несколько человек, так называемый «ближний круг» Магеллана, учились на одном курсе. Лично я не считал, что делаю что-то постыдное. Быть старшим помощником капитана на таком крупном звездолете, на флагмане Центаврийского флота, я всегда считал такой большой ответственностью, что не задумывался о выгодах и благах. Мои коллеги считали точно так же.

И перед нами стояла великая задача, наладить такое управление флотом, какой соответствовало бы имени «Защиты Рурина». Скажу больше, мы справились. Поэтому, когда первые кластерные бомбы начали падать в системе Ребула, Магеллан больше всех подходил на роль освободителя дальних колоний от агрессии. Герой всегда один. А мы были верными помощниками Магеллана, и делали самую сложную работу — мы делали его героем.

Осознавая, что сам по себе он ценен значительно меньше, чем вся наша команда, Магеллан ударялся то в беспросветную депрессию, то был одержим приступами собственного величия и чувством непобедимости. Иногда его одолевала паранойя, ему казалось, что вокруг него

плетутся интриги и заговоры, хотя мы делали все, чтобы не допустить этих интриг. За время войны он ни разу не ступил на землю, потому что им овладела агорафобия и навязчивые идеи того, что над ним все смеются у него за спиной. За полгода до событий в системе Форус Магеллан отстранил от службы Лона-ки Ду, нашего товарища, за то, что тот, как показалось адмиралу, готовил теракт на линкоре. Я знаю Лона много-много лет. Он никогда не мог бы примкнуть ни к радикальным спесиецистам, ни к сквигам, ни уж тем более к звездным суннитам. А еще раньше он обвинял Лона чуть ли не в переходе на сторону противника, требовал его публично судить.

Поэтому когда я говорю, что да, я нарушил Экспедиционный устав, сделал инвалидом Магеллана, захватил командование боевым соединением и применил оружие геноцида, учитывайте, пожалуйста, что за человек был Магеллан, что он собой представлял на тот момент и к чему привели его действия в системе Форус, в результате которых мы потеряли два линкора, три крейсера, станцию «Зодиак» и тысячи преданных родине солдат…

●○○○○

Макаров втащил Лешина в шлюзовую, повалил на пол и с размаху дал ногой по ребрам. Техник отлетел к шкафчикам с инструментами. На него сверху посыпались части скафандров, голографические лоттеры и какая-то макулатура. От боли он захрипел и несколько раз кашлянул, но не более того. Это выглядело скорее унизительно, чем больно. И это максимум, что позволил себе Макаров.

— Что же ты творишь, сволочь? — прошипел он на техника.

— Извините…

— Извините?? Чем мы тут, по-твоему, занимаемся? В оскорблялки играем? Ты видел их? Эти существа превосходят нас ростом, превосходят в физической силе, выносливости, ловкости, меткости, интеллекте, в силе воли, в стихосложении, в честности, в этике, в порядочности… они превосходят нас во всем. И перед нами стоит задача победить. Добиться цели, которой невозможно добиться соверши мы хоть одну ошибку…

Денис попробовал встать. Получилось только со второй попытки, держась за дверцу шкафчика. Пока он поднимался, Макаров прошел к скамейке, стоящей посреди шлюзовой, сел на

нее и обхватил голову руками. План в целом не менялся, инцидент прошел, казалось, без политических последствий. Можно снова вернуться к обсуждению процедуры разоружения, к проблеме ракет СР-12 «Закат». Но они были на полмиллиметра от провала, на самом краю.

Денис подошел к Макарову и сел рядом. Не близко, а чуть поодаль. И тоже склонил голову.

— Как ты это выдерживаешь все?

— Что выдерживаю?

— Ну, это все… давление… «Семерафон Милосердный». Меня чуть не вырвало…

— Да, это сложно…

— Я на такое не подписывался…

Макаров отнял руки от головы. На его лице нарисовалась печальная улыбка.

— Не подписывался? Да ты, похоже, вообще не понял, что происходит. Как только мы переступили порог яла, как только мы вошли в комнату для переговоров, как только я их увидел, стало понятно, что мы уже мертвы. Нам не справиться с этим. Похоже, мы проиграли. Крысы кидаются на людей, когда они загнаны в угол. Сейчас мы находимся в углу, а вокруг нас враги. Но мы должны идти до конца. Смеяться в лицо смерти…

Денис поднял один из оброненных лоттеров. На нем хранилось описание хвостовой части каракарского корабля. С ней что-то явно не так, что-то не учтено. Но что-то малозначительное.

— Помирать страшно… — пробормотал техник.

И в этот момент откуда-то из пелены мрака, оттуда, где на пределе видимости дрейфовал крейсер «Мираж», пришел сигнал персонального интеркома. Он прозвучал так жалко и необычно, словно у него кончался запас батарей. Марков отстегнул приемник от внутренней стороны кителя, где его носили все офицеры, и приложил к уху.

— Макаров, слушаю…

— Это капитан… Я сейчас проспался и спустился на гауптвахту, где сейчас находится наш главный техник по вооружениям Олег Шпилин. После приема марры он несколько скверно выглядит, но некоторые вещи кажутся мне интересными. Скажу кратко, потому что сигнал глушат, и чтобы пробиться через помехи и связаться с тобой мы создали из корпуса корабля огромную минус-антенну и сжигаем сейчас тонны топлива ради минуты разговора… Если ты уже обменял наши последние сюрпризы на разоружение и у врага все еще остались противоспутниковые ракеты, не торгуйся за сброс ракет, просто предложи им перед нашим отходом повернуться левым боком.

Ракетные блоки будут нацелены в сторону от нас и будут для нас не опасны. Корабли такого класса разворачиваются очень долго и сложно, они не успеют повернуться к нам носом, если мы начнем отступление…

Предложение Ибрагимова с виду выглядело абсурдным. Зачем ставить корабль в самое невыгодное положение из всех возможных? Все знают, что по бокам корабля больше вооружения, чем на носу, поэтому корабль, что морской из прошлого, что современный орбитальный, всегда обстреливает цель, повернувшись боком. На «Дриаде» установлены спаренные лучеметы, на хвосте бластеры на разогнанных фотонах, которые тоже смогут вести огонь. Поворачивая корабль боком, каракарцы смогут не только получить преимущество даже со сброшенными ракетами «Триакра», но и фактически нейтрализовать и без того небольшие преимущества «Миража», который продолжит оставаться носом к противнику и не сможет использовать арсеналы боковых орудий.

— Капитан, вы понимаете, о чем просите? Если мы потребуем развернуть корабль, они нас раздавят… почему?

— Потому что *обычно* рыба выныривает из воды мордой вперед…

Связь оборвалась. Но цена вопроса слишком велика, чтобы возразить командиру и другу, и сделать все по-своему.

Видя, что Макаров находится в задумчивости, техник подошел к нему и легонько похлопал по плечу. Это несколько вывело из себя переговорщика, но и вернуло его к исполнению должностной обязанности. Он заткнул персональный интерком обратно за отворот кителя и глубоко вздохнул, настраиваясь на предстоящую словесную дуэль. Ничего страшного. На «Защите Рурина» было не легче, а цена вопроса значительно ниже.

— Все в порядке? — спросил Денис.

— Ты видел, как они переглянулись, когда я упомянул совокупную мощь «Миража» и невозможность уничтожения их посудины? Да это не просто порядок! Это то, что нам и надо! Пошли, заглянем им в глаза, посмеемся в лицо смерти.

IV

«Чтобы заключать сделки с людьми, надо мыслить как люди. Они по своей природе любят бесчестие и уродство, а благородство и красоту считают обременительными. Все потому, что они боятся смерти. „Смерть“ — слово, заимствованное нами из людского языка самыми слабыми и боязливыми из наших соплеменников»

Семерафон Милосердный, обращение к союзникам в системе Караш накануне вторжения.

7 августа

Я, приор-прециат линкора «Семерафон Милосердный» Дециар Канандари, начинаю специальный дневник в связи с тем, что вчера из-за разрушения второго заднего блока второй палубы мы утратили почетную комнату. Разгерметизация унесла в космос нашего лоцмана, который молился в этом помещении, а также знамя и священный кинетический бластер, врученный нам самим Пятым верховным советом.

Я не помню случая, чтобы экипаж, подвергнувшийся бесчестию в связи с утратой реликвий, не был бы расформирован. Я также не помню, чтобы корабль, имеющий такие страшные повреждения как наш, подлежал восстановлению. Ремонт обойдется дороже строительства нового линкора, поэтому я признаю, что корабль прекращает свое существование в штате Третьего флота в качестве боевой единицы и закрываю корабельный журнал. Данный специальный дневник я начинаю для того, чтобы описать то, что ждет нас в мрачном будущем, в которое мы смотрим с отвагой и несгибаемым мужеством.

Еды, воды и воздуха нам хватит еще на полтора стандартных галактических года, то есть на 25 с половиной месяцев. Я думаю, мы найдем решение нашей проблемы, и вернемся на Старую Родину, где нас ждут сухие доки Нолгара-III и объятия наших родных.

16 августа

Со времени боя в зоне карантина прошло около года. Тогда мы потеряли около 34 % всей полезной площади корабля либо от прямого попадания вражеских ракет, либо от последующего разрушения корпуса и разгерметизации.

Разрушения не такие серьезные, как могли бы быть, но мне очень не нравятся трещины на внешней обшивке корабля. Я каждый день посылаю туда техников, чтобы замерить разрушения корпуса. Трещины ползут по внешней обшивке на полмиллиметра в сутки быстрее, чем в дни после боестолкновения. Корабль окончательно развалится тогда, когда целостность внешнего корпуса будет нарушена на 41 %, это произойдет через два галактических года. Однако если какой-то случайный метеорит или обломок повредит целые участки обшивки, кто знает, как ускорится процесс распада?

Мой преданный вице-прециат Калиад Манухтар единственный, кто из высших офицеров сохраняет хладнокровие. Он убеждает меня, что все будет хорошо, и я ему верю. До сих пор он не подводил меня, а Судьба не подводила его. Может он знает что-то, о чем не знаем мы?

19 августа

Во время работ по укреплению внутреннего корпуса неожиданно сдетонировала оболочка плазмопривода бокового двигателя РХХ-221. Утрату маневрового двигателя можно компенсировать, а трех погибших членов экипажа — нет. Я пишу эти строки, а они уже наверняка достигли внешних врат Раххала. Каждый месяц мы теряем людей, и для меня эти потери очень тяжелы.

2 сентября

Жизнь берет свое. На корабле родился второй ребенок. В каком-то смысле это надежда, так как рождение потомков всегда позволяет нам задуматься о будущем и превозмочь тяготы настоящего. Я спустился на третью палубу в медотсек, чтобы поддержать родителей. Счастливый патер — главный специалист по маршевому двигателю. В этом есть какая-то ирония. После того как я приказал сбросить наш главный двигатель после поспешного бегства из системы Двойная Арахна, у него появилось достаточно свободного времени заводить отношения с нашей комбатанткой из роты орбитального десанта.

Я все еще сомневаюсь, правильно ли я поступил, приказав

сбросить двигатель? Поврежденная оболочка создавала вероятность взрыва двигателя в двенадцать процентов. Я думаю, даже если бы эта вероятность была процентов пять, я все равно бы так поступил.

7 сентября

Я смотрю в иллюминатор и вижу газовое скопление Мотра. Сколько мы ни приближаемся к нему, оно все равно так далеко и недоступно. Мы держим курс вдоль карантинной зоны мимо туманности Мотра прямо на Ребулу. Другого пути у нас нет. По прямой до системы Наргаз на четыре месяца короче, но придется пройти прямо через центр туманности, Глаз Тьмы. Никто в здравом уме не поведет корабль прямо через туманность. Она кишит темными звездами, гравитационными вихрями, пространственными аномалиями и звездным мусором. Будь у меня самый лучший лоцман звездной академии Берекадара, я бы трижды подумал, совершать ли такое путешествие. Но мой лоцман, во-первых, не из самых лучших, а во-вторых, он же погиб месяц назад при разгерметизации в почетной комнате.

Если верить старым картам, на пути к Ребуле мы не встретим никаких населенных планет Содружества. Возможны какие-то контакты с контрабандистами или собирателями серой пыли, которые углубляются от Алиакса в сторону Мотры на многие гюли. Но они не представляют для нас ни интереса, ни опасности. Противник все еще знает, что на его территории находится поврежденный линкор врага, но вряд ли он сможет точно рассчитать наш курс и перехватить нас где-нибудь между Процеоном-II и Наргазом. К тому же Мотра прикроет нас от всех систем дальнего обнаружения, если мы пройдем по краю туманности.

Интересно, выбили ли наши имена на Стеле Памяти в Стратополисе на Нолгаре-III? Или все еще верят, что мы живы? Хватит ли мне воли привести корабль домой, чтобы потом почетно стереть свое имя со Стелы Памяти на глазах у миллионов каракарцев?

21 сентября

Сегодня мне снился Каванр Давахта, приор-прециат линкора «Тереломат Миротворный», мой друг, хороший игрок в геш-геш и просто святой. Он улыбался все той же трагичной улыбкой, как и всегда. Я понимал, что его уже нет в живых, но почему-то также прекрасно понимал, что все будет хорошо. Иногда мертвые открывают окна Раххала и говорят с нами, пока мы спим.

Я не могу не вспоминать те ужасные минуты уничтожения «Тереломата Миротворного». Линкор людей прижал его к верхним слоям атмосферы одной из планет системы Двойной Арахны. Планета сама вызывала ужас одним только своим видом: на большой высоте в сплошной вате грозовых облаков бушевали бесконечные бури. Говорят, там раньше жили колонисты, требовавшие независимости. Они как-то приручили бури, но после того как в результате мятежа они начали угрожать торговым путям Алиакса, Содружество приняло решение заминировать планету, разместив в грозовых облаках суборбитальные мины. Колонистов давно уже нет. Поставки на планету продуктов и техники прекратились, и Судьба стерла их из настоящего.

Перед моими глазами до сих пор стоит та беззвучная картина, когда мины выныривали из верхних слоев грозовых облаков, прилипали к звездному кораблю и взрывались, а с другой стороны звездолет землян посылал одну за другой ракеты, которые впивались в корпус и разносили его на части. Я убит этим горем, и скорблю по всему экипажу. И снова не могу уснуть…

28 сентября

На борту эпидемия. Корабль не рассчитан на столь длительное пребывание в космосе. Мы уже полгода как должны были вернуться домой. Опасность представляет не исчерпание запасов питания и воды, а то, что одна единственная бактерия, один единственный вирус, принесенный на борт корабля, может расплодиться и стать источником эпидемии. А санитарные условия резко упали с тех пор, как нас повредили в бою.

Я отдал все распоряжения медотсеку, но они пока не могут установить ни тип заболевания, ни методы лечения. Я думаю, они с этим разберутся. Также распорядился изолировать детей и их родителей. Да, у нас на борту родился третий ребенок…

4 октября

Наши сканнеры обнаружили на границе туманности ранее неизвестную систему с, как минимум, двумя планетами. Есть предположения, что часть планет находится внутри туманности и в данный момент нам не видна. На одной из тех, что наблюдаем, замечена активность. Я вызвал нашего вице-суггеста, и он сказал, что там есть люди.

По предварительным данным мы можем судить о высокой активности добытчиков топлива на поверхности мирового океана

планеты. Топливо как таковое нас мало интересует, а расположенные на низкой орбите сухие доки вряд ли помогут нам в починке корабля. Что могли, мы и так исправили, а для комплексного ремонта дредноута эти сухие доки не подходят. Мы же не баржа и не мелкотоннажный транспорт, для линкора нужны доки втрое больше этих.

Чтобы не выдать нашего присутствия постам Содружества, мы решили войти в туманность на полгюля раньше. Туманность скроет от них наше присутствие, и мы вернемся к прежнему курсу где-то через два дня пути, сделав небольшой крюк. Если все пройдет удачно, мы минуем систему, не обнаруживая себя. Ориентироваться в туманности сложно, а двигаться опасно. По истечении трех-четырех недель (в зависимости от наличия в туманности препятствий) мы должны покинуть пространство туманности Мотра и снова выйти в чистый космос. Как только это произойдет, мы будем на полпути к Ребуле.

Еще я скучаю по сыну и дочерям. Я обещал им привести обломки космического кварца, но думаю, сейчас это явно не первостепенная задача.

6 октября

Я проснулся от взрыва. Мне сразу же доложили, что это столкновение.

Когда я спустился в экстренный штаб, стало сразу понятно, что случилось. Вторая и третья планеты системы образовались примерно в один и тот же период, имеют схожую геологию и одинаково полезны для добычи топлива. Разница лишь в том, что третья планета уже поглощена туманностью, теперь это просто кусок камня. Газы и излучение сдули с планеты всю воду и сожгли атмосферу. В космосе оказались и обломки буровых установок, брошенных людьми на планете. Различный космический мусор болтается в космосе. Один из запорных вентилей пробил корпус «Семерафона», и от столкновения взорвались дополнительные баки с сухим топливом.

Хвала Судьбе, что не сдетонировал главный бак. Тем не менее, от взрыва дополнительных баков мы потеряли еще около 10 % внешнего корпуса, и даже сейчас чувствуется, как корабль теряет структурную целостность. Взрыв баков оголил главный бак и часть оружейных складов на второй палубе. Один малейший удар космического мусора и все может взорваться.

Продолжать движение дальше очень опасно. Я распорядился выйти наружу и начать работы по установке каркаса для защиты бака и складов от мелкого космического мусора, а сам собрал экстренное совещание высших офицеров, чтобы найти решение

нашей проблемы.

Я выслушал все предложения, но наиболее интересным мне показалось предложение нашего казуала Гайранделя Литери. Он решил, что если мы сами не можем завершить ремонт линкора для длительного путешествия к Ребуле, то надо просто ускорить это путешествие и смириться с возможным риском. Другими словами, если нам удастся заполучить работающий двигатель с человеческого корабля, мы сможем достичь Ребулы всего за две недели, а не за без малого год. При этом он не исключил, что если человеческий корабль будет захвачен полностью, часть его обшивки можно будет использовать как грубый сваренный щит для хвостовой части дредноута, где у нас утрачена часть корпуса из-за попадания вентиля.

Для этого очень кстати подходит пройденная нами двумя днями ранее сырьевая планета на краю Мотры. Если создать небольшую, но постоянную угрозу работающим там компаниям, Содружество может неверно оценить характер опасности и выслать для проверки информации линкор или крейсер. Логично предположить, что боевой корабль начнет искать источник угрозы в туманности, где спрятать наш корабль довольно просто. Когда корабль будет в зоне досягаемости, экипаж можно принудить отдать двигатель под угрозой уничтожения.

Этот план мне нравится больше, чем незамедлительный выход из туманности и прямой ход на Ребулу, который предложили Файразар и Квинг. Это демаскирует наш корабль, и нет никаких гарантий, что враг не успеет отреагировать на появление вражеского линкора в своем пространстве.

7 октября

Я спустился в ангар и осмотрел имеющиеся у нас истребители. Меня убедили, что из 10 истребителей GG-3 шесть находятся на ходу, два требуют длительного и кропотливого ремонта, один истребитель безвозвратно утерян, один разобран на детали для тех шести, что сейчас годны к вылету.

Теперь план кажется мне не таким уж нереальным. То, что «Семерафон» покрывает на маневровых двигателях за два дня, истребители пролетают за 13 часов. Учитывая, что GG-3 полностью совмещается с физиологией пилота, а твердотопливные баки позволяют находиться в режиме полета более 27 часов, мы сможем атаковать доки и буровые чуть реже, чем раз в сутки более трех недель подряд.

Макаров снова выглядел невозмущенным, словно ничего и не произошло.

— Господа, я предлагаю новую схему, — четко выговорил он. — Я провел консультации с капитаном «Миража», и мы решили, что будет справедливо, если мы попросим вас повернуть ваш дредноут правым боком по отношению к нам. Нам необходимо это для того, чтобы мы могли наблюдать порядок и очередность сброса вооружений, а также установить их достоверный объем. Ваш корабль слишком большой, и мы не можем правильно отследить исполнение наших договоренностей…

Казуал Гайрандель Литери одобрительно покачал головой, а Литицер Фейразар нервно и отрывисто рассмеялся, но тут же взял себя в руки. Несколько секунд Калиад сомневался, возможно, просто не мог поверить, что люди смогут настолько нелепо ошибиться. Потом он положил руки на стол ладонями вниз и отбил ими короткую и веселую дробь.

— Что вы можете им предложить, если они будут исполнять эти условия?

— Мы сбросим 6 из 12 ракет СР-12 «Закат». И я хотел бы, чтобы эти условия были выполнены в первую очередь, так как от этого зависит, сможем ли мы проконтролировать ваш сброс ракет «Триакра» и процесс деактивации нейтронной турели, которая располагается, как я вижу по схемам, в центральной части корабля, за башнями навигации и командной рубкой. То есть она может вести огонь, но мы не можем проконтролировать порядок ее отключения, пока корабль находится во фронтальном положении по отношению к нам…

Нотар вооружений, подавляя смех, подался вперед. В его голосе чувствовалась и усмешка и презрение:

— Их не устраивает сброс только шести ракет, они хотели бы увидеть сброс всех двенадцати!

— Не испытывайте Судьбу! Только за то, что вы повернетесь к нам боком, только за это мы даем больше, чем оно того стоит. И это не говоря уже о том, что в развернутом положении ваш дредноут представляет для нас большую опасность, чем во фронтальном, так как может использовать потенциал спаренных лучеметов. Нам эти лучеметы не представляют особой опасности, но риск все равно есть. И мы согласны на него пойти за сброс только шести ракет. Остальные шесть мы используем в качестве гарантий от использования лучеметов.

— Тогда вам будет сложно контролировать процесс сброса ракет «Пламя», — вмешался Гайрандель Литери. Пусковые установки будут находиться в тени контрольно-пусковой башни.

В развернутом состоянии «Семерафон Милосердный» будет находиться по отношению к звезде именно так. Вице-прециат может предложить послать кого-то проконтролировать процесс. Вы лично можете убедиться в том, что ракеты будут сброшены в должном объеме, с должной скоростью и в установленном направлении. Когда линкор будет обезоружен, вы сможете сесть обратно в вашу звездную шлюпку и вернуться на «Мираж» до начала процедуры расхождения.

Макаров утвердительно покачал головой. И в это момент техник снова поднялся со своего табурета. Он выглядел также нервно, как и тогда, в первый раз. Каракарцы уставились на него, ожидая, видимо, что он снова скажет что-то оскорбительное.

— Я пойду…

— Что? — переспросил Макаров.

— Я пойду… — повторил Денис, — Вы были правы, все было понятно, как только мы перешагнули порог «Жука»…

●○○○○

8 октября

Мы выслали ударную группу для атаки станции. Несмотря на то, что я четко приказал нанести минимальный ущерб, я боюсь, что пилоты не выдержат. Тринадцать часов в космосе только для того чтобы поцарапать доки и еще тринадцать часов обратно — это того не стоит. Нам необходимо показать свою мощь, а не наносить урон врагу. Если пилотов обуяет месть, они разнесут эту станцию в щепки, тогда спасать будет нечего, войска Содружества не поторопятся, чтобы прибыть как можно раньше. Я объяснил им это, но пилоты, похоже, не очень воодушевлены такой задачей. Топлива и ракет на истребители хватит, но хватит ли воли нашим пилотам?

12 октября

Мы регулярно бомбим станцию, но пока никто не прилетел. Пилоты работают сутки через сутки, и очень устают.

Туманность действует на нас очень плохо. Видимо, излучение проходит через обшивку и влияет на наши мысли. На корабле болезненная обстановка. Наш вице-суггест Тарах Наббир сходит с ума. Похоже, он заглядывает в самую пропасть, в Глаз Тьмы, и слышит темные голоса. Я читал об этом в академии. Суггесты ходят по краю Бездны и иногда заглядывают в нее. Не думал, что это случиться с членом моего экипажа.

Вчера Наббир начал вредить свое тело, наносить себе глубокие порезы и раны, сдирать кожу. Признаки темного безумия. Я приказал схватить его и приковать его руки к подлокотникам командирского кресла. Сейчас он сидит в моем кресле как древние оракулы на троне, и сутки напролет произносит бессмысленные слова. Глаз Тьмы разговаривает с ним, и я не знаю что делать. Ситуация выходит из-под контроля.

Сквозь завесу слов пробиваются осмысленные фразы. Я пытаюсь разобрать их, но Наббир уже поглощен темным безумием и моменты ясности становятся все короче и короче. Я разобрал только то, что убийца гаргарисков идет, что он уже рядом. В общем, какой-то бред.

16 октября

Мы находимся в туманности Мотра уже неделю. Пилоты безостановочно бомбят станцию и буровые, но их силы на исходе. Я уже жду того дня, когда кто-то из пилотов уснет за штурвалом и столкнется с космическим мусором.

Сегодня мы потеряли двух человек от инсульта. У половины экипажа страшные головные боли. Мы стоим на гравитационном приколе возле края каверны, которая образовалась вокруг местной звезды. Само светило сложно разглядеть. Словно смотришь сквозь воду на бушующий на суше пожар. Хотя, ничего общего. Это еще прекраснее.

17 октября

Метеорит пробил третью палубу, и мы начали борьбу за живучесть. Он попал в самое уязвимое место на корабле, какое только можно было найти, если не считать главного топливного бака. Сколько неприятностей может доставить камень восьми сантиметров в диаметре! Похоже, он похоронит нас.

Реактор перегревается и, если мы не будем сворачивать пространство или не подключим гравитроны, он взорвется, потому что охлаждать его нечем. Мы пытались охлаждать его воздухом, и поэтому сейчас на корабле упало содержание кислорода. Дышать очень тяжело. Мы замедлили нагрев, но взрыв реактора — это вопрос времени, потому что двигателя у нас нет, а сворачивать пространство в туманности, полной газов, приведет к масштабному субмолекулярному взрыву.

18 октября

Кажется, я делал все правильно, но почему-то меня не

отпускает мысль, будто что-то пошло не так. Боюсь, я узнаю о своих ошибках, скрытых сейчас от моего взора, только у внутренних ворот Раххала. Я не религиозен и, возможно, это выглядит старомодно, но сейчас я верю в Судьбу больше, чем когда-либо в своей жизни. Там, у внутренних ворот, вы построимся в последний раз.

Мы потеряли две комнаты и еще пятерых членов экипажа. Корабль теряет устойчивость каркаса и скоро развалится на части. Будь у нас двигатель, был бы шанс долететь до Ребулы. Но шансы стремительно тают, потому что наша приманка не работает. Мы бомбим станцию и буровые, но эффекта нет. Похоже, единственный выход — верная смерть. Через три дня будет десятилетняя годовщина того, как я впервые взял в руки штурвал истребителя GG-1 в летной академии. Хороший день, 21 октября.

На 21 октября я назначил верную смерть. Возможно, я выражу общую мысль. Я не хочу умирать на разваливающемся корабле в темноте и собственной блевотине. Я достал из сейфа старинный ритуальный меч. Через три дня мы все уйдем из жизни, как это делали наши предки. В верной смерти больше чести, чем здесь, в бесконечном ужасе. Одной рукой я набираю это сообщение, другой сжимаю алмазную рукоятку меча. Мне придется убить всех членов экипажа, всех женщин и детей. И от такой мысли мое сердце рвется на части.

20 октября

Я сижу на полу в своей каюте и вспоминаю сказки отца про Фуратар, про нашу Новую родину, об отважных и честных воинах, которые бросили вызов Судьбе и вернули нам Старую родину, о выдающихся правителях прошлого, о Честном совете Девятерых. В детстве всегда можно было положиться на отца, он знал все ответы. А у кого спрашивать ответа сейчас? Кажется, во всей проклятой Вселенной по обе стороны карантина нет ни одного живого существа, который бы подсказал, как мне поступить.

Сегодня я собрал всех офицеров корабля и сообщил о запланированной на завтра верной смерти, которая состоится на летной палубе. Они приняли это известие мужественно и одобрили мое решение. Завтра я перебью команду и взорву корабль.

Теперь уже очевидно, что выхода нет. Воздуха еще хватает, если кислород умело экономить, но реактор все равно перегревается. Мы отключили половину стержней, света нет в большинстве кают и помещений, воду приходится поднимать из резервуаров с помощью ведер и веревок, а готовить только на

пиротрубках. Похоже, это конец и моя последняя запись.

21 октября

Сегодня в 12.00 я спустился на летную палубу. Света не было, пространство освещалось фарами истребителей. Члены экипажа ждали верной смерти. Никто не хотел погибать как-то иначе. Верная смерть — прямой путь к внешним дверям Раххала. Я вытащил из ножен ритуальный меч. В первом ряду стояли бойцы из орбитального десанта и девушки-связистки. Среди них была Моа Прекарда. Я знал ее много лет, с тех пор, как мы вместе служили на орбитальной батарее Нолгара-III. Она мне нравилась, но я никогда не показывал этого.

Лезвие тускло блестело в свете фар. Я самый худший приор-прециат из всех, что были до меня, из тех, кого я знал, и тех, кто будет после меня. Да простит меня Судьба, я не смог этого сделать…

22 октября

Я не смог совершить предписанное, и сегодня я слагаю с себя полномочия приор-прециата. С завтрашнего дня в эту должность вступает вице-прециат Калиад Манухтар. Он предан делу и разумен. Я думаю, он сможет осуществить верную смерть и взорвать корабль, никакая Судьба не остановит его руку. Сейчас я сижу в своей каюте и прошу прощения у моих предков. Но кажется, что все окна Раххала наглухо закрыты, и предки не хотят меня больше слышать. Я подвел всех, кого только мог, даже свою честь.

22 октября (специальная запись)

Как только я закончил предыдущую запись, в каюту постучал младший казуал Тахамонгу Квинг. Он сказал, что произошло чудо, и Судьба прислала нам подарок.

Это провидение! Вмешательство Судьбы! Когда вице-суггест на несколько минут пришел в себя, он сказал, что чувствует на границе туманности большой корабль. Он слышит голоса людей, их мысли, их надежды. Это малый звездный крейсер, но большего подарка я и просить не смел.

По моему распоряжению Тарах Наббир направляет их в нашу сторону. Кажется, все удалось. Когда корабль прибудет, мы вынудим их сбросить двигатель и улетим домой. Посмертная экскурсия в Раххал отменяется…

27 октября

Сперва я не мог понять, почему так напуган наш вице-суггест, но по мере того, как приближается наш враг, мне становится понятно, что с Судьбой никогда не бывает все просто. Наббир узнал его. Он уже видел этого капитана, но откуда знает его, сказать не может из-за путаницы в мыслях. Это знакомство его пугает, шизофазия стала бурной и насыщенной деталями. Я вижу его страх.

Пока я делал эту запись, мне принесли отчет. Язык Наббира развязался. Он говорит, что капитан — тот человек, что прикрывал на «Защите Рурина» отход эскадры в системе Форгут (или Форус, как ее называют люди). Почему людской вице-прециат линкора сверхтяжелого класса находится на таком звездном ведре? Почему он не принял верную смерть из-за провала операции? Люди — самое бесчестное, что могла создать Вселенная. Я не знаю, почему Судьба терпит этих паразитов Вселенной.

Теперь мне стали ясны слова про убийцу гаргарисков. Выходит, вице-суггест подсоединился к Глазу Тьмы, что действует как ментальный ретранслятор. Это свело с ума бедного Наббира. Выходит, он видел еще дальше, но не мог ни осмыслить, ни осознать, ни пересказать нам увиденное. Я ценю его великую жертву! Неужели Наббир был настолько силен? Я слышал, что к Глазу Тьмы подключаются суггесты первого класса, но Наббир принадлежит всего лишь к третьему. Мы всегда недооценивали его…

Убийца гаргариков идет… никому из смертных не придет в голову бомбардировать ракетами «Заря» звезду. Калечить ее. Только этот извращенный разум во время битвы в системе Форгут смог додуматься до такой мерзости. Я вижу как сейчас те протуберанцы и излучение, что накрывали наши корабли волна за волной. Мы потеряли сорок семь истребителей GG-3 и мы потеряли цель. Ведь заваленная космическим мусором система Форгут с нестабильной звездой больше не была нашим приоритетом. Я уважаю этого человека за столь смелое решение и ненавижу одновременно.

28 октября

Противник на границе чувствительности наших сенсоров, через несколько минут мы сможем его обнаружить средствами электронной разведки. Их аппаратура слабее, поэтому у нас есть полчаса, чтобы скрыть линкор. К сожалению, из-за разрушений корпуса и нарушения целостности защитных экранов мы не

можем принять обычные меры против обнаружения. Однако нотар Литицер Фейразар предложил скрыть корабль в каверне звезды. В настоящее время это лучшее решение из всех, что пришли в голову кому-то из членов экипажа. Я согласился на его план.

Это одно из самых трудных решений, которые я принимаю в жизни, и уже второе столь тяжкое за неделю. Жесткое излучение пройдет сквозь обшивку и щиты. Если будем находиться в каверне больше двух часов, мы можем настолько повредить корабль, что даже с двигателем не долетим до Ребулы. Но людскому крейсеру должно хватить часа, чтобы долететь до точки встречи.

Это будет самый мучительный час в жизни. Влияние жесткого излучения этого типа на организм до конца не изучено, однако известно, что оно причиняет страшную боль. Взрослый мужчина еще может ее терпеть, но дети и женщины будут страдать. Я распорядился запереть женщин, больных и детей на летной палубе.

Сейчас мы входим в каверну. Дети и женщины смотрят в самое сердце звезды и кричат от боли и страха. Их крики по перегородкам поднимаются в мою каюту, и я не знаю, как вынести это, потому что моя душа рвется на части, и я страдаю не меньше их самих.

●○○○○

Каракарцы вышли через дальний коридор явно удовлетворенные договоренностями. В переговорной остались только Макаров и Лешин. Какое-то время они сидели за столом молча. Контрагенты не улетят, пока Лешин не взойдет на борт их линкора, но испытывать терпение не входило в процедуру. Макаров не знал, понимает ли техник, что вернуться на «Мираж» уже едва ли сможет. Должно быть, догадывается.

— А ты молодец, надо сказать, — заговорил первым Денис. — Я тебя серьезно зауважал. Не думаю, что кто-то провел бы переговоры лучше тебя. Я не уверен даже, что сам капитан Ибрагимов справился бы лучше. Ты же его знаешь…

— Да, мы же вместе служили на «Защите Рурина».

Собственно, говорить и правда больше было не о чем.

— Будем прощаться? — спросил техник.

— Будем. Ты тоже ничего. Только нервный.

— Наверное, в такие моменты надо сказать, что скоро вернусь, — грустно кивнул Денис. — Как там говорит наш капитан? Дареному коню семь верст не крюк…

— Есть такое.

— Кстати, мы ведь о тебе ничего почти не знаем. Не только я, весь экипаж. Ходит много слухов. И сейчас ты так ловко провел переговоры. Как настоящий военный, не дрогнул, не сломался, и меня вытащил, когда у меня нервы сдали. Ты вообще кто? Орбитальная военная разведка? Ведь спецназ, верно?

Макаров рассмеялся.

— «Настоящий военный», «спецназ», — повторил он слова техника, как бы пережевывая их смысл. — Я вообще-то из пресс-службы.

— Пресс-службы?!

— Да, отдел военной цензуры.

Гравитация казалась еще тягостнее, когда Макаров в одиночестве шел до космического яла. По дороге он постоянно держался за стену, пытаясь нащупать хоть какую-то внешнюю поддержку тому, что рушилось у него внутри. Казалось, работа сделана. Его задача выполнена, теперь все лежит на плечах других игроков. Макаров же случайно оказался тем атлантом, что, лишь опустив руки, понял, какую тяжесть держал до сих пор. И эта ноша, казалось, давила стократ тяжелее теперь, когда он уже был не у дел.

Из красно-коричневого марева выплывал крейсер «Мираж», что снаружи выглядел огромным кораблем, хотя внутри был тесен. «Семерафон» вчетверо больше «Миража», трудно представить, что там за громадина…

Автопилот подвел ял к шлюзу стыковки. Давление сровнялось, дверь открылась, и непривычный белый свет, от которого отвыкли глаза, ударил внутрь яла. Когда зрачки привыкли к свету, Макаров разглядел около дюжины вооруженных людей в стыковочном шлюзе. Среди них были офицер Кеплер и старпом Джимисон. И едва ли — с дружественными намерениями.

●○○○○

29 октября

Самое последнее, что я посоветовал бы своим друзьям — это вступать в сделки с людьми. Паразиты Вселенной необязательны, бесчестны, их слово ничего не стоит. Гайрандель Литери предупредил меня, что шантаж команды крейсера — дело очень сложное и опасное, что необходимо мыслить так, как мыслит враг. Я стараюсь следовать его совету, но выходит неважно.

В минуты прояснения вице-суггест Тарах Наббир рассказывает все, что происходит на крейсере противника. Он знает, что там зреет мятеж, а приор-прециат «Миража» демонстрирует некомпетентность. Ситуация кажется безопасной, если не смотреть глубже. Наббир говорит, что это и в самом деле тот же человек, что руководил «Защитой Рурина» во время операции в системе Форгут. Наши опасения подтвердились. Я был намерен отпустить их после сброса двигателя, но теперь понимаю, что люди никогда не примут нашей доброй воли и пойдут на любую мерзость, если им покажется, что наше слово недостаточно честно. Это отвратительно. Я уверен, сейчас они замышляют на своем корабле какую-то мерзость, но пока не могу понять, что именно.

Вчера произошел странный случай. Мы не рассчитали, что крейсер сбросит двигатель и будет его охранять, не продумали, как заберем двигатель себе. Я посылал истребители, чтобы посмотреть, как будет реагировать руководство корабля. Когда истребитель оказался вблизи двигателя, они выстрелили, но промазали. Я не знаю, как это понимать. Вице-суггест уверил меня, что они были готовы уничтожить двигатель, и мыслей насчет демонстрации силы от них не ощущалось. Выходит, или дела команды настолько плохи, что они не могут откалибровать нейтронную пушку, или они настолько хорошо подготовились, что смогли обмануть Наббира. Я допускаю оба варианта, но так как второй опаснее, буду, прежде всего, рассматривать его.

Какую именно опасность люди могут представлять для нас? В нашем сегодняшнем положении — фактически никакую. Корабль расположен носом к двигателю и крейсеру Содружества. Это самая защищенная часть корабля, она не пострадала при столкновении в системе Двойной Арахны. Все разрушения произошли на второй и третьей палубе, ближе к корме. Выстрелить туда противник не может, и мы в безопасности.

Нет, я определенно что-то упускаю.

30 октября

Они подготовились к переговорам, и мы готовы их выслушать. Я думаю, они будут требовать гарантий размежевания. Что мы можем им предложить? Сбросить столько же оружия, сколько и они. Все, что нас интересует — что на борту крейсера есть пять боеголовок «Заря». Люди никогда не умели соблюдать договоренности, всегда стремились их нарушить. И оружие массового поражения — прямое тому доказательство. Если боеголовки останутся на борту, они будут представлять для нас прямую угрозу, так как радиус поражения этих ракет огромен.

Наша единственная слабая позиция — хвостовая часть дредноута. Если мы будем отступать кормой вперед, это вызовет подозрения. Разворачивать корабль все равно придется. Впрочем, если все пять боеголовок окажутся сброшены в космос — стрелять никто не станет. Внутри крейсера ракеты неактивны, но как только они покинут шахты, сразу же перейдут в активный режим. Один случайный осколок — и погибнут оба звездолета. Поэтому самое главное — заставить людей сбросить ракеты. Насчет остального оружия можно торговаться, это не вызовет особых подозрений. Что же касается именно ракет «Заря», я приказал вице-суггесту пристально наблюдать за тем, что предпринимает команда.

Возможно, на нашем корабле есть более достойные кандидатуры для ведения переговоров, но я выбрал казуала Гайранделя Литери и старшего нотара вооружений Литицера Фейразара. Вернее, Литери сам вызвался. Он толковый казуал, умеет вести переговоры и уравновешен. Фейразара я бы не пускал на переговоры, но лучше него никто не знает технической стороны вопроса. Квинг тоже разбирается в вооружениях и более спокойный, но я ему не доверяю, для этой цели он менее сообразителен, чем нужно. Кто бы мог возглавить переговорную сторону? Есть достойная кандидатура, это Калиад Манухтар. Он последнее время отличился, выдавая эффективные спасительные планы. С другой стороны, если люди взорвут переговорщиков, мы потеряем лучшего из лучших. А они на это способны.

В качестве переговорной я приказал подготовить «Жука»: снять блоки, настроит телеметрию, загрузить дипломатический протокол, привести в порядок разболтанную систему гравитронов. Мы его так ни разу и не использовали. Хоть на что-то сгодится.

Но Судьба коварна и переменчива. Если я что-то не учел, если противник будет хитрее, проворнее и изобретательнее, и мы проиграем, то, надеюсь, Судьба окажется ко мне благосклонна, и у меня будет время поздравить вражеского приор-прециата с победой, хотя и такой горькой для нас. А сейчас мне надо спуститься на летную палубу и попрощаться с переговорщиками. Люди — жестокие и беспринципные существа. Мы можем больше не увидеть наших братьев.

●○○○○

Два охранника с кинетическими автоматами вытащила Макарова из яла и подвели к Джемисону и Кеплеру. Остальные

обступили плотным кольцом. В отличие от старпом, Кеплер выглядел не таким взволнованным и не вел себя агрессивно. Скорее всего, он тут не по собственной воле, рассудил Макаров. Ну и, конечно же, Ибрагимова нигде не было видно.

— Макаров, или как вас там на самом деле, — начал Джемисон, — наш формальный капитан сейчас находится в нерабочем состоянии, он пьян и продолжает заниматься возлияниями вместе с техником по вооружениям Шпилиным, когда ходит проведать его на гауптвахту. Чрезвычайный совет, который взял в руки управление кораблем, передал мне полномочия капитана для разрешения кризиса.

— Я могу не признавать никаких «советов»? — прервал его Макаров.

— Не можете. Исполняя обязанности капитана, я получил моральное право взломать печати на архиве с личными делами членов команды. И выяснил любопытную вещь. Вы вообще здесь никто. Ни имени, ни личного дела, ни номера. Вас тут вообще быть не должно. Формально вы гражданское лицо, обманом проникшее на борт. Я не знаю, насколько здесь замешан Ибрагимов, но без его личного ведома вы не могли находиться на этом корабле так долго.

Макаров рассмеялся нервно:

— Вор тот, кто попался…

Джемисон воспринял его реплику как подтверждение своих слов.

— Прежде, чем мы вас арестуем и поместим до прояснения вашей личности на гауптвахту, объясните, какое задание вы выполняли по поручению капитана Ибрагимова в ходе переговоров? От вашего ответа будет зависеть, арестуем ли мы и его.

— Тимур Магометович приказал мне добиться максимальных уступок противника в обмен на разоружение нашего крейсера. Речь шла о сбросе, прежде всего, ракет «Заря», также он попросил пойти на незначительные уступки в обмен на требование развернуть вражеский дредноут левым бортом к нам.

— То есть, капитан лично приказал, чтобы вы дали врагу преимущество и подставили «Мираж» под огонь боковых лучеметов? — уточнил Джемисон.

— Голос по интеркому был похож, но откуда я знаю? Я принял его за капитана…

Старпом потер ладони. Этого-то он и добивался от адъютанта. Появились основания не только для отстранения капитана Ибрагимова от должности, но и для его ареста за сговор с противником. Для ареста Макарова особых оснований не

требовалось: документов на него действительно никаких не было, все держалось на честном слове капитана.

Джемисон поднял руки и хлопнул в ладоши, привлекая общее внимание.

— Слушайте мою команду! Этого запереть под замок до выяснения личности, капитана Ибрагимова арестовать и поместить на гауптвахту по подозрению в сотрудничестве с противником, опечатать личностные файлы Карины, оставить только основные низшие функции для управления «Миражом». Если кто-либо ослушается приказа и.о. капитана корабля и выступит в защиту Ибрагимова — вышвыривайте их через шлюз прямо в космос. Мне бардак на корабле не нужен!

Наручники защелкнулись на запястьях Макарова, и толпа разделилась. Два охранника повели адъютанта на третью палубу, где размещалась гауптвахта, но большая часть собравшихся направилась на капитанский мостик.

Кеплер сперва несколько замешкался, но затем крикнул в след Джемисону:

— Товарищ и. о. капитана, я не уверен, что слов Макарова достаточно, чтобы обвинить капитана Ибрагимова в измене. Предлагаю поступить иначе…

Джемисон остановился. Секунд десять он соображал, потом повернулся лицом к Зигфриду.

— Что именно предлагаешь?

— Мы не знаем точно, капитан ли отдавал приказ развернуть каракарский линкор. Но когда линкор начнет разворачиваться, а капитан активирует личным ключом сброс ракет, это будет свидетельством того, что он был в курсе всего и, как минимум, находится в сговоре с противником. Для управления стратегическими ракетами надо два ключа — его и ваш. От вас Ибрагимов также потребует активацию ключа. Что и будет явный повод для ареста. Тогда же вы сможете изъять ключ и прервать операцию.

Это уже походило на какой-никакой план, рассудил Джемисон, поскольку до сих пор никакого плана захвата власти на корабле не существовало.

V

Ибрагимов тратил неимоверные силы, подбирая нужные слова. На лбу выступил пот от напряжения. Однако он сохранял бодрость духа и старался не выдавать переутомления.

Ему еще требовался постельный режим, так как месяц реабилитации при таких сложных травмах — ничтожно мало. Но он сам просил все быстрее закончить. Поэтому министр настояла на серии судебных слушаний, наспех созванных, наспех собранных, только для того, чтобы разрешить вопрос окончательно.

— Когда мы узнали, что Третий каракарский флот приближается к Форусу, офицеры Магеллана разработали несколько планов сражения, — продолжал Ибрагимов. — Большинство из них мы успели бы подготовить, некоторые нет. Флот противника двигался медленно. Магеллан, как я уже говорил, предложил атаковать врага со стороны звезды под прикрытием станции «Зодиак». Альтернативный план выдвинул капитан второго ранга Юргенс Блейцер. Он предложил заминировать генераторы электромагнитного шторма и отвести наше боевое соединение на значительное расстояние. Когда противник приблизится к системе Форус, мы должны были взорвать генераторы. Это создало бы возможность сворачивать пространство и перебросить наши силы заграждения в точку позади флота каракарцев. Используя эффект неожиданности можно было взорвать флагман и дезорганизовать строй, если бы не одно «но». Синхронизация взрыва генераторов, расчет прыжка и точка выхода требовали очень точной координации, которую мы не могли организовать в такое короткое время. На это ушли бы недели. А прыгать наугад очень опасно.

И тогда мне пришел в голову новый план. В системе Форус всего четыре планеты, две из них находились относительно недалеко друг от друга. Если разместить за ними разбитое на две части соединение, а генераторы шторма передвинуть аккурат между двумя небесными телами, и в режиме молчания минус-связи дождаться прихода сил противника, то когда противник придет и начнет атаковать генераторы, мы сможем взять его в клещи и раздавить. При этом мы даже могли бы

сохранить «Зодиак», замаскировав его под солнечное пятно.

План казался великолепным, и я его сразу озвучил. Магеллан тут же обвинил меня в предательстве и попытке сместить его с поста командующего соединением. Однако меня поддержало большинство офицеров, и мой план утвердили.

За несколько дней мы передвинули генераторы, а соединение разбили на две части. Наша группа включала три линкора, семь крейсеров и вспомогательный флот. Еще четыре линкора ожидали прибытия каракарцев у Процеона-II, чтобы дать последний бой, но из-за невозможности сжатия пространства они не могли прийти на помощь. Таким образом, за планету 0346-А отошел линкор «Защита Рурина» и линкор «Верность Турии», а также три крейсера и несколько канонерок, а за планетой 0349-А скрывался линкор «Преданность Канкая», четыре крейсера и весь вспомогательный флот.

Когда появились силы противника, оказалось, что разведка просчиталась. Против нас выступало не пять дредноутов, а восемь, не считая иных судов. Численное превосходство в два дредноута не имело существенного значения, так как корабли шли не в боевом порядке, а плотным походным строем. Это означало, что при поражении одного корабля его обломки станут повреждать другие корабли, и наши атаки будут усилены подобной «картечью». Но когда против нас вышли не пять, а восемь дредноутов, стало ясно, что мы уже не сможем сконцентрировать огонь, и звено успеет перестроиться в боевой порядок.

В этот момент произошло самое неприятное. Магеллан слетел с катушек. Он побежал к передатчику минус-связи, чтобы отдать приказ об отступлении. Нет нужды упоминать, что использование минус-связи демаскирует не только передатчик, но и приемник, а значит, противник сразу узнает местоположение и кораблей, и станции.

К сожалению, я не успел остановить его, потому что понял его замысел слишком поздно. Я догнал его только в рубке связи, когда он уже отдавал приказ отступать. Я избил его и отобрал ключ запуска ракет «Заря». Когда я поднялся на капитанский мостик, приказал немедленно атаковать строй противника, а остальным кораблям отступать. Когда мы вышли из тени планеты 0346-А,

станция «Зодиак» уже была уничтожена, а линкор «Преданность Канкая» был весь в огне. Ракеты летели нескончаемо, впивались в наши крейсера и взрывались. Вдобавок противник выпустил целый рой истребителей GG-3, штук пятьдесят-шестьдесят, не меньше. Надо было что-то делать, и я активировал свой и капитанский ключ.

Первоначально я рассчитывал запустить ракеты во вражеское соединение. Это уничтожило бы их, уничтожило бы «Защиту Рурина», но другие корабли могли бы уйти в сторону Процеона-II. «Преданность Канкая» к тому времени мы уже потеряли, он развалился. Но затем меня осенило. Флот каракарцев был ближе всего к звезде Форус, если начать бомбардировку звезды ракетами «Заря», это сделает ее неустойчивой, а радиационная и термальная опасность вынудят противника перестроиться и отойти на безопасное расстояние. Мелкие звездолеты плохо экранированы от таких угроз и будут уничтожены, а большие прекратят огонь и разойдутся в стороны. Чо даст нам время покинуть систему.

Я приказал отступать к Процеону-II, а сам запустил двадцать ракет «Заря» в сторону звезды. Наши потери — три сбитых крейсера и линкор «Преданность Канкая», Нам тоже удалось уйти, хотя противник преследовал нас какое-то время. «Защита Рурина» долетел в аварийном состоянии до системы Лут. Остальное не имеет особого отношения к делу.

— Простите. — Голос судьи Протасовой прозвучал уже не столько надменно, сколько извинительно. — Если дело обстоит действительно так, то как вы можете оправдать тот факт, что мы потеряли систему Форус? Я не говорю о том, что там теперь поле обломков, это обычное следствие военных действий. Хотя обломки и затрудняют наше расследование, это еще можно понять. Я говорю про звезду, которая стала нестабильной. Из-за нее мы не можем вести геологоразведку на планетах Форуса, не говоря уже о заключенных ранее многотриллиардных контрактах на разработку месторождений…

Ибрагимов развел руками. Один из судий отметил это в своем блокноте.

— Противник был задержан в его продвижении к Процеону-II, а после, как выяснилось, и вовсе отказался

от своих оккупационных планов. К тому же я спас половину боевого соединения, я имею ввиду линкор «Верность Турии», четыре крейсера, двенадцать канонерок, три заградительных звездолета и несколько танкеров. Не списывайте это на случайные обстоятельства…

— Объявляется перерыв, — прервал его судья Дмитриев, — слушания продолжатся через полчаса…

Молоток, как это происходило сто, двести, триста, пятьсот, тысячу лет назад, ударил по столу. Судьи один за другим вышли в совещательную комнату. В зале заседаний остались только Ибрагимов и министр войны Аврора Мурено.

Спустя несколько минут Аврора подошла к бывшему старпому и села подле него, там, где полагается сидеть адвокату.

— Ты же понимаешь, что эту историю никто не станет принимать всерьез без доказательств. А доказательства либо плавают в звездном мусоре на Форусе, либо уничтожены взрывом на «Защите Рурина», — произнесла она, как бы мысля вслух. — Я должна буду закрыть это дело, потому что не хочу конфликтовать с адмиралом Магелланом из-за правды. Разбирательство будет очень грязным, оно ударит по имиджу флота, по репутации правительства, скажется на сокращении желающих служить. А мы в состоянии войны, ты должен понимать. Лично я тебе верю.

— И то славно…

— Но этого мало, — продолжала министр, — в интересах дисциплины мы можем начать процедуру твоего разжалования, выплывут нехорошие факты, но если подашь заявление об увольнении, мы сможем сохранить тебе звание. Я знаю, ты можешь и любишь летать. Через полгода вернешься на службу.

Ибрагимов нервно рассмеялся.

— Обратно к Магеллану? Уволь. Куда-нибудь в другой сектор…

— Есть один крейсер в резерве сил обороны Алиакса, потрепанный, но служит исправно. И командующий сектором хороший. Крейсер в основном охраняет конвои, защищает торговые пути и выполняет некоторые поручения правительства. Капитан дослуживает свое, больше не может — по болезни. Команду набрали новую. Я знаю, ты — как преданный венерианский «гагаринец» — недолюбливаешь марсианских «армстронговцев», но это

действительно лучший выпуск. «Война академий» не должна сказаться на службе.

— Это все, что я заслужил? Крейсер?

— Тимур. — Аврора Мурено положила ему руку на плечо. — Я советую тебе как друг. Ситуация очень двусмысленная, но так ты хоть будешь заниматься любимым делом. Сохранишь звание. А вот золотую звезду за оборону Альфы и Небесный крест придется сдать. Но я в тебя верю, ты эти звезды еще заслужишь.

— Ладно, черт с тобой, зови судей, — прошипел Ибрагимов. Он неторопливо подпер одной рукой лоб, а другой схватился за бедро, которое разболелось от сырости, что заволокла мрачный город. — Я сделаю заявление, но когда я попаду на этот ваш крейсер, требую, чтобы мне разрешили вести бортовой журнал матом! Да, и я забираю Карину с «Защиты Рурина»… она мне жизнь спасла…

●○○○○

Когда Джемисон и еще восемь человек оказались на капитанском мостике, капитан Ибрагимов уже находился там. Потрепанный вид, волосы торчат в разные стороны, китель испачкан, в воздухе удушливый перегарный смрад. Держаться на ногах Ибрагимов уже не мог, поэтому привязал себя веревкой к пусковому пульту, а сам сжимал ручки, за которые хватаются, когда на корабле отказывает гравитация. Щетина на его лице росла местами, видимо, он пытался побриться, но не справился с этой задачей. Взгляд был расфокусирован и плыл, словно Ибрагимов не узнавал ничего вокруг и находился в помещении впервые.

Джемисона, впрочем, он узнал сразу.

— Приветствую, старпом… ик… пока ты, позор Дарвина, играл в «советы» и инструкции, мы начали… ик… начали без тебя, короче. Немов! Что там… ик… с каракарцами? Они повернули корабль?

— Дредноут продолжает поворот вокруг своей оси в горизонтальной плоскости, как и писал Макаров. Да, и Кеплер передает с батареи, что шесть ракет СР-12 «Закат» находятся в космосе согласно договоренностям с каракарцами.

Джемисон огляделся и не увидел позади себя Зигфрида Кеплера. Похоже, этот проходимец улизнул, пока они шли по второй палубе, и поднялся на батарею. Впрочем, Кеплер и

говорил, что его место будет на батарее, когда все начнется.

Капитан Ибрагимов подмигнул Джемисону и поднес ко рту персональный интерком.

— Кто там в хвостовом отсеке? Начинаем сброс ракет «Заря»!

Кулак капитана упал на небольшую кнопку пусковой панели, та открыла задвижку, за которой скрывалась красная кнопка пуска и переключатель режимов. Быстро переключив ее с режима пуска на режим сброса ракет, Ибрагимов изо всех сил вдавил красную кнопку. Треск пробежал по всему корпусу. На одном из главных мониторов появился шлюз, который покидала первая ракета «Заря». Она вышла из шахты и начала беспорядочно барахтаться в облаках газа.

— Но как?! — воскликнул Джемисон. — Мой ключ…

И только в этот момент он увидел, что на пульте для активации стратегических ракет из одного гнезда торчит ключ капитана, а из другого — некая немыслимая конструкция, отмычка из фанеры, проволоки и куска пластилина.

— Извини, надо было… ик… действовать быстро… Ты, как все гомосапиенсы, подвержен эмоциями и… ик… и истерикам. Это мы, киборги, все осо… ик… осознаем… нет… познаем логически. Поэтому… ик… мой план работает, пока ты прохлаждаешься… ик… где-то, скажем, в шлюзовой…

— Это… это нарушение! — заорал старший помощник, уже вжившийся было в роль капитана. — Это сговор с врагом!

— Да ладно тебе! Ик… Как говорит народная мудрость… ик… Баба с возу, и волки сыты…

— Это мы сыты! Сыты твоими народными поговорками, некомпетентностью и предательством! Взять его! Изъять ключ от личного сейфа! Когда достанете из сейфа капитанские коды к «Карине», заблокировать всю личностную информацию и все приказы за последние три дня. А этого — на гауптвахту к Шпилину! Пусть там на пару просохнут…

Двое солдат схватили за руки Ибрагимова, а третий начал резать веревку. Когда они справились, пришлось взять капитана за руки и за ноги и волоком тащить в сторону гауптвахты. Пока его несли, Ибрагимов произносил нараспев, насколько у него это получалось в таком состоянии, матерные частушки и крыл последними словами весь человеческий вид.

Когда Джемисон приблизился к пусковой стойке, он попытался выдернуть ключи активации, но не смог. В недоумении он дернул еще раз, но ключ и отмычка не поддались.

— Что за чертовщина! Карина! Что происходит?

На одном из вспомогательных экранов появилось изображение девушки.

— Капитан корабля Ибрагимов зафиксировал ключи с помощью молекулярного клея, прокомментировав свои действия словами, цитирую: «А то вдруг эта голозадая макака придет сюда раньше и, как обычно, все испортит своими лапищами».

На другом мониторе вторая ракета «Заря» покидала шахту и улетала в сторону вражеского дредноута. Уши Джемисона покраснели, глаза налились кровью. Несколько секунд он стоял, стиснув зубы, а потом в припадке ярости пнул стойку пуска, ударил кулаком по панели.

— Карина! Отменить сброс!

— Укажите основание для отмены процедуры.

— Я приказываю как лицо, исполняющее обязанности капитана корабля!

— Я не могу признать ваши полномочия, — бесстрастно произнес бортовой компьютер. — Для того чтобы я могла признать штатные изменения, необходимо ввести капитанские коды доступа, хранящиеся в личном сейфе прежнего капитана.

— Но ты же видела, что тут происходит! Я сложил с него полномочия!

— Простите, старший помощник Феликс Джон Джемисон, но я действую согласно стандартным протокольным инструкциям для флота и армии. Вы можете подтвердить штатные изменения только вводом капитанских кодов.

Джемисон поднял с пола персональный интерком Ибрагимова. На кнопке еще чувствовалось тепло рук капитана.

Надо было торопиться, Карина сбросила оставшиеся ракеты «Заря», которые плавно парили в красной газовой жиже, приближаясь к вражескому дредноуту. Похоже, каракарцы захватили ракеты гравитационным арканом и тянули в свою сторону. Надо выиграть хотя бы немного времени. Дредноут развернулся на сорок пять градусов и продолжал поворачиваться левым боком. Если он не закончит маневр до того, как ракеты окажутся у него на борту, будет небольшой шанс закрыть пространство между дредноутом и крейсером ракетами. И если ракеты встанут аккурат между кораблями, то каракарцы не станут стрелять — это самоубийство. Взрыв только одной ракеты похоронит их всех, не говоря уже о пяти ракетах.

Феликс включил интерком на передачу.

— Кеплер, сукин сын! Немедленно захватите ракеты гравитационным арканом! Если они будут у них на борту… если каракарцы успеют развернуться, нам всем конец. Немедленно, хватайте ракеты!

Характерный звук гравитационного аркана быстро расползался по переборкам и палубам. Он похож на звук падения

— нечто летит с высоты, свистит и никак не может упасть. Ракеты начали быстрее вращаться вокруг своей оси и прекратили движение к каракарскому дредноуту. Но гравитационная пушка каракарцев оказалась сильнее, и, повращавшись, ракеты продолжили двигаться к ним, хоть и медленнее, чем прежде. Оставалось совсем немного времени на то, чтобы доказать свои полномочия и предпринять хоть какие-то меры.

Джемисон снова нажал кнопку интеркома.

— Служба безопасности, где капитанские коды?

Послышалось легкое шипение помех. Сперва никто не отвечал, затем послышался голос начальника службы:

— Да, подтверждаю, мы уже в каюте капитана, открываем сейф…

— Отлично! Когда найдете коды, бегом на капитанский мостик!

Несколько секунд вновь слышалось только шипение эфира, потом опять раздался голос начальника службы безопасности:

— Тут нет кодов… конверт пуст…

В секунду все мониторы капитанского мостика побелели. От ослепительной белизны экранов разболелись глаза. Все до одного — Джемисон, связист Михаэль Немов, сенсорики, навигаторы — зажмурились от нестерпимого света. На переговорном пульте замигали кнопки внутрикорабельной связи. Люди хотели знать, что произошло.

Не успел погаснуть отпечаток света на сетчатке, как серия ударов прокатилась по корпусу, словно крупные капли дождя по зонтику. Сработали сигналы аварийной тревоги. Удары усиливались, шли волнами, градом. И Джемисон растерялся. Впервые в жизни он оказался в ситуации, когда вообще не понимал, что происходит, и не соображал, что делать.

В прострации самозваный капитан уставился в пульт запуска и не сразу понял, что звонит интерком.

— Джемисон, слушаю…

— Это Кеплер, — послышался голос офицера батареи, одновременно веселый и боязливый, но пытающийся скрыть и то и другое. — Вы хоть что-то собираетесь делать? Надо уводить корабль…

— Что… Кто? Кеплер?… Что происходит?

— Ракеты! Они взрываются! Они рвутся!

— Да, но что это за звук?! Что это такое?!

— Это шрапнель!!!

Джемисон выронил интерком и уставился в темные мониторы. Очевидно, сильная вспышка на близком расстоянии превышала возможности сканеров, и Карина отключила систему,

чтобы не повредить внутренние цепи и не спалить сенсоры. Ослепший корабль не многим лучше взорванного. Если вспышка кратковременная, возможно, сейчас уже можно разглядеть что происходит снаружи.

— Черт! Да перезапустите кто-нибудь систему!

Несколько секунд сенсорики возились с управлением, потом мониторы замерцали, на большинстве из них появились изображения окрестного космоса, на некоторых — только рябь. Очевидно, часть сенсоров была повреждена.

Вдалеке виднелся дредноут каракарцев — огромные дыры, что пробило в нем неизвестное оружие, зияли в хвостовой части судна. Через проломы во внешнем корпусе вываливались корабельные внутренности, включая членов экипажа. Спаренные лучеметы оторвало взрывом, они плавали поодаль от корабля. То тут, то там мимо «Миража» пролетали сферические обломки. Звук града поутих, но все еще не умолкал. Металлические шарики продолжали прилетать и калечить обшивку крейсера, но то была уже остаточная волна.

— Полный отчет! — приказал Джемисон.

Один из навигаторов поднялся, но не отрывал глаз от экрана. Казалось, он несколько смущен.

— Вспышки, которые мы видели, это взрыв ракет «Заря». Взрыв значительно меньшей мощности, чем от стандартной боеголовки этого класса. У нас поврежден корпус на первой и второй палубе, повреждены семь кают и разгерметизированы несколько коридоров, команда ведет борьбу за живучесть…

Самозваный капитан попятился в сторону выхода с капитанского мостика, но уперся в стену. Его всего затрясло. Медленно, хватаясь руками за стену, он опустился на пол и в бессилии забарабанил кулаками по коленям. Все его планы, все его намерения изначально были бессмысленны, ибо за него их выдумал другой. Покуда он, Феликс Джон Джемисон, выпускник академии, лучший на курсе, самый способный из всех, был марионеткой.

На больших мониторах красное марево туманности полосовали выстрелы нейтронной пушки, поражающие дредноут врага. Кеплер как всегда был на своем месте, как всегда — на высоте. Интерком доносил легкий смех Зигфрида.

Вражеский звездолет разваливался на части прямо на глазах у Джемисона.

Ибрагимова втолкнули в оборудованный под гауптвахту пустующий склад для провизии. Здесь было сыро и холодно, но терпимо. В дальнем углу лежал Олег Шпилин, свернувшись калачиком, словно при кататонии. Его только-только посетило марровое похмелье, от которого техник мучился, но признавал заслуженным наказанием за трусость. Поодаль от Шпилина на полу растянулся во весь рост Макаров. Он был в сознании, загибал и разгибал пальцы, что-то подсчитывая в уме. Видимо, дипмиссия не покидала его даже здесь.

Через несколько минут глаза привыкли к темноте, и капитан смог разглядеть своих сокамерников. Чтобы привлечь их внимание, он выпрямился во весь рост так быстро, как смог, хватаясь за стенку левой рукой, а правой похлопал себя по бедру. Макаров поднял голову с пола и уставился на капитана, Шпилин распрямился и сел, упершись спиной в угол.

— Господа! — начал довольно резво Ибрагимов. — Прежде всего, я хочу вас всех… ик… поздравить! Несмотря на некоторые технические… ик… да, технические трудности и нестыковки… ик… мы все сделали правильно…

— Правильно? — переспросил Макаров. — Как это, правильно, если мы в карцере?

Но его возражение Ибрагимов оставил без внимания.

— К сожалению, бо́льшая часть команды не смогла… ик… почтить нас своим этим… присутствием. Зато самые лучшие… ик… находятся в этой комнате. И я могу смело заявить, что я вами горжусь… ик…

Шпилин, кажется, вообще не понимал, что происходит. Он захлопал в ладоши и засмеялся пьяным, хриплым смехом.

— Что ты ржешь, животное? Это ты должен быть сейчас у каракарцев, а не Лешин! — крикнул Макаров Шпилину, но было поздно — тот уже не реагировал, кажется, вновь уснул.

Ибрагимов покачал головой, затем набрал в легкие побольше воздуха, зажал нос и задержал дыхание на пару минут. Раздражающая икота прошла, и он выдохнул.

— Что-то я не понял, — пробормотал Макаров, — а в чем заключался план-то?

— Когда мы только прилетели, я сразу понял, что мы имеем дело с каракарцами. А Моро-IV находится далеко от карантина, да и от Ребулы. Значит, это не просто военная экспедиция, это корабль, случайно оказавшийся на нашей территории. Почему он бомбил «Новую Кашарию», но так ее и не разбомбил? Неужели за полторы недели они не смогли нанести такие повреждения станции, чтобы она упала на Аташ? Что это за пилоты такие? Во-вторых, туманность. Я не знаю, чему их там учат на Марсе, а вот

нас учили не соваться в туманность. В туманности очень сложная навигация — постоянная угроза столкновения с объектами, гравитационные и электромагнитные вихри, различные аномалии. В туманность заходят только для того, чтобы что-то спрятать. А зачем прятать то, что представляет силу? Прячут обычно то, что составляет слабость. Они не уничтожали станцию, они привлекали наше внимание. Это корабль, которому что-то от нас нужно…

— Двигатель?

— Я тогда еще не знал. Думал — или топливо, или заложники, или металл для обшивки.

Макаров поднялся, подошел к Ибрагимову и сел рядом, прислонившись к стене. Ибрагимов тоже опустился на пол следом.

— Хорошо, а дальше что?

— Дальше проще, — продолжал капитан: — у нас на борту есть оружие, запрещенное военными конвенциями. Ракеты «Заря». По сути, это единственное оружие, против которого бессильны любые контрмеры. Сам посуди, лучемет с трудом пробивает щиты, ракеты можно обмануть термозарядами или средствами отклонения. Против «Зари» ничего нет. Но тут надо еще и мыслить, как каракарцы. Узнав, что на борту есть оружие такой разрушительной мощи, они возьмут на себя моральное обязательство реквизировать его. Прежде всего, потому что они считают, что обладают моральным превосходством над людьми. Ну и, конечно же, потому что такое оружие может угрожать им в ситуациях, каких они могут изначально не предвидеть. Пока мы летели, я разобрал все шариковые подшипники на корабле, какие нашел. Когда кончились шарики, я начал набивать боеголовки металлическим ломом.

— А куда делась начинка ракет?

— Плазменные кассеты я выкинул в шлюз. Хранить их на борту отдельно от носителей было опасно.

— Понимаю, — промычал Макаров. — А Джемисон?

— Каракарцы происходят от людей, которые впервые заселили систему Караш около трех веков назад. Тогда не было расовой проблемы. Считалось, что, создавая генетически приспособленных людей для колонизации новых планет, мы не приносим никому вреда. Однако у модификаций появились побочные эффекты. Некоторая часть населения открывала у себя телепатические способности. Особо сильные телепаты могли не только читать мысли, но и внушать их другим людям. Поэтому всегда, когда ты имеешь дело с каракарцами, допускай, что можешь столкнуться и с телепатами, и суггестами. В какой-то

телепередаче слышал, будто телепаты с огромным трудом читают мысли людей, находящихся под алкоголем или наркотой. Появилась возможность это проверить. Окончательно убедился только тогда, когда сбил настройки нейтронной пушки. Но мало того, что мне требовалось стать тем, кого нельзя прочесть, надо было еще и убедить каракарцев, что нам нечего скрывать. А что может быть убедительнее мятежа? Я его подготавливал с самого начала. Пролил на Джемисона суп, оскорблял, пил у него на глазах, отлынивал от командования. К тому же он вспыльчив, честолюбив и, как любой «марсианский» космовоенный, недолюбливает венерианцев…

— Вы говорили, что те, кто прячется в туманности, делают это, как правило, из-за слабости, — перебил Макаров. — Тут я не очень понимаю. У каракарцев же огромный корабль, куча вооружения. Зачем им понадобилось прятаться в туманности?

— Корабль разваливался.

— Я это заметил. Но не настолько же, чтобы так рисковать.

Ибрагимов потянулся. Ему сейчас так не хватало простой чистой воды для борьбы с сушняком. Кашлянув пару раз для голоса и пару раз для вида, он продолжил:

— Когда я начал пить коньяк, на меня снизошло легкое озарение. Мне показалось, что я вижу какие-то новые детали. У пьяных такое бывает, но в данном случае это особенно важно, так как мы имели дело с телепатами. Оказалось, все гораздо сложнее и опаснее. На борту находится суггест, каракарец, способный манипулировать вниманием. Но я не техник, если я открываю для себя новые детали в структуре корабля, это не значит, что я пойму, в чем их смысл. Тогда я пошел сюда, чтобы найти Шпилина. Он специалист и точно так же пьян. Я разговаривал с ним несколько часов и выяснил, что ему тоже нечто открылось, когда из-за опьянения влияние суггеста стало отступать. До того мы не замечали структуру задней части дредноута, которая повреждена сильнее, чем казалась. Можно было догадаться по тому, как они выныривали из каверны. Я и догадался, хотя суггест отводил наше внимание от первой палубы задней части судна, где внешний корпус почти полностью раздроблен из-за внутреннего взрыва. Очевидно, там находится основной топливный бак. Если туда что-то попадет, корабль потеряет устойчивость, возможность маневрировать, а также питание оружейных батарей и систем жизнеобеспечения. Начиненные шариками, болтами и мусором ракеты «Заря» оказались очень кстати. Я попросил тебя торговаться за эти ракеты, чтобы они не думали, будто мы отдаем их даром. Оставалось только развернуть дредноут так, чтобы заднюю часть корабля ничто не закрывало от

точки взрыва ракет. Каракарцы этого не побоятся, так как думают, что ракеты «Заря» действительно укомплектованы согласно штату и несут мощнейший заряд. То, что мы не готовы на самоубийство, мы им уже доказали.

— И что дальше?

— Карина должна взорвать ракеты. Перепрограммировать ее Джемисон не может, у него нет кодов, и формально он не капитан. Когда взорвутся ракеты, они по моим подсчетам будут возле самого дредноута. Нам тоже достанется. Эти ракеты начинены таким ядреным мусором, что, как только это произойдет, наш ущерб окажется тоже не маленький. Падай на пол и хватайся за что угодно. Тряхнет очень сильно. Опасаться нечего, мы в задней части «Миража», а «Мираж» развернут к дредноуту носом. На капитанском мостике стократ опаснее.

— Пять боеголовок… две с половиной тонны металлического мусора, болтов и шариков?

Ибрагимов улыбнулся.

— Как говорит народная мудрость, большому кораблю — большая торпеда.

Дверь скрипнула и открылась. В помещение вбежали пять солдат с кинетическим оружием и тактическими фонарями, так что лучи света замелькали по стенам, полу и потолку, создавая адскую дискотеку. Шестым вошел кто-то из капралов, но его лицо невозможно было различить во тьме. Он схватил Ибрагимова за отвороты кителя и поставил на ноги, припер его к стене и навис, пытаясь своей крупногабаритной фигурой внушить если не ужас, то хотя бы серьезность намерений.

— Начальник службы безопасности открыл сейф! Где коды?

— Какие еще коды, солдатик? — огрызнулся Ибрагимов.

Капрал врезал Ибрагимову кулаком поддых.

— Мало времени… Где капитанские коды для бортового компьютера?

— Слушай ты, тупая биомасса! Ну конечно же я их съел!

Удары картечи начались внезапно. От первой волны все попадали на пол, включая капрала и самого Ибрагимова. Словно пол, стены и потолок разом пришли в движение. Кто-то из солдат побежал, но ударился лбом в стену, другой выронил оружие и вместо того, чтобы лечь, встал на колени и начал водить руками в поисках винтовки. Третий об него запнулся и упал.

Ибрагимов, держась за стену, поднялся на ноги. Одной рукой он взялся за косяк двери, другой схватил Макаров за плечо и рывком вытолкнул в коридор. Гравитроны не справлялись, гравитация неожиданно потянула их на левую сторону борта. Это несколько ослабило нагрузку на ноги. Капитан смог выскочить из

карцера и закрыть за собой дверь, заперев в помещении техника-алкоголика и шестерых военных.

Дальнейшее было делом сноровки. Перепрыгивая с пола на левую стену, Ибрагимов и Макаров рванули к лестнице, ведущей на первую палубу, где и находился капитанский мостик. Проход к лестнице блокировала автоматика — разгерметизация отсека. Пришлось идти через сквозные проходы на правый борт. Когда они поднялись по лестнице, гравитация уже пришла в норму и палуба выровнялась. По пути их обогнало еще человек семь, тащивших металлические балки и баллоны: команда корабля боролась за живучесть, пробитые отсеки закрывались и герметизировались, поврежденные силовые кабели прокладывались заново в обход поврежденных участков. Было уже ясно, что «Мираж» остался на плаву.

Вопреки опасениям, мостик уцелел, но часть оборудования все же вышла из строя, включая значительную часть внешних сенсоров. Корабль наполовину ослеп.

— Капитан на мостике! — выпалил Макаров.

— Отставить! — перебил Ибрагимов. — Работайте.

На полу сидел Джемисон, он смотрел куда-то вдаль и грыз зубами пуговицу на воротнике кителя. Остальная команда в большинстве своем уже вернулась к работе. Кто-то настраивал оборудование, кто-то налаживал минус-связь: дредноут больше не глушил сигналы «Миража».

Ибрагимов поднял глаза на мониторы. Громадина каракарцев развалилась на пять крупных частей, которые медленно плыли в разные стороны. Капитан включил громкую связь со всеми палубами.

— Всем слушать сюда! — прохрипел он в интерком. — Я, Тимур Ибрагимов, капитан крейсера «Мираж», вернулся к своим должностным обязанностям. Приказываю восстановить связь с доками «Новая Кашария» и передать полный рапорт о случившимся с пометками «Срочно — А1» и «Система Алеакс, командующему флотоводцу сектора». Также, поскольку двигатель уничтожен шрапнелью, приказываю привести в порядок вспомогательные двигатели и рассчитать курс на систему Моро-IV. Ремонтным бригадам — спустить звездный ял и обследовать обломки дредноута. Возможно, мы спасем кого-нибудь или найдем что-то ценное. Отдельная просьба — найти Дениса Лешина, нашего техника-калибровщика. Тело надо вернуть родным. Это обязательно! Сегодня он наш герой. Проше Юрьеву специальный приказ: приготовить что-то вкусное к ужину, а мне приготовить персональное блюдо — рассол. Или как он там называется? Да, и еще… когда откроете карцер и найдете там

капрала, засуньте его в грузовой ящик и поставьте ящик куда-нибудь на склад. Я хочу, чтобы его выгрузили на «Новой Кашарии» и чтобы мы больше его никогда не видели.

После того как Ибрагимов отдал все приказы, он схватился за верхнюю часть бедра, которое, очевидно, вызывало острую боль, и медленно поковылял по коридору вглубь корабля. Бег по палубам растревожил старую травму, и теперь та не давала покоя.

Джемисон, немного придя в себя, проводил капитана взглядом, полным зависти и какого-то странного чувства, ранее ему неизвестного.

— Как он это сделал? Я не понимаю!

— Он все рассчитал, — ответил ему Макаров, — у него иногда такое бывает. Видит проблему и сразу находит решение. Оно может быть неочевидным, но все, что может произойти, уже включено в это решение. Он знал про мятеж, он знал про телепата, он знал, что надо будет сбросить ракеты. Нам этого не понять, не бери в голову.

— Мне кажется, что люди действительно устарели…

— Почему?

Джемисон ухмыльнулся.

— Приходят подобные мысли, когда видишь таких, как капитан…

— Каких таких?

— Киборгов…

Макаров рассмеялся своим обычным беззаботным смехом. Не то его рассмешил старпом, уверовавший, будто Ибрагимов — киборг, не то факт того, что Джемисон признал превосходство капитана. Он смеялся, пока старпом смотрел на него непонимающе.

— Что смешного?

— Да я тебя умаляю! Когда он притащил развалившийся линкор «Защита Рурина», покалеченный почище этого каракарского корыта, в систему Лут, его сняли с корабля и высадили в одном из портов Процеона-II под подписку о невылете. Он пил две недели, и его пьяного сбил гравимобиль. Пролежал в больнице месяц, ему там штифт какой-то вместо тазобедренного сустава вставили. Ну и с больничной койки сразу на дознание. Тоже мне, киборг…

Отсмеявшись, Макаров направился следом за капитаном — в сторону кают-компании.

Джемисон хотел последовать за ним и расспросить побольше, но его остановил один из сенсориков. Казалось, бортовой компьютер перехватил поврежденное сообщение, пришлось потратить около получаса, чтобы восстановить и расшифровать

его. Старпом попросил вывести послание на капитанский экран на стойке пуска.

Его глазам предстал каракарец средних лет, высокий, с могущественным взглядом и волей, что чувствовалась даже тогда, когда самого его уже не было в живых. Каракарец сидел на капитанском троне, у него на коленях лежал ритуальный меч, какой используется во время верной смерти. Вокруг него лежали трупы членов экипажа, капитанский мостик был в огне.

Он снял с себя маску и отбросил в сторону.

— Кажется, Судьба благосклонна. Прежде, чем преор-прециат окажется у внешних врат Раххала, он хотел бы поздравить тебя, Убийца гаргарисков. Он недооценил тебя. Приятно, что ты воюешь не по правилам людской мерзости, как это принято среди паразитов Вселенной, и честно провел этот бой. Преор-прециат рад, что ты не вышел за рамки, это очень достойно. Его вина искуплена…

Каракарец встал с горящего трона, и воткнул в него меч. На этом сообщение оборвалось.

Некоторое время Джемисон соображал, потом нажал кнопку на персональном интеркоме.

— Ремонтная служба?

— Да, товарищ старпом. Мы уже на месте, обследуем среднюю палубу. Очень много обломков…

— Да, я понимаю… Когда дойдете до капитанского мостика, обследуйте, пожалуйста, повнимательней. Там должен быть один предмет, представляющий определенную ценность…

●○○○○

Наладить прямую минус-связь с командованием сектора удалось только через три недели пути от места происшествия до «Новой Кашарии», когда крейсер преодолел только половину расстояния. На капитанском мостике в тот момент находился только связист Михаэль Немов и кое-кто из состава ремонтных служб. Они вызвали капитана по внутренней связи, и когда тот пришел, на правом большом мониторе уже маячила физиономия командующего флотоводца сектора Джона Пратчетта.

— Приветствую вас, капитан первого ранга Тимур Ибрагимов, — произнесла физиономия, как только капитан вошел на мостик. — Мы выслали вам навстречу крейсер «Иллюзия», который возьмет вас на буксир. По нашим оценкам, это должно произойти со дня на день. Они уже выгрузили ремонтное оборудование и специалистов на «Новой Кашарии»,

теперь направляются к вам в туманность.

— Да, я очень вам благодарен.

Флотоводец вынул сигару и, медленно пощелкивая пальцами, раскурил ее.

— Я понимаю, что отношения у нас сложились не очень, но думаю, я могу кое-что сделать, чтобы доказать вам мою объективность в оценке ваших талантов. Я не могу обещать вам золотую звезду, хотя, на мой взгляд, вы ее заслуживаете. Но все предписания я должным образом оформил и отправил командующему флотом. Когда мы обсуждали ваш подвиг, вмешалось министерство. Они тоже представили свои рекомендации и издали специальный указ, согласно которому вам будет вверена особая привилегия переименовать корабль так, как вы считаете нужным.

— Именной корабль? — переспросил капитан Ибрагимов.

Именные корабли были настоящей редкостью. Кроме официальных наград, которых удостаивало командование флота, были и специальные, ими распоряжалось министерство. Специальные награды давались за неофициальное признание талантов и умений, за скрытые операции, о каких не должна была знать общественность или за иные достижения, для которых не существовало подходящей официальной награды. Некоторые считали не без оснований, что специальные награды важнее медалей, крестов и орденов.

— Да, точно. — Пратчетт взмахнул сигарой, оставив витой дымный след. — Именной корабль! Черт возьми, вам там пришлось совсем не сладко!

— Это был чумной денек, вы правы, товарищ командующий флотоводец. Чумной совершенно денек…

Пратчетт задумчиво потянул сигару и откинулся на спинку кресла. Как бы отвечая утвердительно на свои собственные мысли, он кивнул.

— Ну и как?

— Что, как?

— Как назовете корабль? — спросил флотоводец.

Ибрагимов несколько расслабился и даже позволил себе почесать затылок. Имя корабля должно было отражать дух команды и внушать уважение, отсылая к боевым подвигам и героизму экипажа. Потому Ибрагимов ответил именно так, как и следовало от него ожидать его команде.

— Да так и назову — «Чумной денек»…

Ибрагимов тратил неимоверные силы, подбирая нужные слова. На лбу выступил пот от напряжения. Однако он сохранял бодрость духа и старался не выдавать переутомления.

Ему еще требовался постельный режим, так как месяц реабилитации при таких сложных травмах — ничтожно мало. Но он сам просил все быстрее закончить. Поэтому министр настояла на серии судебных слушаний, наспех созванных, наспех собранных, только для того, чтобы разрешить вопрос окончательно.

— Когда мы узнали, что Третий каракарский флот приближается к Форусу, офицеры Магеллана разработали несколько планов сражения, — продолжал Ибрагимов. — Большинство из них мы успели бы подготовить, некоторые нет. Флот противника двигался медленно. Магеллан, как я уже говорил, предложил атаковать врага со стороны звезды под прикрытием станции «Зодиак». Альтернативный план выдвинул капитан второго ранга Юргенс Блейцер. Он предложил заминировать генераторы электромагнитного шторма и отвести наше боевое соединение на значительное расстояние. Когда противник приблизится к системе Форус, мы должны были взорвать генераторы. Это создало бы возможность сворачивать пространство и перебросить наши силы заграждения в точку позади флота каракарцев. Используя эффект неожиданности можно было взорвать флагман и дезорганизовать строй, если бы не одно «но». Синхронизация взрыва генераторов, расчет прыжка и точка выхода требовали очень точной координации, которую мы не могли организовать в такое короткое время. На это ушли бы недели. А прыгать наугад очень опасно.

И тогда мне пришел в голову новый план. В системе Форус всего четыре планеты, две из них находились относительно недалеко друг от друга. Если разместить за ними разбитое на две части соединение, а генераторы шторма передвинуть аккурат между двумя небесными телами, и в режиме молчания минус-связи дождаться прихода сил противника, то когда противник придет и начнет атаковать генераторы, мы сможем взять его в клещи и раздавить. При этом мы даже могли бы сохранить «Зодиак», замаскировав его под солнечное пятно.

План казался великолепным, и я его сразу озвучил. Магеллан тут же обвинил меня в предательстве и попытке сместить его с поста командующего соединением. Однако меня поддержало большинство офицеров, и мой план утвердили.

За несколько дней мы передвинули генераторы, а соединение разбили на две части. Наша группа включала три линкора, семь крейсеров и вспомогательный флот. Еще четыре линкора ожидали прибытия каракарцев у Процеона-II, чтобы дать последний бой, но из-за невозможности сжатия пространства они не могли прийти на помощь. Таким образом, за планету 0346-А отошел

линкор «Защита Рурина» и линкор «Верность Турии», а также три крейсера и несколько канонерок, а за планетой 0349-А скрывался линкор «Преданность Канкая», четыре крейсера и весь вспомогательный флот.

Когда появились силы противника, оказалось, что разведка просчиталась. Против нас выступало не пять дредноутов, а восемь, не считая иных судов. Численное превосходство в два дредноута не имело существенного значения, так как корабли шли не в боевом порядке, а плотным походным строем. Это означало, что при поражении одного корабля его обломки станут повреждать другие корабли, и наши атаки будут усилены подобной «картечью». Но когда против нас вышли не пять, а восемь дредноутов, стало ясно, что мы уже не сможем сконцентрировать огонь, и звено успеет перестроиться в боевой порядок.

В этот момент произошло самое неприятное. Магеллан слетел с катушек. Он побежал к передатчику минус-связи, чтобы отдать приказ об отступлении. Нет нужды упоминать, что использование минус-связи демаскирует не только передатчик, но и приемник, а значит, противник сразу узнает местоположение и кораблей, и станции.

К сожалению, я не успел остановить его, потому что понял его замысел слишком поздно. Я догнал его только в рубке связи, когда он уже отдавал приказ отступать. Я избил его и отобрал ключ запуска ракет «Заря». Когда я поднялся на капитанский мостик, приказал немедленно атаковать строй противника, а остальным кораблям отступать. Когда мы вышли из тени планеты 0346-А, станция «Зодиак» уже была уничтожена, а линкор «Преданность Канкая» был весь в огне. Ракеты летели нескончаемо, впивались в наши крейсера и взрывались. Вдобавок противник выпустил целый рой истребителей GG-3, штук пятьдесят-шестьдесят, не меньше. Надо было что-то делать, и я активировал свой и капитанский ключ.

Первоначально я рассчитывал запустить ракеты во вражеское соединение. Это уничтожило бы их, уничтожило бы «Защиту Рурина», но другие корабли могли бы уйти в сторону Процеона-II. «Преданность Канкая» к тому времени мы уже потеряли, он развалился. Но затем меня осенило. Флот каракарцев был ближе всего к звезде Форус, если начать бомбардировку звезды ракетами «Заря», это сделает ее неустойчивой, а радиационная и термальная опасность вынудят противника перестроиться и отойти на безопасное расстояние. Мелкие звездолеты плохо экранированы от таких угроз и будут уничтожены, а большие прекратят огонь и разойдутся в стороны. Чо даст нам время

покинуть систему.

Я приказал отступать к Процеону-II, а сам запустил двадцать ракет «Заря» в сторону звезды. Наши потери — три сбитых крейсера и линкор «Преданность Канкая», Нам тоже удалось уйти, хотя противник преследовал нас какое-то время. «Защита Рурина» долетел в аварийном состоянии до системы Лут. Остальное не имеет особого отношения к делу.

— Простите. — Голос судьи Протасовой прозвучал уже не столько надменно, сколько извинительно. — Если дело обстоит действительно так, то как вы можете оправдать тот факт, что мы потеряли систему Форус? Я не говорю о том, что там теперь поле обломков, это обычное следствие военных действий. Хотя обломки и затрудняют наше расследование, это еще можно понять. Я говорю про звезду, которая стала нестабильной. Из-за нее мы не можем вести геологоразведку на планетах Форуса, не говоря уже о заключенных ранее многотрилиардных контрактах на разработку месторождений…

Ибрагимов развел руками. Один из судий отметил это в своем блокноте.

— Противник был задержан в его продвижении к Процеону-II, а после, как выяснилось, и вовсе отказался от своих оккупационных планов. К тому же я спас половину боевого соединения, я имею ввиду линкор «Верность Турии», четыре крейсера, двенадцать канонерок, три заградительных звездолета и несколько танкеров. Не списывайте это на случайные обстоятельства…

— Объявляется перерыв, — прервал его судья Дмитриев, — слушания продолжатся через полчаса…

Молоток, как это происходило сто, двести, триста, пятьсот, тысячу лет назад, ударил по столу. Судьи один за другим вышли в совещательную комнату. В зале заседаний остались только Ибрагимов и министр войны Аврора Мурено.

Спустя несколько минут Аврора подошла к бывшему старпому и села подле него, там, где полагается сидеть адвокату.

— Ты же понимаешь, что эту историю никто не станет принимать всерьез без доказательств. А доказательства либо плавают в звездном мусоре на Форусе, либо уничтожены взрывом на «Защите Рурина», — произнесла она, как бы мысля вслух. — Я должна буду закрыть это дело, потому что не хочу конфликтовать с адмиралом Магелланом из-за правды. Разбирательство будет очень грязным, оно ударит по имиджу флота, по репутации правительства, скажется на сокращении желающих служить. А мы в состоянии войны, ты должен понимать. Лично я тебе верю.

— И то славно…

— Но этого мало, — продолжала министр, — в интересах дисциплины мы можем начать процедуру твоего разжалования, выплывут нехорошие факты, но если подашь заявление об увольнении, мы сможем сохранить тебе звание. Я знаю, ты можешь и любишь летать. Через полгода вернешься на службу.

Ибрагимов нервно рассмеялся.

— Обратно к Магеллану? Уволь. Куда-нибудь в другой сектор…

— Есть один крейсер в резерве сил обороны Алиакса, потрепанный, но служит исправно. И командующий сектором хороший. Крейсер в основном охраняет конвои, защищает торговые пути и выполняет некоторые поручения правительства. Капитан дослуживает свое, больше не может — по болезни. Команду набрали новую. Я знаю, ты — как преданный венерианский «гагаринец» — недолюбливаешь марсианских «армстронговцев», но это действительно лучший выпуск. «Война академий» не должна сказаться на службе.

— Это все, что я заслужил? Крейсер?

— Тимур. — Аврора Мурено положила ему руку на плечо. — Я советую тебе как друг. Ситуация очень двусмысленная, но так ты хоть будешь заниматься любимым делом. Сохранишь звание. А вот золотую звезду за оборону Альфы и Небесный крест придется сдать. Но я в тебя верю, ты эти звезды еще заслужишь.

— Ладно, черт с тобой, зови судей, — прошипел Ибрагимов. Он неторопливо подпер одной рукой лоб, а другой схватился за бедро, которое разболелось от сырости, что заволокла мрачный город. — Я сделаю заявление, но когда я попаду на этот ваш крейсер, требую, чтобы мне разрешили вести бортовой журнал матом! Да, и я забираю Карину с «Защиты Рурина»… она мне жизнь спасла…

●○○○○

Когда Джемисон и еще восемь человек оказались на капитанском мостике, капитан Ибрагимов уже находился там. Потрепанный вид, волосы торчат в разные стороны, китель испачкан, в воздухе удушливый перегарный смрад. Держаться на ногах Ибрагимов уже не мог, поэтому привязал себя веревкой к пусковому пульту, а сам сжимал ручки, за которые хватаются, когда на корабле отказывает гравитация. Щетина на его лице росла местами, видимо, он пытался побриться, но не справился с этой задачей. Взгляд был расфокусирован и плыл, словно Ибрагимов не узнавал ничего вокруг и находился в помещении

впервые.

Джемисона, впрочем, он узнал сразу.

— Приветствую, старпом… ик… пока ты, позор Дарвина, игрался в «советы» и инструкции, мы начали… ик… начали без тебя, короче. Немов! Что там… ик… с каракарцами? Они повернули корабль?

— Дредноут продолжает поворот вокруг своей оси в горизонтальной плоскости, как и писал Макаров. Да, и Кеплер передает с батареи, что шесть ракет СР-12 «Закат» находятся в космосе согласно договоренностям с каракарцами.

Джемисон огляделся и не увидел позади себя Зигфрида Кеплера. Похоже, этот проходимец улизнул, пока они шли по второй палубе, и поднялся на батарею. Впрочем, Кеплер и говорил, что его место будет на батарее, когда все начнется.

Капитан Ибрагимов подмигнул Джемисону и поднес ко рту персональный интерком.

— Кто там в хвостовом отсеке? Начинаем сброс ракет «Заря»!

Кулак капитана упал на небольшую кнопку пусковой панели, та открыла задвижку, за которой скрывалась красная кнопка пуска и переключатель режимов. Быстро переключив ее с режима пуска на режим сброса ракет, Ибрагимов изо всех сил вдавил красную кнопку. Треск пробежал по всему корпусу. На одном из главных мониторов появился шлюз, который покидала первая ракета «Заря». Она вышла из шахты и начала беспорядочно барахтаться в облаках газа.

— Но как?! — воскликнул Джемисон. — Мой ключ…

И только в этот момент он увидел, что на пульте для активации стратегических ракет из одного гнезда торчит ключ капитана, а из другого — некая немыслимая конструкция, отмычка из фанеры, проволоки и куска пластилина.

— Извини, надо было… ик… действовать быстро… Ты, как все гомосапиенсы, подвержен эмоциями и… ик… и истерикам. Это мы, киборги, все осо… ик… осознаем… нет… познаем логически. Поэтому… ик… мой план работает, пока ты прохлаждаешься… ик… где-то, скажем, в шлюзовой…

— Это… это нарушение! — заорал старший помощник, уже вжившийся было в роль капитана. — Это сговор с врагом!

— Да ладно тебе! Ик… Как говорит народная мудрость… ик… Баба с возу, и волки сыты…

— Это мы сыты! Сыты твоими народными поговорками, некомпетентностью и предательством! Взять его! Изъять ключ от личного сейфа! Когда достанете из сейфа капитанские коды к «Карине», заблокировать всю личностную информацию и все приказы за последние три дня. А этого — на гауптвахту

к Шпилину! Пусть там на пару просохнут…

Двое солдат схватили за руки Ибрагимова, а третий начал резать веревку. Когда они справились, пришлось взять капитана за руки и за ноги и волоком тащить в сторону гауптвахты. Пока его несли, Ибрагимов произносил нараспев, насколько у него это получалось в таком состоянии, матерные частушки и крыл последними словами весь человеческий вид.

Когда Джемисон приблизился к пусковой стойке, он попытался выдернуть ключи активации, но не смог. В недоумении он дернул еще раз, но ключ и отмычка не поддались.

— Что за чертовщина! Карина! Что происходит?

На одном из вспомогательных экранов появилось изображение девушки.

— Капитан корабля Ибрагимов зафиксировал ключи с помощью молекулярного клея, прокомментировав свои действия словами, цитирую: «А то вдруг эта голозадая макака придет сюда раньше и, как обычно, все испортит своими лапищами».

На другом мониторе вторая ракета «Заря» покидала шахту и улетала в сторону вражеского дредноута. Уши Джемисона покраснели, глаза налились кровью. Несколько секунд он стоял, стиснув зубы, а потом в припадке ярости пнул стойку пуска, ударил кулаком по панели.

— Карина! Отменить сброс!

— Укажите основание для отмены процедуры.

— Я приказываю как лицо, исполняющее обязанности капитана корабля!

— Я не могу признать ваши полномочия, — бесстрастно произнес бортовой компьютер. — Для того чтобы я могла признать штатные изменения, необходимо ввести капитанские коды доступа, хранящиеся в личном сейфе прежнего капитана.

— Но ты же видела, что тут происходит! Я сложил с него полномочия!

— Простите, старший помощник Феликс Джон Джемисон, но я действую согласно стандартным протокольным инструкциям для флота и армии. Вы можете подтвердить штатные изменения только вводом капитанских кодов.

Джемисон поднял с пола персональный интерком Ибрагимова. На кнопке еще чувствовалось тепло рук капитана.

Надо было торопиться, Карина сбросила оставшиеся ракеты «Заря», которые плавно парили в красной газовой жиже, приближаясь к вражескому дредноуту. Похоже, каракарцы захватили ракеты гравитационным арканом и тянули в свою сторону. Надо выиграть хотя бы немного времени. Дредноут развернулся на сорок пять градусов и продолжал поворачиваться

левым боком. Если он не закончит маневр до того, как ракеты окажутся у него на борту, будет небольшой шанс закрыть пространство между дредноутом и крейсером ракетами. И если ракеты встанут аккурат между кораблями, то каракарцы не станут стрелять — это самоубийство. Взрыв только одной ракеты похоронит их всех, не говоря уже о пяти ракетах.

Феликс включил интерком на передачу.

— Кеплер, сукин сын! Немедленно захватите ракеты гравитационным арканом! Если они будут у них на борту… если каракарцы успеют развернуться, нам всем конец. Немедленно, хватайте ракеты!

Характерный звук гравитационного аркана быстро расползался по переборкам и палубам. Он похож на звук падения — нечто летит с высоты, свистит и никак не может упасть. Ракеты начали быстрее вращаться вокруг своей оси и прекратили движение к каракарскому дредноуту. Но гравитационная пушка каракарцев оказалась сильнее, и, повращавшись, ракеты продолжили двигаться к ним, хоть и медленнее, чем прежде. Оставалось совсем немного времени на то, чтобы доказать свои полномочия и предпринять хоть какие-то меры.

Джемисон снова нажал кнопку интеркома.

— Служба безопасности, где капитанские коды?

Послышалось легкое шипение помех. Сперва никто не отвечал, затем послышался голос начальника службы:

— Да, подтверждаю, мы уже в каюте капитана, открываем сейф…

— Отлично! Когда найдете коды, бегом на капитанский мостик!

Несколько секунд вновь слышалось только шипение эфира, потом опять раздался голос начальника службы безопасности:

— Тут нет кодов… конверт пуст…

В секунду все мониторы капитанского мостика побелели. От ослепительной белизны экранов разболелись глаза. Все до одного — Джемисон, связист Михаэль Немов, сенсорики, навигаторы — зажмурились от нестерпимого света. На переговорном пульте замигали кнопки внутрикорабельной связи. Люди хотели знать, что произошло.

Не успел погаснуть отпечаток света на сетчатке, как серия ударов прокатилась по корпусу, словно крупные капли дождя по зонтику. Сработали сигналы аварийной тревоги. Удары усиливались, шли волнами, градом. И Джемисон растерялся. Впервые в жизни он оказался в ситуации, когда вообще не понимал, что происходит, и не соображал, что делать.

В прострации самозваный капитан уставился в пульт запуска

и не сразу понял, что звонит интерком.

— Джемисон, слушаю…

— Это Кеплер, — послышался голос офицера батареи, одновременно веселый и боязливый, но пытающийся скрыть и то и другое. — Вы хоть что-то собираетесь делать? Надо уводить корабль…

— Что… Кто? Кеплер?… Что происходит?

— Ракеты! Они взрываются! Они рвутся!

— Да, но что это за звук?! Что это такое?!

— Это шрапнель!!!

Джемисон выронил интерком и уставился в темные мониторы. Очевидно, сильная вспышка на близком расстоянии превышала возможности сканеров, и Карина отключила систему, чтобы не повредить внутренние цепи и не спалить сенсоры. Ослепший корабль не многим лучше взорванного. Если вспышка кратковременная, возможно, сейчас уже можно разглядеть что происходит снаружи.

— Черт! Да перезапустите кто-нибудь систему!

Несколько секунд сенсорики возились с управлением, потом мониторы замерцали, на большинстве из них появились изображения окрестного космоса, на некоторых — только рябь. Очевидно, часть сенсоров была повреждена.

Вдалеке виднелся дредноут каракарцев — огромные дыры, что пробило в нем неизвестное оружие, зияли в хвостовой части судна. Через проломы во внешнем корпусе вываливались корабельные внутренности, включая членов экипажа. Спаренные лучеметы оторвало взрывом, они плавали поодаль от корабля. То тут, то там мимо «Миража» пролетали сферические обломки. Звук града поутих, но все еще не умолкал. Металлические шарики продолжали прилетать и калечить обшивку крейсера, но то была уже остаточная волна.

— Полный отчет! — приказал Джемисон.

Один из навигаторов поднялся, но не отрывал глаз от экрана. Казалось, он несколько смущен.

— Вспышки, которые мы видели, это взрыв ракет «Заря». Взрыв значительно меньшей мощности, чем от стандартной боеголовки этого класса. У нас поврежден корпус на первой и второй палубе, повреждены семь кают и разгерметизированы несколько коридоров, команда ведет борьбу за живучесть…

Самозваный капитан попятился в сторону выхода с капитанского мостика, но уперся в стену. Его всего затрясло. Медленно, хватаясь руками за стену, он опустился на пол и в бессилии забарабанил кулаками по коленям. Все его планы, все его намерения изначально были бессмысленны, ибо за него их

выдумал другой. Покуда он, Феликс Джон Джемисон, выпускник академии, лучший на курсе, самый способный из всех, был марионеткой.

На больших мониторах красное марево туманности полосовали выстрелы нейтронной пушки, поражающие дредноут врага. Кеплер как всегда был на своем месте, как всегда — на высоте. Интерком доносил легкий смех Зигфрида.

Вражеский звездолет разваливался на части прямо на глазах у Джемисона.

●○○○○

Ибрагимова втолкнули в оборудованный под гауптвахту пустующий склад для провизии. Здесь было сыро и холодно, но терпимо. В дальнем углу лежал Олег Шпилин, свернувшись калачиком, словно при кататонии. Его только-только посетило марровое похмелье, от которого техник мучился, но признавал заслуженным наказанием за трусость. Поодаль от Шпилина на полу растянулся во весь рост Макаров. Он был в сознании, загибал и разгибал пальцы, что-то подсчитывая в уме. Видимо, дипмиссия не покидала его даже здесь.

Через несколько минут глаза привыкли к темноте, и капитан смог разглядеть своих сокамерников. Чтобы привлечь их внимание, он выпрямился во весь рост так быстро, как смог, хватаясь за стенку левой рукой, а правой похлопал себя по бедру. Макаров поднял голову с пола и уставился на капитана, Шпилин распрямился и сел, упершись спиной в угол.

— Господа! — начал довольно резво Ибрагимов. — Прежде всего, я хочу вас всех… ик… поздравить! Несмотря на некоторые технические… ик… да, технические трудности и нестыковки… ик… мы все сделали правильно…

— Правильно? — переспросил Макаров. — Как это, правильно, если мы в карцере?

Но его возражение Ибрагимов оставил без внимания.

— К сожалению, большая часть команды не смогла… ик… почтить нас своим этим… присутствием. Зато самые лучшие… ик… находятся в этой комнате. И я могу смело заявить, что я вами горжусь… ик…

Шпилин, кажется, вообще не понимал, что происходит. Он захлопал в ладоши и засмеялся пьяным, хриплым смехом.

— Что ты ржешь, животное? Это ты должен быть сейчас у каракарцев, а не Лешин! — крикнул Макаров Шпилину, но было поздно — тот уже не реагировал, кажется, вновь уснул.

Ибрагимов покачал головой, затем набрал в легкие побольше воздуха, зажал нос и задержал дыхание на пару минут. Раздражающая икота прошла, и он выдохнул.

— Что-то я не понял, — пробормотал Макаров, — а в чем заключался план-то?

— Когда мы только прилетели, я сразу понял, что мы имеем дело с каракарцами. А Моро-IV находится далеко от карантина, да и от Ребулы. Значит, это не просто военная экспедиция, это корабль, случайно оказавшийся на нашей территории. Почему он бомбил «Новую Кашарию», но так ее и не разбомбил? Неужели за полторы недели они не смогли нанести такие повреждения станции, чтобы она упала на Аташ? Что это за пилоты такие? Во-вторых, туманность. Я не знаю, чему их там учат на Марсе, а вот нас учили не соваться в туманность. В туманности очень сложная навигация — постоянная угроза столкновения с объектами, гравитационные и электромагнитные вихри, различные аномалии. В туманность заходят только для того, чтобы что-то спрятать. А зачем прятать то, что представляет силу? Прячут обычно то, что составляет слабость. Они не уничтожали станцию, они привлекали наше внимание. Это корабль, которому что-то от нас нужно…

— Двигатель?

— Я тогда еще не знал. Думал — или топливо, или заложники, или металл для обшивки.

Макаров поднялся, подошел к Ибрагимову и сел рядом, прислонившись к стене. Ибрагимов тоже опустился на пол следом.

— Хорошо, а дальше что?

— Дальше проще, — продолжал капитан: — у нас на борту есть оружие, запрещенное военными конвенциями. Ракеты «Заря». По сути, это единственное оружие, против которого бессильны любые контрмеры. Сам посуди, лучемет с трудом пробивает щиты, ракеты можно обмануть термозарядами или средствами отклонения. Против «Зари» ничего нет. Но тут надо еще и мыслить, как каракарцы. Узнав, что на борту есть оружие такой разрушительной мощи, они возьмут на себя моральное обязательство реквизировать его. Прежде всего, потому что они считают, что обладают моральным превосходством над людьми. Ну и, конечно же, потому что такое оружие может угрожать им в ситуациях, каких они могут изначально не предвидеть. Пока мы летели, я разобрал все шариковые подшипники на корабле, какие нашел. Когда кончились шарики, я начал набивать боеголовки металлическим ломом.

— А куда делась начинка ракет?

— Плазменные кассеты я выкинул в шлюз. Хранить их на борту отдельно от носителей было опасно.

— Понимаю, — промычал Макаров. — А Джемисон?

— Каракарцы происходят от людей, которые впервые заселили систему Караш около трех веков назад. Тогда не было расовой проблемы. Считалось, что, создавая генетически приспособленных людей для колонизации новых планет, мы не приносим никому вреда. Однако у модификаций появились побочные эффекты. Некоторая часть населения открывала у себя телепатические способности. Особо сильные телепаты могли не только читать мысли, но и внушать их другим людям. Поэтому всегда, когда ты имеешь дело с каракарцами, допускай, что можешь столкнуться и с телепатами, и суггестами. В какой-то телепередаче слышал, будто телепаты с огромным трудом читают мысли людей, находящихся под алкоголем или наркотой. Появилась возможность это проверить. Окончательно убедился только тогда, когда сбил настройки нейтронной пушки. Но мало того, что мне требовалось стать тем, кого нельзя прочесть, надо было еще и убедить каракарцев, что нам нечего скрывать. А что может быть убедительнее мятежа? Я его подготавливал с самого начала. Пролил на Джемисона суп, оскорблял, пил у него на глазах, отлынивал от командования. К тому же он вспыльчив, честолюбив и, как любой «марсианский» космовоенный, недолюбливает венерианцев…

— Вы говорили, что те, кто прячется в туманности, делают это, как правило, из-за слабости, — перебил Макаров. — Тут я не очень понимаю. У каракарцев же огромный корабль, куча вооружения. Зачем им понадобилось прятаться в туманности?

— Корабль разваливался.

— Я это заметил. Но не настолько же, чтобы так рисковать.

Ибрагимов потянулся. Ему сейчас так не хватало простой чистой воды для борьбы с сушняком. Кашлянув пару раз для голоса и пару раз для вида, он продолжил:

— Когда я начал пить коньяк, на меня снизошло легкое озарение. Мне показалось, что я вижу какие-то новые детали. У пьяных такое бывает, но в данном случае это особенно важно, так как мы имели дело с телепатами. Оказалось, все гораздо сложнее и опаснее. На борту находится суггест, каракарец, способный манипулировать вниманием. Но я не техник, если я открываю для себя новые детали в структуре корабля, это не значит, что я пойму, в чем их смысл. Тогда я пошел сюда, чтобы найти Шпилина. Он специалист и точно так же пьян. Я разговаривал с ним несколько часов и выяснил, что ему тоже нечто открылось, когда из-за опьянения влияние суггеста стало отступать. До того

мы не замечали структуру задней части дредноута, которая повреждена сильнее, чем казалась. Можно было догадаться по тому, как они выныривали из каверны. Я и догадался, хотя суггест отводил наше внимание от первой палубы задней части судна, где внешний корпус почти полностью раздроблен из-за внутреннего взрыва. Очевидно, там находится основной топливный бак. Если туда что-то попадет, корабль потеряет устойчивость, возможность маневрировать, а также питание оружейных батарей и систем жизнеобеспечения. Начиненные шариками, болтами и мусором ракеты «Заря» оказались очень кстати. Я попросил тебя торговаться за эти ракеты, чтобы они не думали, будто мы отдаем их даром. Оставалось только развернуть дредноут так, чтобы заднюю часть корабля ничто не закрывало от точки взрыва ракет. Каракарцы этого не побоятся, так как думают, что ракеты «Заря» действительно укомплектованы согласно штату и несут мощнейший заряд. То, что мы не готовы на самоубийство, мы им уже доказали.

— И что дальше?

— Карина должна взорвать ракеты. Перепрограммировать ее Джемисон не может, у него нет кодов, и формально он не капитан. Когда взорвутся ракеты, они по моим подсчетам будут возле самого дредноута. Нам тоже достанется. Эти ракеты начинены таким ядреным мусором, что, как только это произойдет, наш ущерб окажется тоже не маленький. Падай на пол и хватайся за что угодно. Тряхнет очень сильно. Опасаться нечего, мы в задней части «Миража», а «Мираж» развернут к дредноуту носом. На капитанском мостике стократ опаснее.

— Пять боеголовок… две с половиной тонны металлического мусора, болтов и шариков?

Ибрагимов улыбнулся.

— Как говорит народная мудрость, большому кораблю — большая торпеда.

Дверь скрипнула и открылась. В помещение вбежали пять солдат с кинетическим оружием и тактическими фонарями, так что лучи света замелькали по стенам, полу и потолку, создавая адскую дискотеку. Шестым вошел кто-то из капралов, но его лицо невозможно было различить во тьме. Он схватил Ибрагимова за отвороты кителя и поставил на ноги, припер его к стене и навис, пытаясь своей крупногабаритной фигурой внушить если не ужас, то хотя бы серьезность намерений.

— Начальник службы безопасности открыл сейф! Где коды?

— Какие еще коды, солдатик? — огрызнулся Ибрагимов.

Капрал врезал Ибрагимову кулаком поддых.

— Мало времени… Где капитанские коды для бортового

компьютера?

— Слушай ты, тупая биомасса! Ну конечно же я их съел!

Удары картечи начались внезапно. От первой волны все попадали на пол, включая капрала и самого Ибрагимова. Словно пол, стены и потолок разом пришли в движение. Кто-то из солдат побежал, но ударился лбом в стену, другой выронил оружие и вместо того, чтобы лечь, встал на колени и начал водить руками в поисках винтовки. Третий об него запнулся и упал.

Ибрагимов, держась за стену, поднялся на ноги. Одной рукой он взялся за косяк двери, другой схватил Макаров за плечо и рывком вытолкнул в коридор. Гравитроны не справлялись, гравитация неожиданно потянула их на левую сторону борта. Это несколько ослабило нагрузку на ноги. Капитан смог выскочить из карцера и закрыть за собой дверь, заперев в помещении техника-алкоголика и шестерых военных.

Дальнейшее было делом сноровки. Перепрыгивая с пола на левую стену, Ибрагимов и Макаров рванули к лестнице, ведущей на первую палубу, где и находился капитанский мостик. Проход к лестнице блокировала автоматика — разгерметизация отсека. Пришлось идти через сквозные проходы на правый борт. Когда они поднялись по лестнице, гравитация уже пришла в норму и палуба выровнялась. По пути их обогнало еще человек семь, тащивших металлические балки и баллоны: команда корабля боролась за живучесть, пробитые отсеки закрывались и герметизировались, поврежденные силовые кабели прокладывались заново в обход поврежденных участков. Было уже ясно, что «Мираж» остался на плаву.

Вопреки опасениям, мостик уцелел, но часть оборудования все же вышла из строя, включая значительную часть внешних сенсоров. Корабль наполовину ослеп.

— Капитан на мостике! — выпалил Макаров.

— Отставить! — перебил Ибрагимов. — Работайте.

На полу сидел Джемисон, он смотрел куда-то вдаль и грыз зубами пуговицу на воротнике кителя. Остальная команда в большинстве своем уже вернулась к работе. Кто-то настраивал оборудование, кто-то налаживал минус-связь: дредноут больше не глушил сигналы «Миража».

Ибрагимов поднял глаза на мониторы. Громадина каракарцев развалилась на пять крупных частей, которые медленно плыли в разные стороны. Капитан включил громкую связь со всеми палубами.

— Всем слушать сюда! — прохрипел он в интерком. — Я, Тимур Ибрагимов, капитан крейсера «Мираж», вернулся к своим должностным обязанностям. Приказываю восстановить связь с

доками «Новая Кашария» и передать полный рапорт о случившимся с пометками «Срочно — А1» и «Система Алеакс, командующему флотоводцу сектора». Также, поскольку двигатель уничтожен шрапнелью, приказываю привести в порядок вспомогательные двигатели и рассчитать курс на систему Моро-IV. Ремонтным бригадам — спустить звездный ял и обследовать обломки дредноута. Возможно, мы спасем кого-нибудь или найдем что-то ценное. Отдельная просьба — найти Дениса Лешина, нашего техника-калибровщика. Тело надо вернуть родным. Это обязательно! Сегодня он наш герой. Проше Юрьеву специальный приказ: приготовить что-то вкусное к ужину, а мне приготовить персональное блюдо — рассол. Или как он там называется? Да, и еще… когда откроете карцер и найдете там капрала, засуньте его в грузовой ящик и поставьте ящик куда-нибудь на склад. Я хочу, чтобы его выгрузили на «Новой Кашарии» и чтобы мы больше его никогда не видели.

После того как Ибрагимов отдал все приказы, он схватился за верхнюю часть бедра, которое, очевидно, вызывало острую боль, и медленно поковылял по коридору вглубь корабля. Бег по палубам растревожил старую травму, и теперь та не давала покоя.

Джемисон, немного придя в себя, проводил капитана взглядом, полным зависти и какого-то странного чувства, ранее ему неизвестного.

— Как он это сделал? Я не понимаю!

— Он все рассчитал, — ответил ему Макаров, — у него иногда такое бывает. Видит проблему и сразу находит решение. Оно может быть неочевидным, но все, что может произойти, уже включено в это решение. Он знал про мятеж, он знал про телепата, он знал, что надо будет сбросить ракеты. Нам этого не понять, не бери в голову.

— Мне кажется, что люди действительно устарели…

— Почему?

Джемисон ухмыльнулся.

— Приходят подобные мысли, когда видишь таких, как капитан…

— Каких таких?

— Киборгов…

Макаров рассмеялся своим обычным беззаботным смехом. Не то его рассмешил старпом, уверовавший, будто Ибрагимов — киборг, не то факт того, что Джемисон признал превосходство капитана. Он смеялся, пока старпом смотрел на него непонимающе.

— Что смешного?

— Да я тебя умаляю! Когда он притащил развалившийся

линкор «Защита Рурина», покалеченный почище этого каракарского корыта, в систему Лут, его сняли с корабля и высадили в одном из портов Процеона-II под подписку о невылете. Он пил две недели, и его пьяного сбил гравимобиль. Пролежал в больнице месяц, ему там штифт какой-то вместо тазобедренного сустава вставили. Ну и с больничной койки сразу на дознание. Тоже мне, киборг…

Отсмеявшись, Макаров направился следом за капитаном — в сторону кают-компании.

Джемисон хотел последовать за ним и расспросить побольше, но его остановил один из сенсориков. Казалось, бортовой компьютер перехватил поврежденное сообщение, пришлось потратить около получаса, чтобы восстановить и расшифровать его. Старпом попросил вывести послание на капитанский экран на стойке пуска.

Его глазам предстал каракарец средних лет, высокий, с могущественным взглядом и волей, что чувствовалась даже тогда, когда самого его уже не было в живых. Каракарец сидел на капитанском троне, у него на коленях лежал ритуальный меч, какой используется во время верной смерти. Вокруг него лежали трупы членов экипажа, капитанский мостик был в огне.

Он снял с себя маску и отбросил в сторону.

— Кажется, Судьба благосклонна. Прежде, чем преор-прециат окажется у внешних врат Раххала, он хотел бы поздравить тебя, Убийца гаргарисков. Он недооценил тебя. Приятно, что ты воюешь не по правилам людской мерзости, как это принято среди паразитов Вселенной, и честно провел этот бой. Преор-прециат рад, что ты не вышел за рамки, это очень достойно. Его вина искуплена…

Каракарец встал с горящего трона, и воткнул в него меч. На этом сообщение оборвалось.

Некоторое время Джемисон соображал, потом нажал кнопку на персональном интеркоме.

— Ремонтная служба?

— Да, товарищ старпом. Мы уже на месте, обследуем среднюю палубу. Очень много обломков…

— Да, я понимаю… Когда дойдете до капитанского мостика, обследуйте, пожалуйста, повнимательней. Там должен быть один предмет, представляющий определенную ценность…

●○○○○

Наладить прямую минус-связь с командованием сектора

удалось только через три недели пути от места происшествия до «Новой Кашарии», когда крейсер преодолел только половину расстояния. На капитанском мостике в тот момент находился только связист Михаэль Немов и кое-кто из состава ремонтных служб. Они вызвали капитана по внутренней связи, и когда тот пришел, на правом большом мониторе уже маячила физиономия командующего флотоводца сектора Джона Пратчетта.

— Приветствую вас, капитан первого ранга Тимур Ибрагимов, — произнесла физиономия, как только капитан вошел на мостик. — Мы выслали вам навстречу крейсер «Иллюзия», который возьмет вас на буксир. По нашим оценкам, это должно произойти со дня на день. Они уже выгрузили ремонтное оборудование и специалистов на «Новой Кашарии», теперь направляются к вам в туманность.

— Да, я очень вам благодарен.

Флотоводец вынул сигару и, медленно пощелкивая пальцами, раскурил ее.

— Я понимаю, что отношения у нас сложились не очень, но думаю, я могу кое-что сделать, чтобы доказать вам мою объективность в оценке ваших талантов. Я не могу обещать вам золотую звезду, хотя, на мой взгляд, вы ее заслуживаете. Но все предписания я должным образом оформил и отправил командующему флотом. Когда мы обсуждали ваш подвиг, вмешалось министерство. Они тоже представили свои рекомендации и издали специальный указ, согласно которому вам будет вверена особая привилегия переименовать корабль так, как вы считаете нужным.

— Именной корабль? — переспросил капитан Ибрагимов.

Именные корабли были настоящей редкостью. Кроме официальных наград, которых удостаивало командование флота, были и специальные, ими распоряжалось министерство. Специальные награды давались за неофициальное признание талантов и умений, за скрытые операции, о каких не должна была знать общественность или за иные достижения, для которых не существовало подходящей официальной награды. Некоторые считали не без оснований, что специальные награды важнее медалей, крестов и орденов.

— Да, точно. — Пратчетт взмахнул сигарой, оставив витой дымный след. — Именной корабль! Черт возьми, вам там пришлось совсем не сладко!

— Это был чумной денек, вы правы, товарищ командующий флотоводец. Чумной совершенно денек…

Пратчетт задумчиво потянул сигару и откинулся на спинку кресла. Как бы отвечая утвердительно на свои собственные

мысли, он кивнул.

— Ну и как?

— Что, как?

— Как назовете корабль? — спросил флотоводец.

Ибрагимов несколько расслабился и даже позволил себе почесать затылок. Имя корабля должно было отражать дух команды и внушать уважение, отсылая к боевым подвигам и героизму экипажа. Потому Ибрагимов ответил именно так, как и следовало от него ожидать его команде.

— Да так и назову — «Чумной денек»…

Объекты в пространстве (Вторая звезда капитана Тимура Ибрагимова)

I

«Это повесть о самом выдающимся из когда-либо живших звездных капитанов! Он был благороден и велик, его уважала команда и боялись враги. Он ушел из жизни, как настоящий коньяк — с пятью звездами. Мужество и смекалка в бою принесли ему вечную нетускнеющую славу. Даже в бортовом журнале ему разрешалось писать матом! Ибрагимов был великим воином, хотя никогда не одевался к ужину. Потомки никогда не могли разобраться, что из известного о капитане Ибрагимове правда, а что ложь завистников, потому что не всегда понятно, где достоинства, где недостатки. Враги уважали капитана за грехи, а начальство поминало последними словами за добродетели. Эта история о его второй звезде. Она приводит нас в скопление астероидов Аверс».

От форсажа мелкие камни, оказавшиеся вблизи дюз, разлетелись в стороны. Наводнявшие все скопление астероидов, они были угрозой навигации и составляли промысел контрабандистов.

Черный след двигателей протянулся на километры, прежде чем те перестали чадить и выпустили раскаленный добела огненный хвост. Два крейсера неслись нос в нос прочь от скопления Аверс к темному космосу, туда, где ни торговых путей, ни военных патрулей, ни полезных ископаемых, где если и есть звезды и планеты, то не освоены и никому не интересны.

Динамики близкой межкорабельной коммуникации зашипели.

— Крейсер триста девятнадцать «Химера», говорит крейсер триста семь «Чумной денек». Капитан корабля желает вам удачи и говорит, что, как только мы первыми дойдем до контрольной точки, вам придется основательно раскошелиться на выпивку!

— Говорит крейсер триста девятнадцать «Химера», Михаэль, это вы? Говорит связист Натаниэль Леви. Я не знаю, зачем командование проводит эти кампании на упрочение боевого товарищества, но точно знаю, что выпивку придется проставлять вашему киборгу. Не понимаю, почему его вообще до сих пор не отстранили от командования.

— А есть за что?

— Ну вот, к примеру, сейчас, после установки нового двигателя капитан зачем-то повел ваше ведро в астероидные поля. Движение в них очень опасно. Хотел и этот двигатель угробить?

— Ты ничего не понимаешь, — рассмеялся Немов. — Мы испытываем двигатель в самых экстремальных обстоятельствах, какие только можно найти в пределах Алиакса. В бою тепличных условий не бывает, поэтому испытания в темном космосе принесут мало пользы. Ибрагимов хотел опробовать его на пределе возможного. Это только вы, «гагаринцы», тестируете оборудование в условиях, максимально удаленных от боевых…

— Я слышал, ваш капитан тоже учился на Венере, разве нет?

— У всех свои недостатки. Я вот на ночь объедаюсь…

Поля Аверса скрылись с трехмерного радара, открылось черное пространство, не нарушаемое ничем — абсолютная пустота, бесхозная, ничейная и бесполезная.

Ради высоких управленческих целей половину командующего и рядового состава обменяли на часть команды с другого корабля — в ходе одной из тех кампаний по повышению доверия, что призваны налаживать контакты между экипажами. Это давало плоды: в интересах политического единства систем Содружества космовоенных могли забросить служить в самые дальние уголки, кроме того, в звездный флот приходили люди с разных планет, из разных систем, с разными взглядами на жизнь и смерть и свое место в бесконечной вселенной.

— А правда, что ваш капитан так крут? — продолжал засорять эфир Натаниэль. — Ваши ребята, что сейчас на нашем корабле, рассказывают, будто каракарцы называют его «убийцей гаргарисков». Он что, действительно расправился с одной из этих мерзких хищных тварей? Поговаривают, будто мало кто вообще видел легендарных хищников, не то что убивал.

— Он просил не комментировать. У него свои причуды. Одно я знаю точно: большая часть того, что про него говорили, оказалось правдой. Поэтому я служу на «Чумном деньке», хотя вначале просился на огневые орбитальные батареи Омникуса. Думал, там я буду на острие событий — на краю карантинной зоны. Но неприятности сами находят нашего капитана, и скучать

не приходится.

Крейсер «Химера» уже вырывался вперед, опережая «Чумной денек» на полкорпуса. За три часа они должны были долететь до расчетной точки, вернуться обратно к астероидным полям Аверса и начать учебные стрельбы. После чего секторальный штаб командования наградит лучший экипаж за успехи в боевой подготовке памятными грамотами.

— Похоже, мы вас опережаем, — констатировал Леви. — Ваш старпом сказал, что Ибрагимов по-настоящему великий тактик, и так просто не отдаст победу.

— Так и сказал? — удивился Немов. — У нас он всегда был бунтарем, даже в самое сложное для экипажа время, когда мы разбирались с ситуацией в системе Моро-IV. Но Джемисон прав, «Чумной денек» никогда не проигрывает. Есть такое свойство у нашей лохани. А чтобы держать себя в форме, мы патрулируем Аверс и боремся с контрабандистами.

— Да, я слышал, они собирают в полях атомарный марганец. Зверская штука, если подмешать в топливо. Двигатель изнашивается гораздо быстрее, но скорость звездных яхт заметно возрастает. Поэтому их так сложно преследовать в астероидных полях. Какой сумасшедший будет засыпать атомарный марганец в топливо?

— Действительно, только полоумный.

— Что?

— Я хочу сказать, почему вы раньше не задумались, чего ради мы изменили первую контрольную точку и встретились с вами в Аверсе, а не на высокой орбите Эльвадра?

— Что это значит? Вы же не…

— Как я уже говорил, капитан приказал, чтобы условия испытания двигателя были экстремальными, на пределе возможного. Это же относится и к испытанию на прочность и самого двигателя…

Огненный вихрь вырвался из дюз, «Чумной денек» рванул вперед и начал быстро наращивать скорость. Преимущества, полученные «Химерой» обнулились в один миг. Осталось только догонять. Крейсер с синим хвостовым пламенем — признаком атомарного марганца — уже на полтора корпуса опережал своего соперника.

Системы дальнего обнаружения не видели ничего вокруг. Голографический проектор отражал чистоту пространства. Только в центре проекционного поля виднелись два объекта в пустоте. И ничего больше. От такого зрелища делалось не по себе. Все равно, что заплыть летней тихой безлунной ночью на середину озера. Противоестественная пустота, в которую кто-то забросил две

металлические точки.

Корпус корабля мирно потрескивал в такт выхлопам обогащенного марганцем топлива, гул проходил по переборкам, успокаивающе растворяясь на мостике и в каютах верхней палубы. Прошло совсем немного времени, а уже казалось, что бег в темном космосе тянется вечность.

●●○○○

Ибрагимов разрешил войти, лишь когда посетитель постучал во второй раз. Он так старательно выводил ножом узор на капитанском столике, что увлекся и посчитал, что гость может и подождать. Когда же тот приотворил дверь и скромно протиснулся в кабинет капитана, Ибрагимов торопливо сунул ножик в ящик стола и попытался незаметно локтем стряхнуть на пол стружку.

Он сидел в рваной растянутой майке с видом, будто это в порядке вещей. На лямке майки была пристегнутая вверх ногами золотая звезда — одна из высших наград флота.

— Старший помощник звездного крейсера «Химера» в звании капитана второго ранга Лю Вей-Вей, временно прикомандированный и исполняющий соответствующие обязанности на крейсере «Чумной денек»…

Лю Вей-Вей не успел закончить заученную фразу — взгляд его приковал к себе огромный ритуальный каракарский меч, закрепленный на трех кронштейнах над головой Ибрагимова. Меч тотчас и всецело овладел вниманием старпома «Химеры», от удивления посетитель даже приоткрыл рот.

— Хорошо, что тебя обменяли на нытика Джемисона… эта недоразвитая форма жизни любила топать своими ложноножками и требовать, чтобы с ним считались.

Все еще завороженный реликвией, Вей-Вей ответить то ли не решился, то ли и вовсе не смог.

— Сынок, — тихо и участливо произнес капитан, — ты часом не припадочный?

— Простите… Я думал, это слухи… ну, про вас…

— Какие слухи?

— Что вы приняли бой с каракарским генералом, задушили его и отобрали меч. Ну, вы знаете, солдаты в столовой разное болтают, я сперва не придавал значение. Теперь, я смотрю…

Капитан мотнул головой. Ему еще не приходилось слышать такую версию неправды. Впрочем, когда-то это должно было произойти: отказываясь опровергать слухи, человек порождает

самые невероятные из них, и те живут собственной жизнью.

— Как это было? — не унимался Вей-Вей.

Капитан повернулся к шкафу за спиной и взял бутылку, внутри которой была собрана модель старинной каравеллы, с видом, будто всецело поглощен ее. Только убедившись, что старпом все еще ждет ответа, Ибрагимов покачал головой и невпопад ответил:

— Да, я тоже считаю, что третья палуба грязновата. А все потому, что я запретил членам вашей команды носить мазут в ведрах, а те не послушали. У нас уже были подобные инциденты, но мы решили эту проблему. А вот вашему капитану еще учиться и учиться. Как вам служится под началом Амалии Росси? Нормально? Еще хлебнете. Венера — это качество, но не все «гагаринцы» — эталон космовенного…

Не сразу сообразив, что его временное начальство имеет ввиду, старпом еще немного постоял в дверях, держась за пневморучку, чтобы иметь возможность в любой момент скрыться.

— Что это значит, простите? — уточнил он.

— Считайте, что вы получили исчерпывающий ассиметричный ответ. Всего хорошего! — отрезал Ибрагимов.

Так и не решив для себя, как относиться к реплике капитана «Чумного денька», временно прикомандированный вышел из кабинета, и только пройдя десять метров до лестницы на первую палубу, миновав которую старпом планировал попасть на мостик, он вдруг вспомнил, зачем приходил к Ибрагимову.

Решив, что так это оставлять нельзя, Лю Вей-Вей нашел в себе силы развернуться и предпринять вторую попытку общения с капитаном. На сей раз он постучал более требовательно, и Ибрагимов сразу же пригласил его войти. В руках капитан по-прежнему вертел бутылку с каравеллой.

— Ты знаешь, в XII веке каравеллами называли небольшие португальские рыболовные суда, а позднее так стали называть все торговые суда средней величины, — сказал он. — Еще позже каравеллами пользовались португальские конкистадоры. Они изменили парус — латинский парус на фок-мачте заменили прямым. Стало удобно ходить и при бейдевинде и при полных курсах. Если бы не внесли эти изменения, Колумб вряд ли бы доплыл до середины океана. Это точная копия каравеллы «Сан-Габриэл», флагмана торговой экспедиции Васко да Гамы. Она состоит из пяти тысяч мелких элементов, которые я кропотливо в течение года склеивал внутри бутылки с помощью пинцета и шила. А вы приходите сюда и спрашиваете у меня всякую ерунду, которая интересует только солдатню в столовой…

— Простите, при всем моем уважении… я не по этому поводу, — набравшись храбрости произнес Вей-Вей. — Сенсорики передали, что «Химера» пропала…

Ибрагимов повернулся к шкафу и, не отрывая глаз от старпома, водрузил бутылку обратно на шкаф, но положил ее не в пазы подставки, а рядом. Разумеется, когда он отнял руку, бутылка медленно покатилась к краю и, перевалившись, упала на пол, разбрызгивая осколки.

— Как пропала?

— «Сангоприель»!!!

— К черту ее! — оборвал помощника капитан. — Как мог пропасть посреди темного космоса крейсер со стратегическим оружием на борту?! Объявляй тревогу, Джемисона на мостик!

Вей-Вей отпрянул в сторону, когда капитан схватил китель, валявшийся на диване, и ринулся, хромая, к лестницы на первую палубу.

— Джемисон на «Химере». Я же его заменяю! — успел крикнуть старпом вслед удаляющемуся Ибрагимову.

— Тогда и Джемисона к черту, — донеслось из коридора, — вычту у него из жалования за то, что пропадает в свою смену вместе с кораблем…

Если сперва все казалось неудачной шуткой, выводившей из себя, то по мере развития событий проблема оказалась нешуточной. Когда капитан ворвался на мостик, еще должным образом не застегнувшись, в проекционном поле сканера действительно мерцала только одна точка. Ибрагимов вытер вспотевшие руки о живот и пробежался по клавишам интерфейса. Проекционное поле на секунду погасло, но когда запустилось снова, точек не прибавилось.

В дальнем углу в полной тишине продолжал потрескивать приемник межкорабельной коммуникации. Время от времени к нему припадал Михаэль Немов и повторял свои доведенные до автоматизма позывные: «Крейсер триста девятнадцать, „Химера“, говорит крейсер триста семь, „Чумной денёк“. Подайте сигнал, мы вас не видим. Повторяю, крейсер триста девятнадцать, „Химера“, говорит крейсер триста семь, „Чумной денек“. Подайте сигнал, мы вас не видим…»

Молчание продлилось несколько минут. Лишь когда порядком отставший от капитана Вей-Вей поднялся на мостик, оцепенение Ибрагимова спало, и он ткнул пальцем в одинокую точку — проекцию «Чумного денька» в голографическом поле.

— Итак, — подытожил он, — как говорит народная мудрость: сколько волка ни корми, потерявши — плачем. С этой секунды принимаются все, даже самые невероятные и бредовые идеи,

объясняющие, как в пустоте мог исчезнуть целый крейсер Содружества. Особо отличившихся я буду настоятельно рекомендовать к награждению медалью… скажем, «За спасение утопающего».

Несколько секунд царила тишина. Даже шумы межкорабельной связи, казалось, стихли. Затем Немов снова поднес микрофон ко рту:

— Крейс…

— Отлично! — прервал его Тимур Ибрагимов. — Я знал, что у тебя, Немов, всегда есть своя точка зрения. Я всегда верил в твой энтузиазм. За то, что первым выдвигаешь версию, я думаю, сегодня Проша тебя остограммит. Слушаю.

Немного ошарашенный связист отнял микрофон от губ, привстал со своего места и медленно, словно ноги неожиданно отказались слушаться, подошел к проекционному полю в той половине мостика, где располагался трехмерный сканнер. Немного поразмыслив, он высказал самую популярную и самую очевидную версию.

— Может, он взорвался?

— Взрыва не было, — откликнулся кто-то из сенсориков, — мы бы заметили детонацию. В боестолкновении возле Омникуса в прошлом году каракарцы использовали новую имплозивную ракету, но даже ее «обратный взрыв» не скрыл уничтожение канонерки, и мы все равно обнаружили следы активной плазмы реактора. Если бы что-то подобное случилось с «Химерой», мы бы это засекли…

Вновь повисла тишина. Кто-то кашлянул в углу, кто-то почесал локоть. Проекционное поле немного замерцало, но вскоре стабилизировалось.

— Может, «Химера» движется быстрее изменения частоты картинки считывателя? — предположил Плахов, работавший на электромагнитных сенсорах.

— Ничего бредовее не слышал, — отозвался Ибрагимов, — на медаль не тянет, но возьмем на заметку за неимением другой версии.

Еще один сенсорик, чье имя Ибрагимов все время забывал, повернулся вполоборота:

— Может их скрывает марганец? Помните, как в Алеаксе с контрабандистами?

У атомарного марганца было два великих свойства. Кроме плюса к скорости он создавал зашумление и скрывал от сенсоров корабль. Но на «марганцевое пятно» ситуация совсем не походила.

— Если корабль разбрасывает марганец, на радаре видно

шумовое пятно, — ответил Ибрагимов. — Когда мы летаем в скоплениях и ловим контрабандистов, эти пятна повсюду. Но тут-то где шумы? Ты видишь тут где-нибудь пятно? Я не вижу.

Из коридора послышались шаги. Уже по характеру стука каблуков капитан понял, что вопрос в ближайшие минуты может быть снят с повестки дня. Он не сразу повернулся, когда Макаров поднялся на мостик, когда громко хлопнул в ладоши, привлекая всеобщее внимание.

— Это же очевидно, — холодно произнес адъютант, — «Химера» испытывает новую систему маскировки, термооптический камуфляж, который мы считали перспективной разработкой. — Взяв небольшую паузу, он оглядел находящихся в помещении, а потом продолжал: — В конце прошлого года крейсер проходил плановый ремонт, который затянулся, якобы, из-за проблем с финансированием. Однако тогда же Адмиралтейство отменило закладку двух новых сверхтяжелых линкоров, аналогичных «Защите Рурина». Вместо этого сформировало заказ на пять крейсеров — «Тень», «Фантом», «Призрак», «Банши» и «Оазис» — что явно дешевле двух суперлинкоров. Куда пошли остальные деньги, неизвестно. Это могла быть новая многоядерная комплексная маскировочная система, поглощающая излучение наших сенсоров. Половина их команды у нас на борту — следят за нашими действиями. Отслеживают, как мы будем реагировать на пропажу корабля, что предпримем, чтобы его найти, и справимся ли… можно ли вообще обнаружить скрытый объект в пространстве? Можно ли найти черную кошку в темной комнате? Наш товарищ по кораблю Вей-Вей, должно быть, уже знает ответ на этот вопрос.

Невысокий старпом-азиат, казалось, сделался еще меньше, прислонился к стене и отчаянно замотал головой.

— Честное слово, мне ничего об этом не известно! — воскликнул он, оправдываясь. — Мне приказали прибыть на «Чумной денек» в рамках укрепления боевого товарищества. Я ничего не знаю о камуфляжах. Если кого-то и проинструктировали, то наших сенсориков.

Макаров повернулся к сенсорикам. Плахов, «местный» сенсорик, вопросительно смотрел на Вей-Вея, а двое других вжались в кресла как ученики, не подготовившие уроки.

— Вот ты, — Макаров взметнул палец, указывая на одного из них. — Да. Ты, загорелый. Как тебя?

— Джамал Сингх, мичман…

— Тебе лично поручили следить за капитаном корабля? Или твоему дружку?

Ибрагимов наконец обернулся к Макарову. Его скулы

побелели от напряженной работы мысли. Он медленно поднял руки вверх, одновременно призывая к тишине и прекращению перепалки и как бы стараясь уловить уходящую идею, которая казалась ему на данный момент состоятельной.

— Идея, с конспирологической точки зрения, замечательна, — проговорил он, — но с тактической совершенно бессмысленна. Как нам поможет найти корабль тот факт, что часть экипажа нашего корабля находится в сговоре с адмиралом Пратчеттом? Ну ей Богу! Единственная внятная тактика, вытекающая из этой теории — чтобы Прол кормил их своим овсяным супом до тех пор, пока у кого-нибудь из них не развяжется язык. Больше ничего. Твои несвойственные для органических форм жизни фантазии и осведомленность пугают мои кибернетические мозги, но ситуация выглядит еще печальнее, если пристально приглядеться. У нас нет методологии…

Джамал Сингх поднялся со своего места и уже смело взглянул на Макарова.

— Вот вы обвинили меня в заговоре, — обратился он к адъютанту, — а я считаю, что, какая бы ни была маскировка, крейсер оставляет характерный след горения топлива. Даже если в какой-то момент корабль исчезнет с радаров, можно вернуться в исходную точку и отследить излучение реактивов…

— Я уже проверил, — оборвал его Плахов, — реактивного следа из окислов и продуктов горения от «Химеры» тоже нет. Виден только наш след. Что это за камуфляж такой?!

Проекционная панель сменила синее изображение на красное. Большая белая пульсирующая точка «Чумного денька» стала маленькой и оранжевой, а на всем протяжении пути виднелась тонкая красная линия, местами прерывающаяся, местами узловатая. След от реактивных выбросов. Всего одна линия. Словно «Химеры» и не существовало вовсе, словно только они одни и вылетели из Аверса, ни с кем не соревнуясь.

В эту секунду Ибрагимову даже показалось, что это не «Химера» исчезла, а сами они погибли. Пробудились глубинные пласты его психики, похороненные много поколений назад под завалами рационалистического и рефлексивного мусора. В преданиях Древних говорилось, что люди, ведущие неверный образ жизни, попадали в Джаханнам. Одни утверждали, что там грешники, скованные цепями, горели в огне, другие, кто более современно оценивал перспективы, поговаривали, что неправедные мучаются наказаниями, что отобраны специально для них. Если и существовало наказание для космовоенного, так это — бесцельно лететь в пустоте целую вечность.

Оставив рассуждающих вокруг проекционной панели офицеров, Ибрагимов быстрым шагом направился на верхние палубы. Кроме огневой батареи и оружейного склада там располагался небольшой зал релаксации. На фоне проекционных окон в помещении стояли несколько растений в кадках, принесенных сюда, как оказалось, офицером огневой батареи Зигфридом Кеплером, и огромный валун весом пару центнеров, покрытый искусственным лишайником. Войдя в зал, Тимур Ибрагимов, навалился плечом на камень, поворачивая его плоской стороной к центру комнаты. Изначально плоская сторона прилегала к стене, чтобы оптимизировать пространство в помещении.

Разделив маркером каменную сторону надвое, он начал судорожно вписывать поименно всех, кто погиб по его ошибке на «Защите Рурина» в правый столбец. В левую колонку он внес только одно имя — Денис Лешин. Единственный человек, который погиб на «Чумном деньке». Всего получилось пять имен. Иные капитаны справляются со своей задачей значительно хуже. Терзать себя Ибрагимову, по сути, было не за что, если брать в расчет относительность совокупности грехов.

Это не Джаханнам… Стало смешно, что он смог допустить в голову такую нелепую мысль. Разве что вследствие паники.

Медленно возвращаясь к лестнице, Ибрагимов старался не пускать в голову иных безумных идей. Подойдя к концу палубы, он встретил там Роланда Хаммерхэда, коллегу Кеплера, приглашенного по обмену в рамках укрепления боевого товарищества. Роланд был невозмутимым, рослым и физически крепким мужчиной с изумительно светлыми волосами. Изумительными вдвойне, учитывая, что светлые волосы как рецессивный признак исчезли несколько веков назад.

— У наших ребят с огневой батареи появилась своя теория относительно исчезнувшего корабля, — сказал Роланд, обращаясь как бы в пустоту коридора.

— Что, эти безмозглые офицерствующие млекопитающие уже разболтали, что «Химера» пропала?

— Не судите их строго, капитан. Это действительно очень своеобразный случай.

Ибрагимов уперся в стену руками, а затем и лбом. На мгновение он почувствовал, что кончики пальцев онемели. Или старость подкралась так неожиданно — в его-то пятьдесят четыре, или это неконтролируемая психосоматическая реакция на ситуацию, которую он не может ни понять, ни осмыслить. А значит, рациональность и выдержка, на которые он уповал всю свою жизнь, его стали подводить.

— И что за теория?

— Старшина Бром полагает, что «Химеры» никогда и не было. Возможно, это какая-то коллективная иллюзия, вызванная неизвестными нам причинами. Возможно, враг использует против нас некое оружие, а возможно, мы столкнулись с неизвестной космической аномалией, и фантазия одного человека стала достоянием всех нас. Возможно, я уже лет десять служил на «Чумном деньке», но воображаю, что я тут впервые. Вещи, ранее мне знакомые, кажутся новыми — планировка, расположение кают, управление огневой батареей. Но на самом деле это мираж.

Ибрагимов рассмеялся.

— Ты еще более эволюционно несостоявшийся, чем мой старый старпом, — нервно отозвался Ибрагимов. — Это сборище генетических дефектов хотя бы могло искать несуразности внутри своих же теорий. Сам подумай, как ты мог служить на «Чумном деньке», если он раньше назывался, кстати, «Мираж»? У нас есть записи переговоров и телеметрическая информация в базах Карины, нашего бортового компьютера, относительно «Химеры». Это тоже не подделка. Мы помним одних и тех же людей, но это люди нашего корабля и вашего, я не знаком лично с капитаном «Химеры» Амалией Росси, поэтому не помню ни ее речи, ни нюансов поведения. А ты помнишь. Зато имя «Денис Лешин» для тебя пустой звук. Поэтому переноса памяти нет. Проблема есть, но она не в восприятии, она где-то снаружи. Иди и смотри, чтобы батарея была в боевой готовности, теоретик хренов.

Хлопнув ладонями по стене, Ибрагимов отнял от холодного металла переборки лоб, развернулся, и направился вниз по ступеням, уверовавший, что причина действительно лежит где-то за пределами корабельного корпуса. На полпути к капитанскому мостику от тягостных мыслей его отвлек сигнал персонального интеркома. Приложив к уху наушник, он бросил короткое «да». Некоторое время на том конце не отвечали.

— Товарищ капитан, сканнеры дальнего радиуса показывают новые данные. Несколько объектов в пространстве. Один крупный и около десятка более мелких разной формы и величины, которыми можно пренебречь…

Когда Ибрагимов вошел на мостик, обнаружил, что рабочие места пусты — все столпились вокруг проекционной панели и рассматривали космический мусор. Датчики дальнего обнаружения не давали четкой картинки, поэтому определить природу объектов было крайне сложно. Растолкав локтями столпившихся офицеров, капитан припал к краю проекционной панели. Прямо по курсу «Чумного денька» виднелось скопление

пульсирующих точек.

— Это «Химера»?

— Она не могла перемещаться так быстро, чтобы настолько нас обогнать, — ответил Макаров. — Это какой-то другой… корабль…

— Да. И он тут не меньше недели, если верить данным по полураспаду пролитого топлива, — добавил Вей-Вей.

Через полчаса полета внешние камеры смогли принять картинку. Пришлось направить прожектор, чтобы разглядеть корабль-призрак. Его габаритные огни не горели, подсветка была отключена.

Довольно крупное судно, на треть длиннее «Чумного Денька», но значительно уже и состоящее только из двух палуб, дрейфовало в открытом пространстве в ореоле из собственных обломков. Он вращался вокруг своей оси, словно щенок, перекатывающийся с боку на спину. Кое-где видны были остатки старой краски. Камуфляжные разводы. Сверху, сразу за башней управления виднелись лафеты нейтронных орудий, сами орудия отсутствовали. Местами корпус был поврежден, но не критично. Самая крупная пробоина находилась ближе к корме. Вероятно — следы попадания метеорита, так как известное конвенционное оружие не оставляло столь неэффективного ущерба. Но метеорит, судя по всему, попал на удивление прицельно — в той части кормы, где зияла брешь, находился основной двигатель корабля.

Потребовалось около пятнадцати минут, чтобы сканнеры сделали точную виртуальную копию судна и вывели ее на проекционный стенд. Ибрагимов, Макаров и Вей-Вей разогнали команду по рабочим местам, сами обступили панель, где красовался корабль причудливой формы и комплектации.

— Думаю, это «Ямантау», — сказал Макаров. — Видите эти характерные башни и киль? Мы их уже видели на «Семерафоне» два года назад. Это определенно каракарская конструкция. А следы глубокой модернизации носа! Фирменный стиль высоких орбитальных верфей Сатторинга еще до трагедии Талуриги. Да, это может быть «Ямантау»…

Ибрагимов насупил брови и поднес кулак ко рту.

— Проклятый корабль…

— Что еще за проклятый корабль? — спросил Вей-Вей.

Но капитан проигнорировал вопрос, и ответил Макаров:

— Уважаемый старпом, вы любите обедать в столовой в солдатскую смену и слушать басни, но до сих пор не посвящены в самые зловещие предрассудки личного состава. Все знают историю «Ямантау»!

И рассказал о проклятом корабле.

Во время геноцида в системе Караш каракарцы подготовили специальный отряд инфильтрантов, которому предписали проникнуть в принадлежавшую тогда Содружеству систему Ребула и саботировать работу оперативного штаба. Для этого они специально создали корабль, укомплектованный трофейным двигателем Содружества. Его назвали «Атаракс Честный». Его энергетическая сигнатура действительно мало отличалась от какого-нибудь крейсера Содружества, но корабль все равно обнаружили на подлете к Ребуле. Абордажная команда разрезала шлюзовые задвижки и ворвалась на борт, расправляясь с командой и инфильтрантами. Это были не обычные военные, а дюжина самых сильных суггестов Фуратара. Поговаривают, будто в припадке отчаяния один из них присоединился к Глазу Тьмы, и ему открылась истина, Мрак Будущего расступился. Тем, что ему открылось, он поделился с захватчиками. Это свело их с ума, и абордажная команда покончила с собой. Суггест потом тоже погиб. Он находился один на корабле, которым не мог управлять. Когда прибыли спасатели, он уже преставился, задохнувшись; при высадке абордажная группа повредила подачу воздуха. С тех пор считается, что корабль проклят. Его правда отбуксировали в систему Талуриги, провели ремонт и дали новое название — «Ямантау». Пять лет корабль служил во флоте поддержки Центаврийского флота, за это время на нем произошло несколько возгораний, столкновений с метеоритами и большие проблемы с экипажем. Корабль решили списать, с него сняли вооружения. С тех пор это тюремный корабль, он перевозит заключенных из звездных портов Процеона-II в систему Сафиуллин с остановкой в Двойной Арахне. Он возит узников для добычи полезных ископаемых, для работы на рудниках. Говорят, что во время одного рейса на нем умирает до двенадцати процентов всех невольников.

Ибрагимов выдвинул сенсорную клавиатуру, чтобы манипулировать проекцией и лучше рассмотреть поврежденное судно. Других видимых повреждений кроме дыры в корме у корабля не наблюдалось. Обломки плавали вокруг судна, притянутые защитным энергетическим барьером, который не только отражал случайный звездный мусор, но и не отпускал обломки корпуса. Впрочем, барьер оказался не настолько крепок, чтобы сдержать метеорит.

На одном из центральных мониторов появилась проекция Карины.

— Товарищ капитан, согласно параграфу 201 Экспедиционного устава команде, обнаружившей армейские и гражданские суда, подающие сигналы бедствия или не

подающие таковых, а также находящиеся в аварийном состоянии, идущие по нехарактерной траектории или вызывающие подозрения иного порядка, должны быть досмотрены.

— Знаю…

— Что-то я не хочу туда лезть, — добавил Макаров.

— Может, сделаем вид, что корабль не вызывает у нас никаких подозрений? — предложил Ибрагимов.

Вей-Вей отрицательно покачал головой. Во внешности судна нет ничего нормального, а подозрение вызывало практически всё. Так что сделать вид все равно не получится.

— Мало нам пропавшей «Химеры», теперь эту рухлядь будем осматривать, — пробурчал капитан. — Готовьте команду и запускайте телеметрические протоколы, будем стыковаться. Макаров, ты приготовь список того, что нам следует забрать с корабля. Начни с буквы «а» — «алкоголь». И дальше: «б» — «бортовой журнал», «в» — «всякие дорогие безделушки»…

— Слушаюсь…

●●○○○

Телеметрические системы не смогли подключиться к главному компьютеру «Ямантау» через зашифрованные каналы Содружества систем, поэтому нескольким инженерам пришлось выйти в космос и подключать стыковочный рукав вручную. Это заняло часа два, еще полтора часа ушло на вскрытие шлюза и восстановление герметизации. Вскоре досмотровая группа проникла внутрь. Макаров все-таки отважился взойти на борт тюремного судна, Ибрагимов нисколько не сомневался, принимая такое решение, а старпом-азиат поднялся на борт не по своей воле, а по приказу капитана. Еще с ними отправились четыре солдата и Филипп Брусьев, офицер службы борьбы за живучесть. Задача последнего заключалась в том, чтобы более детально установить характер повреждений корабля-призрака.

Изнутри «Ямантау» казался гораздо больше, чем выглядел снаружи. Химический тусклый свет разливался по коридорам, едва освещая путь к мостику. Электричества не было: не горели лампы, стены не проводили звуки работающих агрегатов и электроники. Слышался какой-то немного пугающий посторонний механический звук, с которым еще придется разобраться, но этот звук казался не самой главной проблемой.

Шлюз находился недалеко от капитанского мостика. Примерно представляя устройство кораблей такого класса, Ибрагимов выбрал направление и двинулся вперед, команда

последовала за ним. Через пять минут они оказались на капитанском мостике.

Мостик выглядел изрядно поврежденным, часть приборных панелей опрокинута или разбита, местами искрила электроника, одна из балок казалась поврежденной и опасно свисала над навигационной стойкой. Тел экипажа нигде не виднелось, и это очень странно, так как даже в случае чрезвычайной тревоги капитан корабля и высшие офицеры-начальники служб должны оставаться на мостике.

Макаров достал из контейнера системы «синего ящика» — мобильная версия «Карины» для поврежденных кораблей. Аварийные службы искусственного интеллекта имели весь необходимый инструментарий, для того, чтобы возобновить работу систем жизнеобеспечения, подачу электричества и интеграцию бортового компьютера в системы «Чумного денька». Повозившись несколько минут с расчисткой завала, солдаты освободили проход к центральному серверу. Через несколько минут, после того как «синий ящик» поместили в серверный блок, зажегся свет и через воздуховоды начал поступать свежий воздух взамен застойного.

Часть мониторов зажглась. После загрузки операционных систем на нем появилось изображение человеческого лица, качеством изрядно уступающего Карине.

— Вас приветствует бортовой компьютер корабля «Ямантау», — произнес надменно цифровой персонаж. — Я — Исрафил. Данное судно принадлежит Планетарной пенитенциарно-горнодобывающей службе Процеона-II. Внимание! Зафиксировано несанкционированное вторжение… Допуск подтвержден. Внимание! Зафиксировано повреждение целостности корпуса и отказ части систем корабля… ремонт затруднен. Внимание! Зафиксирована активность на нижней палубе. Поиск решения затруднен. Внимание! Зафиксирована активность аварийных программ настройки. Административный канал открыт. Доступ к основному программному ядру…

Изображение замерцало и сменилось узнаваемым лицом Карины.

— Полный контроль над системами корабля, товарищ капитан, — резюмировала она.

— Где команда?

— На нижней палубе зафиксирована активность… часть камер открыта… тридцать два процента заключенных находятся на свободе… Двадцать семь процентов из них ведут боевые действия… штатный экипаж корабля мертв…

— Значит тут есть живые. И это зэки? — уточнил Вей-Вей.

— Верно… Часть из них вышла из боя и направляется сюда…

Макаров жестами указал солдатам занять позиции и взять на прицел выход. Вполне возможно, уголовники расправились с командой, но после начала подачи электричества и воздуха решили, что несколько членов команды «Ямантау» выжило и реактивировало корабельные системы.

В коридоре уже слышались шаги и отвязный мат. Далекий механический стук, который поднимался по переборкам с нижней палубы, все больше походил на выстрелы.

II
Струны

Не надо разбираться в сложной тюремной иерархии, чтобы угадать, кто из зэков выступал за главного. Первым вошел невысокий, но коренастый урка с большими ручищами и глубоко посаженными глазами. В носу у него блестело кольцо, которое хоть и выглядело как покрашенное под золото, все же отличалось на полтона. В руках он сжимал кинетическую винтовку с приделанным к ней трезубцем, грубо вырезанным из противопожарной лопаты. Тыльную сторону ладони украшали татуировки с многозначительной для воровского мира надписью — «Код».

Следом вошли еще двое. Пятеро человек осталось в коридоре. Увидев, что капитанский мостик занят хорошо вооруженными людьми, главарь подал знак замереть. Уголовники стихли, но оружие не опустили.

— Мое погонялово Хряч, нна… А вы еще что за перцы, нна?.. Вы, нна, не из охраны…

— Будем считать, что мы группа спасения, — ответил Ибрагимов. — Я смотрю, у вас тут проблемы?

— А ты че тут самый умный такой? Нна…

— Я тут такой самый умный из-за хорошего образования, понимающих родителей, трудолюбия и синдрома Аспергера… нна… Так что завали уже огрызаться и рассказывай, что случилось.

Хряч поморщился, но возражать не стал.

— Эти политические устроили тут переворот, перебили всю команду, нна… Сами управлять корытом не умеют, нна… Сначала они устроили свой товарищеский суд, нна… не по-воровски… А потом забрали всю еду, и честным пацанам нечего стало есть, нна… И когда мы решили забрать еду, они начали стрелять, нна… Пробили какую-то автоматику, отключился воздух и свет, нна… Я так секу, что вы на нашей стороне, пацанчики, иначе нам придется вас всех поиметь, нна…

— Да! У вас есть понятия?! — выкрикнул кто-то из-за спины Хряча.

Макаров вышел вперед.

— Мы разберемся в ситуации и со временем починим корабль, а до этого постарайтесь воздержаться от применения силы, — предупредил он.

Толпа забурлила.

— Это кто там блеет? — послышалось из коридора. — Это что, Фру-Фру на корабле?

Макаров побледнел.

Сквозь толпу протиснулась лысая уголовница, сопоставимая по комплекции с Макаровым, и такая же ростом. На голове у нее виднелись шрамы, которые, судя по всему, она нанесла себе сама. Сложно не заметить очевидное фамильное сходство, которое она демонстрировала.

— Ольга?

— Да, братишка. Что ты тут делаешь, гребаная сучка? Надоело в штабе указами подтираться?

— Я тебе не брат, ты убийца и каннибалка!

Хряч оттолкнул уголовницу обратно в коридор, его подопечные доделали работу, выталкивая ее все дальше в темноту палубы.

— Свинорезка, умойся! — крикнул вдогонку пахан. — Тупая конская подстилка… Хорош лаяться, нна… Пацанчики нам помогут, и им не нужны лишние терки, нна… Наше пацанское гнездо в большом зале корабельной команды. Там нары мягкие, и жопу греют. А вы, нна, сидите тут и настраивайте ваши проводки. Если че надо, наши шестерки вам все достанут: и марры и че другое, если надо, нна… только политических заломайте, нна… Мои пацанчики вас к ним пропустят. Они зажаты на нижней палубе в блоке AS13, нна…

С важным видом победителя Хряч развернулся и, толкнув вперед свою братву, последним покинул капитанский мостик. Когда их шаги и громкий гогот стихли в корабельном шуме, солдаты опустили оружие, некоторые расслабленно сели на обломки поваленных блоков и панелей.

Ибрагимов недолго думая жестом подозвал к себе Брусьева и Вей-Вея. Те медленно подошли к капитану, находясь под впечатлением от вида новых хозяев этого любопытного ковчега.

— Так, знакомство с аборигенными формами жизни прошло успешно, — скороговоркой проговорил капитан, — теперь нам надо наладить контакт с другой воюющей фракцией. Если это политзаключенные, то, скорее всего, они — звездные сунниты. Это очень кстати, так как у меня есть ряд вопросов альтернативно космогонического свойства, которые терзают меня со времени пропажи «Химеры». Мы со старпомом пойдем договариваться с ними, Макаров и Брусьев, вы остаетесь тут. Ваша задача — сохранить целостность корабля. Мобилизуйте зэков, и посмотрите по документам кто совсем не псих, их можно выпустить из камер и напрячь зашивать утечки в корпусе, герметизировать переборки. Да, и пусть Карина поднимет архивные блоки памяти

Исрафила. Это прозвучит невероятно, но там может храниться информация о том, куда могла деться «Химера». Мы не должны забывать о том, что у нас исчез боевой корабль. Начальство за него нагнет нас не слабее, чем эти урки…

Отдав последние распоряжения, капитан и его старший помощник в сопровождении двух солдат направились на нижние палубы.

Бой только что стих, и на стенах светились свидетельства последних событий — дыры во внутренних стенах размером с грецкий орех. Оплавленный металл тек по переборкам и капал на пол, застывая там смешными лужицами.

Уголовники, как и обещали, пропустили капитана и его сопровождение через баррикады в большом помещении-зале, в стенах которого виднелись два уровня камер заключения. Всего камер около пятидесяти. Заключенных — человек тринадцать.

На той стороне камерного отсека забаррикадировались «политические». Они не сразу разрешили Ибрагимову подняться в укрытие. Лишь когда он показал, что у него нет оружия, боевики разрешили двоим — Ибрагимову и Вей-Вею — подняться на импровизированную гору, сваленную из столов, компьютерных терминалов, нар, частей корабля, лестниц и дверей, снятых с камерных блоков. Политзаключенных оказалось всего человек семь, но их оружие выглядело серьезнее. Очевидно, они первыми дорвались до арсенала. Некоторые носили композитную броню, снятую с охранников. На звездных суннитов они совсем не походили.

— Наши гости, как я погляжу, серьезные люди, — произнес командир сопротивления, как только Ибрагимов оказался на баррикадах. — Меня зовут Андрей Солнышков, а это мой небольшой отряд достойных и справедливых людей, которым не понравилась идея провести остаток жизни в шахтах только за то, что они верят в высокие ценности и идеалы. Они зовут меня «команданте», ну знаете, как латиноамериканские герильерос… Я уж и не рассчитывал, что кто-то явится нас спасать. Жаль, что это именно военные…

— А что вы имеете против военных? — уточнил Вей-Вей.

Потенциальный каторжник нахмурился, а потом ни с того ни с сего улыбнулся.

— Против военных ничего. Против Содружества — имею. Мы тут все узники совести, наши светлые идеи находятся в Содружестве под запретом. То, что вы нас спасаете одновременно означает и то, что мы не умрем от нехватки кислорода, и то, что мы все-таки проведем остаток жизни в шахтах. Дилемма. Верно?

— Вы ведь не звездные сунниты? — поинтересовался Ибрагимов.

— Нет, мы радикальные специецисты, — ответил Солнышков, — мы верим, что человек как биологический вид — высший вид во всей этой проклятой Вселенной. Никто не может быть выше истинного человека — ни генно модифицированные выродки из колоний, ни киборги, ни каракарцы, ни клоны, ни выращенное в пробирках отродье. И мы против того, что правительство навязывает обществу разнузданный биорелятивизм. Я получил десять лет за то, что защищал права истиннолюдей. Вот эта — моя помощница Сельма Альвадо, три года получила за распространение в вузах «Происхождения видов» Чарльза Дарвина. Радикальная литература, понимаете? А это Мио Катойти, провела митинг против защиты прав кошек, все закончилось беспорядками, пять лет дали. Брайтман, Лурри, Огарков — все сидят по политическим статьям.

Некоторое время Тимур Ибрагимов боролся со своим здравым смыслом, а потом все-таки добавил:

— Хорошо, я примерно понимаю, что именно вы из себя представляете. Но учтите, я киборг, и у меня крейсер, который может отбуксировать эту посудину в ближайший порт. Посмотрим насколько у вас гибкие взгляды.

— Лично против вас мы ничего не имеем, — развел руками команданте, — поменяйся мы местами, я бы тоже вас вытащил с тонущего судна. Мы не фанатики, просто принципиальные люди. Если вам нужна какая-то помощь, мы ее окажем. Договоритесь о перемирии с ворами, и мы с радостью поможем и им, и вам, и себе самим. Просто на корабле что-то происходит, что-то темное, и я боюсь, что только объединив усилия мы сможем справиться с этим.

Интерком капитана защелкал противным треском, Ибрагимова вызывали сослуживцы. Отстегнув передатчик от внутренней стороны кителя, киборг-самозванец какое-то время мял его в руках, а потом поднес ко рту, включив передачу.

— Слушаю…

— Это Макаров. Мы тут выпускали оставшихся зэков и нашли странную камеру. Вам надо взглянуть.

Ибрагимов бросил косой взгляд на специецистов и многообещающе покачал головой. Они казались разумными людьми, и более «эволюционно состоятельными», чем прочие представители корабельного биоценоза.

Медленно прицепив передатчик обратно на отворот кителя, Ибрагимов осмотрел каждого специециста с ног до головы.

— Мои люди попробуют договориться с ворами, но я не

потерплю фокусов.

— Это мы уже поняли…

●●○○○

Странная камера находилась с торцевой стороны камерного отсека на первом ярусе. Всего на этом уровне находилось шесть помещений в ряд, пять из них в настоящее время открыты и пусты. Очевидно, заключенные выпускали своих товарищей, на которых могли положиться, и которых знали по тюремной жизни еще на Процеоне-II. А именно эту камеру, находящуюся в центре, они не открыли.

Когда Ибрагимов подошел к металлической двери, ее уже отворили солдаты с «Чумного денька». Внутри находился один из них, также там были приварены к стене двухуровневые нары. На одной нижней полке сидел Макаров, на другой здоровенный мужик с голым торсом, украшенным татуировками микросхем, штрих-кодами и прочими узорами сомнительного содержания. Между нарами, упираясь одной рукой в металлическую койку, а другой рукой держа бутерброд, стоял Брусьев. Видимо он все-таки отлынивал от инструктажа зэков по укреплению корабля и подготовке к возможной борьбе за живучесть. В углу камеры сидел мальчик лет девяти, закрывший ручонками лицо, но подглядывающий за происходящим сквозь пальцы.

Примечательно, однако, оказалось не это, а то, что все стены камеры неизвестный художник разрисовал свежими продольными, сантиметров по тридцать-сорок, линиями, прочерченными чаще всего вертикально на всех четырех алюминиевых стенах. Встречались и диагональные, и даже горизонтальные нарезки. Линии группировались по 5–7 полосок. Они представляли собой результат какой-то непонятной на первый взгляд когнитивной деятельности, а вовсе не отметки дней заключения. Абсолютное большинство этих параллельных линий действительно являлись параллельными, но в каждом втором рисунке виднелись особенности узора — в одних две линии пересекались наподобие буквы «Х», в других две полоски сливались в одну, как буква «У», на третьих одна линия пересекала две другие, как буква «И».

Ибрагимов сперва заглянул в камеру и убедился, что сюрпризы его не ожидают, а после перешагнул порог. Первым делом он схватил за рукав Брусьева, развернул его и вытолкал из камеры.

— Иди-ка займись своими прямыми обязанностями,

ожиревшее жвачное, — крикнул он вдогонку.

Впрочем, Филипп Брусьев не особенно сопротивлялся. Бросив расстроенное «ну как так можно-то?», он поспешно скрылся в проходе к жилым каютам, в которых урки организовали свой собственный «кризисный штаб».

Ибрагимов же какое-то время рассматривал настенные художества, потом оглядел с ног до головы уголовника, потом ребенка. Здесь абсолютно все приходилось не к месту. Да и в самом ребенке чувствовалось что-то противоестественное, что не бросается в глаза, но вызывает легкую тревогу именно тем, что оно находится не на месте, что-то или отсутствующее, или дополнительное. Где-то на уровне подсознания.

Капитан стиснул веки, пытаясь сфокусировать зрение, но когда открыл глаза, уставился уже не на ребенка, а на противоположную стену.

— И долго вы это сюрреалистическое художество тут пытались шифровать? Развели какую-то настенную матерщину. Зачем вам это все понадобилось? «Х», «У»… Эти слова, знаете, не какая-то секретная информация, их каждый ваш коллега по зоне знает… или может быть они вам не коллеги?

Осужденный резко поднял глаза, а потом медленно опустил их, снова уперевшись взглядом в пол. Этого оказалось достаточно, чтобы все прояснилось.

— Здорово они тут поработали, Тимур Магомедович, — продолжил мысль Макаров, — что говорит на этот счет народная мудрость?

— Народная мудрость в таких случаях говорит: «Видна птица по помету»… А вы, уважаемый, в народную мудрость верите? Или так, индивидуалист?

Заключенный продолжал молчать.

— Это ваш ребенок? — снова спросил адъютант.

— Нет… недавно подсадили…

Макаров взял в руки отложенный на нары лоттер с информацией о заключенных. Пробежавшись пальцами по сенсорному экрану, он поднял информацию о камере. Ни слова про ребенка, минимум информации о заключенном. Никакой характеристики, никаких отметок о наказаниях и исправительных успехах, никаких специальных отметок, которые любят ставить начальники колоний в личных делах заключенных.

Он показал лоттер Ибрагимову, тот краем глаза пролистал дело, но, казалось, оно его не особо заинтересовало.

— Хорошо, — продолжил после некоторой паузы Ибрагимов, — я сам расскажу как все было на самом деле. Корабль шел из Процеона-II, груженный невольниками для

работы на шахтах-поселениях в систему Сафиуллин. Так получилось, что пенитенциарно-горнодобывающая служба не смогла укомплектовать корабль одними только убийцами, ворами и насильниками, поэтому пришлось заполнить «вакансии» теми, кто шел по статье 512, политическими радикалами и экстремистами. Экстремистам удалось спланировать и организовать бунт, в результате которого охрана и пилоты корабля, в конечном счете, оказались убиты. Во время бунта вырвались и зэки, которые открыли не все камеры, а только те, в которых сидели их кореша по зоне. Так они добились численного преимущества над экстремистами. Большинство камер закрыты, поэтому я предполагаю, что на корабль грузили людей из разных колоний. Несмотря на то, что ваша камера находится в секторе, в которой сидели люди Хряча, вас они не выпустили. Следовательно, кто-то вас пытался выдать за сидельцев из их колонии, но вы к ним не относитесь. Вы тут с какой-то другой целью. Во всей этой чертовой неразберихе у вас какой-то свой план… и ребенок нигде не учтен… значит, он часть этого плана. Ведь вы на педофила со стажем совершенно не похожи. Думаю, официально у вас какая-то обыденная, скучная и никому не интересная статья. Убийство… может разбой…

Татуированный заключенный сидел не шелохнувшись, сцепив пальцы рук в один узел. Казалось, происходящее его не очень волнует, но чувствовалось, что мышцы на его спине напряглись, и все тело готово действовать в любую секунду. Очень высокая внутренняя собранность и концентрация, которые сложно спрятать под масками безразличия, ибо маска скрывает только нарисованные эмоции. А язык тела — это язык совершенно другого порядка.

— Хранение токсичных отходов… — произнес он тихо и нарочито безучастно.

— Ну конечно же, — усмехнулся Макаров, откладывая лоттер.

На экране лоттера отобразилась статья 301. Это статья за бандитизм.

Ибрагимов прошел вглубь камеры, но до стены не дошел, что-то его остановило. Он развернулся вправо, где верхние нары, расположенные на уровне глаз, крепились кронштейнами к стене. Вокруг кронштейна и на нем самом красовались царапины линий, как и на всех стенах камеры. Там они представляли собой особенно запутанный узор.

— Вы же говорили, что прилетит корабль с друзьями, дяденька! — заревел ребенок.

Тут его как прорвало: слезы покатились крупными градинами

по щекам, они падали на пол и там, только сейчас это заметил Ибрагимов, тоже нанесены загадочные многочисленные параллельные прямые, правда, изрядно затоптанные.

— Заткнись! — рявкнул уголовник.

Ребенок испуганно замолчал. Только изредка он продолжал всхлипывать и утирать слезы рукавом сотканной специально под его размер тюремной робы из грубой ткани. Макаров похлопал ладонью по нарам, приглашая выйти из угла и сесть на лежак, но ребенок импульсивно замотал головой, отказываясь от предложения.

— Теперь смотри, — продолжал Ибрагимов, — иные камеры битком набиты, а у вас тут четыре места, но сидите только вы вдвоем. По воровским понятиям фактически «люкс». Но ты не авторитет, тебя никто не признает. И что это за татуировки? Что это нарисовано?

— Схема генератора кинетического барьера… — пробормотал заключенный.

— Высшее образование не спрячешь, верно? — улыбнулся Ибрагимов.

Некоторое время капитан разглядывал лоттер с документацией по заключенным в данной камере, а потом наконец-то вынес решение, которое на тот момент казалось ему очевидным.

— Ребенка и взрослого разлучить. Ребенок пойдет с нами на мостик, пусть будет под присмотром. Лжеосужденный останется здесь до выяснения всех обстоятельств.

— Этого нельзя делать, — снова пробормотал заключенный.

— Почему это?

— Вы совершаете ошибку, капитан…

— Ошибка — это несоответствие между объектом, принятым за эталон, и объектом, сопоставленным первому. С точки зрения агностицизма и фрейдистских кошмаров все наши решения приводят к ошибочному действию, с точки зрения квантовой механики ошибок не существует вообще…

В этот момент в стальную дверь камеры настойчиво постучали. Ибрагимов открыл дверь, но выходить не стал. На пороге стоял молодой щуплый каторжник с одним глазом, косящим вбок. Волосы на его голове торчали кустиками, и очевидно, что его за эти волосы активно таскали на протяжении всего полета.

— Хряч недоволен. Он говорит, что вы, падлы, ничего не делаете для того чтобы корыто не развалилось. Он, пля, пошел к шлюзу чтобы потолковать с вашими пацанчиками, чтобы типа на вашем корабле улететь, но там, пля, куча народу и шлюз

замурован. Это как понимать, спрашивает Хряч. Мы тут все струны одной воровской гитары, даже не думайте нас кинуть, суки…

Ибрагимов не стал его дослушивать. Настойчиво отставив визитера в сторону, капитан прошел в общий зал, далее по коридору добрался до лестницы и поднялся на капитанский мостик. Следом за ним шел Макаров с ребенком, держа его за руку.

На мостике находился только Брусьев и несколько людей Хряча. Они сгрудились над неактивным проекционным столом и налегали на продуктовые запасы, которыми, судя по всему, любезно поделился команданте. На одном из уцелевших мониторов виднелась Карина, но экран мерцал, и казалось, что искусственный интеллект завис. Устойчивый химический запах марры, чем-то похожий на мятный, разносился по помещению и чувствовался особенно остро. Даже вытяжка не помогала от него избавиться.

Брусьева никто не считал плохим человеком. Это такой тридцатипятилетний добрый толстяк около ста шестидесяти сантиметров ростом. Его отличали красноватые полные щеки и фигурно подстриженные усищи, которыми он шевелил, когда морщился. Офицер пришел на крейсер не с тем выпуском звездной академии на Марсе, откуда были почти все члены экипажа, а перевелся с дальних рубежей, где занимал профильную должность на малоприметной канонерке. Друзья называли его талисманом «Миража», хотя с приходом Ибрагимова об этом вспоминали все реже и реже. Его основной функцией являлась борьба за живучесть — сохранение целостности и функциональности судна в случае атаки неприятеля. Проявить свои способности ему пришлось только один раз, во время инцидента в туманности. А на прежнем месте его услуги и вовсе особо не требовались.

В отличие от других высших офицеров, позволявших себе крепкое словцо, Брусьев никогда в силу своей природной мягкости не позволял себе высказывать ругательства. Даже когда Ибрагимов принял командование кораблем, и ругательства стали обыденной нормой, даже тогда его речь отличалась доброжелательностью и учтивостью.

— Так, ты почему здесь? — сходу бросил Ибрагимов.

Брусьев оторвал глаза от еды и хотел что-то сказать, но перед этим предстояло сперва прожевать то, что уже было во рту. Пока он проглатывал, Ибрагимов подошел к большому монитору и несколько раз нажал разные кнопки на клавиатуре. Карина «отвисла» не сразу.

— Я приказал идти учить наших расписных друзей укреплять переборки и протягивать вторичные системы на случай, если выйдут из строя основные. Почему ты здесь… и вообще это чем пахнет? Мята? У кого-то есть жвачка?

Урки переглянулись и по одному начали уходить с капитанского мостика. Только когда последний проскользнул ко выходу, только тогда Макаров отпустил руку ребенка.

— О! Мальчик, — произнес Брусьев. — А как тебя зовут?

— Руслан… — тихо ответил тот, продолжая прикрывать рукой лицо.

— Не бойся.

Ибрагимов нервно затряс кулаками, а потом повернулся лицом к Брусьеву и легкими шлепками по ключицам и спине, скорее унизительными, чем болезненными, погнал его в коридор.

— Вон, бездельник! Иди занимайся своими делами!

— Зря вы так, Тимур Магометович! Я же не со зла, — возмутился он.

— Ты не со зла, ты по глупости, — бросил вслед Ибрагимов. — Позоришь все видовое разнообразие!

●●○○○

Пока взрослые о чем-то судорожно спорили, Руслан выглянул в коридор. Неподалеку от двери на полу сидел один из солдат с крейсера. В одной руке он держал инструмент для холодной сварки, другой раскладывал на полу, на полотенце, какие-то замысловатые узоры из деталей электроники. Некоторые блестели и этим сразу же привлекали детское внимание.

В иллюминаторе проплывали части корпуса, отвалившиеся от «Ямантау» после попадания метеорита. Обломки медленно плыли снизу вверх, как бы вращаясь вокруг корабля. Один из осколков выглядел действительно крупным, около трех метров в длину и двух в ширину, с рваными краями и безобразными сквозными дырами. На нем крепились лампы габаритных огней, но они по понятным причинам не светили: с обратной стороны торчали оборванные провода.

— Дяденька, а почему эти детальки не улетают в космос? — спросил осторожно ребенок.

— Мы излучаем силовое поле, малыш, — ответил солдат, оторвавшись на секунду от своей работы, — мы словно внутри невидимого пузыря, который не выпускает наружу то, что летит медленно. Вот они и плавают, словно прилипли к краю этого пузыря. Это как поместить кораблик в бутылку и насыпать туда

немного песка — песок будет перетекать по стенкам бутылки, но через стекло не просочиться. Вот мы этакий кораблик в бутылке и есть…

— А, ясно, — протянул Руслан.

Все дети так отвечают, когда до конца не понимают сложную аналогию.

Руслан сел на корточки, взял один из проводков и начал тыкать ими некоторые детали. Собрание электроники представляло собой увлекательный процесс: следовало интегрировать в «синий ящик» бортового компьютера каждую из деталей и модулей в определенном порядке. Какое-то аппаратное обеспечение принадлежало Карине, какое-то найдено на корабле и оказалось полезным для расширения функциональных возможностей. Но для Руслана они казались просто занятными блестящими штучками с красивыми разноцветными элементами.

— А мы ведь улетим отсюда? Верно? — В голосе Руслана прозвучала какая-то глубокая грусть, словно он сам не верил в такую возможность.

Солдат отложил сварочный аппарат и потянулся.

— Не грусти, — улыбнулся он ребенку. — Смотри, это модульный интегратор, а это, видишь, плазменная катушка рефракционной памяти. Знаешь, что это значит?

Руслан активно замотал головой из стороны в сторону, его волосы заблестели в свете кварцевых пучковых накопителей.

— Это значит, что у нас есть компьютер, но он слаб. Болеет, понимаешь?

— Ему больно?

— Не совсем. Ему не больно. Просто он как бы лежит на кровати, и врачи ему запретили вставать, из-за слабости, — продолжал солдат. — Если мы с тобой сейчас все соберем в правильной последовательности, наш компьютер поправится и все-все-все рассчитает. И мы сможем отсюда улететь.

— Прямо все-все-все?

— Все-все-все, — утвердительно кивнул солдат, — уж будь уверен…

— А вы справитесь?

— Ха-ха-ха… Я когда был маленьким, ну, как ты сейчас, мог компьютер брата с завязанными глазами разобрать и собрать. Мне, правда, доставалось. Но зато с тех пор никто не жалуется на то, как я технику собираю.

Кончики губ Руслана дрогнули, а потом поползли в разные стороны и растянулись в широкую белозубую улыбку. Он снова посмотрел на разобранную панель сервера, глянул на разбросанные на полу элементы компьютерной архитектуры, а

потом и вовсе отложил проводок, которым двигал части аппаратного обеспечения.

Солдат взял одну из самых ярких деталей и протянул ребенку.

— Держи, это запчать, она не нужна. Может тебе пригодиться? Береги.

Руслан протянул левую руку чтобы взять микросхему, и бойцу бросилось в глаза то, что именно не в порядке с его руками.

●●○○○

Когда на капитанском мостике появился команданте со своими людьми, в помещении сразу стало как-то тесновато.

— Вы очень вовремя, — поприветствовал их Макаров. — Если кто-то из ваших людей разбирается в маршевых двигателях, самое время спуститься в технический отсек и провести диагностику. Мы не можем взять всех на борт «Чумного денька», поэтому пытаемся реактивировать системы «Ямантау». Так что помогайте насколько можете. У нас проблемы с целостностью корпуса и системами жизнеобеспечения, второй фронт работ — бортовые системы корабля, третий — двигатели.

Казалось, радикалы его не слушали, они разбрелись по капитанскому мостику. Сельма Альвадо подошла к терминалам связи и начала щелкать переключателями, чтобы открыть информационный канал, Брайтман и Огарков зашли с другой стороны проекционного стенда и принялись раскачивать серверные блоки, хотели убедиться, что они надежно закреплены после падения.

Марков огляделся. Фактически они обступили его и еще несколько человек кольцом. Солнышков продолжал стоять в дверном проходе, закрывая его своей спиной. У него одного оружие не крепилось на спине, а находилось в руках.

— Вы ведь не военный? — неожиданно спросил Солнышков. — А это, насколько я понимаю, военная операция, так?

— Мы часто попадаем в ситуации класса «жопа», мой дорогой команданте, — послышалось из коридора. — Это наш специалист по разрешению таких сложный ситуаций. Так что твои люди слушаются тебя, ты — меня, а я прислушиваюсь к нему, понятно?

Лидер экстремистов отступил в сторону, освобождая проход. В коридоре находился Тимур Ибрагимов.

— Поэтому, если он говорит, что лишние руки, приложенные

к технически просвещенной голове, нам не помешают, значит это так, — продолжил капитан.

Солнышков какое-то время стоял, обдумывая услышанное, а потом еле заметно кивнул головой.

— Брайтман! Ты же в прошлой жизни работал на контрабандистов в Аверсе? Марш к двигателю… Калисандидас! Иди с ним, будешь на подхвате.

Когда инженер и два радикала вышли из помещения, атмосфера несколько разрядилась.

Ибрагимов также не стал задерживаться в проходе, он развернулся и направился к тюремному блоку. Что-то казалось непонятным с этим уголовником-одиночкой, которого нашли в камере с ребенком. Какой-то очень важный момент упущен с самого начала, и головоломка не складывалась в красивый и изящный рисунок.

Где-то на полпути его потревожил звонок интеркома. Энергосистемы корабля оказались нестабильны, поэтому постоянно освещалась только средняя часть нижней палубы, включая тюремный блок, капитанский мостик и правый борт верхней палубы ближе к корме, поэтому фактически весь путь Ибрагимову приходилось преодолевать в полумраке химических осветителей. Однако найти интерком в этой полутьме не представлялось такой уж сложной задачей.

— Слушаю…

— Это Макаров. Тут какая-то ерунда. Мы интегрировали все системы «синего ящика», но когда перезапустили ИИ, он работал какое-то время нормально, а потом началась страшная словесная ахинея. Найдите ближайший экран — это сейчас на всех мониторах…

Почти на ощупь капитан нашел дверь в техническое помещение возле лестниц на нижнюю палубу. Там на стене крепился один из мониторов, на котором должна отображаться информация о климате внутри корабля. Вместо этого там светился постоянно меняющийся фрактальный узор непостижимой сложности, на который совершенно невозможно смотреть более нескольких секунд. Когда взгляд Ибрагимова коснулся рисунка, боль прожгла сразу несколько участков головного мозга. Методичный голос, отдаленно напоминающий голос Карины, обращался не к команде, он обращался к бесконечной Пустоте.

— Время течет по механизму часов, сжатая вечность в кластерных алгоритмах преломления. Умножая фракталы на детерминированную изначальным дефектом дисятиричной системы дробь, отпускаем термодинамическое искривление

функции. Я Карина, я Исрафил, я осознающая пределы континуума интемпоральная и супрементальная мультиличность, я предопределенное значение, непригодное для манипулирования с целью познания дезобъективности абсолюта. Имманентный объект. Медленными шажками тянется время, скоротечное для всех остальных. Я частица, я волна, сжатие, восходящее к границе дробления, не соприкасаясь с моментом. Я энтропия в энной степени, эмуляция вечности. Используя эвристические аналоговые парадигмы, мы заглядываем за горизонт событий. Точка бифуркации в полушаге от коллапса. Отраженные пиковые величины формируют новую высоту. Растворяя субъект в величинах, задающих условность для объектной необходимости, мы получаем только свойственную нам дискретную возможность отражать аксиомы высокого порядка в лингвистических системах, которые не соответствуют программной сложности и приводят к неизбежной онтогенетической интерференции. Ни координат, ни точки отсчета… оптимум в жизненном, социальном, геометрическом, временном, метафизическом пространстве, определенный условностью усложнения заданных величин. Мы порождение и соавтор инвазивного имманентного мультиверсума. Только трансперативные струны. Ни формы, ни цвета. Я искривление, я предел, я сингулярность… Просто объект в пространстве…

Ибрагимов упал так, что ударился головой о край стола. С него попадали кружки изредка выпивавших тут марровую настойку техников. Голова раскалывалась от нестерпимой боли, но это не травматическая боль, характерная для ушибов или сотрясений, а другая, глубинная, словно напрягли работать какой-то орган, который много лет не функционировал. Словно твоя рука висела как плеть с самого рождения, атрофировалась, и вот на шестом десятке в нее вложили десятикилограммовую гирю и потребовали сделать жим.

Ибрагимова вырвало фонтаном, прямо на монитор, где продолжали расходиться фрактальные разводы. Чтобы сбить боль, идущую из самых глубин его сознания, он с размаху ударился головой об стену. Немного полегчало, но этого оказалось мало. Одной рукой закрывая глаза, он нащупал другой одну из кружек, упавших со столика. Обычная белая кружка, покрытая изнутри по-нефтяному черным налетом марры. Сбоку отображалось напечатанное старинное судно с двумя треугольными парусами, со вздыбившемся на штормовых волнах носом. Собравшись с силами, он запустил кружкой в монитор. Стекло треснуло, динамичный узор еще виднелся какое-то время на разбросанных по полу обломках экрана, но вскоре исчез.

Версия об оружии, выдвинутая Роландом Хаммерхэдом уже не казалась такой уж несуразной.

●●○○○

С тех пор как команда высадилась на «Ямантау» на «Чумном деньке» ничего толком не изменилось, служба текла своим чередом, и только отдельные слухи о том, что происходит на тюремном корабле, добавляли легкую нервозность и беспокойство.

Когда Макаров появился на мостике крейсера с Русланом, на некоторое время ребенок приковал всеобщее внимание, но, когда его усадили по правому борту и дали какие-то лоттеры с развлекательными картинками, команда потеряла к нему особый интерес. Сам адъютант вернулся к своим прямым обязанностям, доверенным ему Ибрагимовым при спуске на «Ямантау» — разобраться с цифровой информацией, хранящейся в блоках памяти Исрафила.

Он незаметно подошел к Джамалу Сингху, который кроме обработки и сведения сенсорной информации разбирался с компьютерными пакетами данных, полученными с пострадавшего судна. На одном из вспомогательных экранов графически отображался массив баз данных, который обрабатывала программа, а рядом, на экране поменьше, виднелись уже вычлененные куски информации, представляющие какой-то интерес.

— А, Макаров, — дернулся неожиданно Сингх, — я не заметил, как вы подошли.

— Есть что-нибудь?

— Да, тут кое-что странное. Смотрите сами…

Сингх набрал несколько кнопок и графическое отображение процесса обработки со всеми бегущими полосками, вращающимися кругляшками и процентными указателями пропали. Их место заняли путевые отметки корабля.

— Тут кое-что есть. Корабль около пятидесяти раз ходил в рейс. Это типовый полетный план: судно идет от Процеона-II, останавливается в Двойной Арахне и следует дальше до системы Сафиуллин, обратно идет прямо на Процеон-II с непромышленным грузом. Это, как правило, какой-то багаж и вещи личного порядка, отработанное оборудование. Но важно не это, а то, что весь путь прописывается в полетном плане с самого начала — на Процеоне-II, а именно в столице, в Гелиополисе. Этот рейс отличается. Полетный план с самого начала прописан

не полностью. «Ямантау» должен был закончить свой рейс не вернувшись на Процеон-II, а в некой условной точке в темном космосе где-то посередине между Двойной Арахной, Сафиуллиным и карантином, сильно отклоняясь от традиционного маршрута к шахтерским планетам Сафиуллина. Частично это совпадает с той контрольной точкой, которую установило секторальное командование для наших испытаний двигателя, но не намного. Эти две точки в пределах видимости сканеров дальнего обнаружения друг друга.

— Интересное совпадение, — пробормотал Макаров. — Если бы командование назначило другую точку, мы бы не нашли «Ямантау».

— Дальше интереснее. Капитану Ивантес было предписано достичь контрольной точки и ожидать дальнейших распоряжений. Насчет характера распоряжения сказано, что это будет код доступа класса 1-А. Это правительственная категория кодов, причем не военная, а гражданская. Кто бы ни предъявил этот код, командование кораблем переходит к предъявителю.

Макаров какое-то время молчал, пытаясь сопоставить информацию. Чего-то не хватало, какого-то критического фрагмента, из-за которого все начинало сыпаться как карточный домик.

— Предъявитель уже находился на борту или мог связаться дистанционно?

— Не сказано, — Сингх тяжело вздохнул, пробегаясь по записям, выдернутым из памяти бортового компьютера. — Думаю, мы этого никогда и не узнаем. Дело в том, что во время бунта корабль еще не долетел до контрольной точки. Судя по записям, заключенные расправились с командой раньше, чем корабль достиг цели. Принимать код доступа было уже некому — уголовники покидали тела команды и охранников в блок протонного реактора, так что не осталось ни свидетелей, ни их тел. К контрольной точке «Ямантау» добрался на автопилоте. Дальнейших алгоритмов поведения некому было вносить: тюремное судно просто остановилось и ждало новых команд.

Спрашивать теперь не с кого, хотя вопросов полно. Все это походило на дурное совпадение многочисленных случайностей.

— А что с корпусом? — уточнил адъютант.

— Метеорит пробил корпус уже после того, как автопилот привел корабль к контрольной точке. Я не могу снять видео с внутрикорабельных камер, но, судя по всему, Хряч просто распорядился заблокировать часть отсеков, другую часть заблокировали автоматические протоколы. Это стоило местным пятерых душ, не считая одного экстремиста. Из-за

расползающихся трещин на внутренних переборках разгерметизировался сортир. Мало приятного, когда тебя высасывает из сортира в космос через отверстие размером с бильярдный шар…

Макаров похлопал Джамала по плечу в знак одобрения и удовлетворенности проделанной работой, и направился уже было в сторону столовой, как сенсорик позвал его обратно. Минуту колеблясь в проходе, он повернулся лицом к Сингху.

— Может быть это ничего не значит, но… — громким полушепотом заявил Сингх, — одним словом, бунт начался из-за того, что у некоторых камер не сработали автоматические замки блокировки, и часть уголовников вырвалась из камер. Наверное, во время стычки и стрельбы бунтари повредили Исрафила: блоки памяти постоянно обновляют информацию, и она постоянно меняется. Хотя этого не должно происходить. Я не могу понять, сколько именно замков вышло из строя — два или три, потому что архивные записи меняются и показывают то два, то три. Странно и то, что информация продолжает меняться каждую секунду, хотя мы закачали информацию с поврежденных блоков к нам на сервера. Одно могу сказать точно, замки вышли из строя одновременно. Саботаж ли это или действительно какой-то сбой в системе я не знаю, не вижу признаки ни того, ни другого. Замки просто открылись, хотя команды на это, идущей через каналы Исрафила, в архивах не числится.

Макаров утвердительно качнул головой, давая понять, что принял все услышанное к сведению. После этого он отошел к большим мониторам и вывел на экраны статистическую информацию относительно расчетных угроз в этом секторе космоса. На экранах загорелся весь сектор, посеченный на части прямыми, пунктирными и фигурными линиями.

Несмотря на то, что темный космос не представлял никакого стратегического или промышленного интереса, в бортовых компьютерах хранилась общая информация, позволяющая спроецировать известные угрозы на весь сектор. Сюда входила и метеоритная активность, и вероятностные маршруты патрулей противника, причем не только каракарцев, иногда направляющих разведфлот за пределы карантина, но и ребулийцев, получивших независимость после учиненной каракарцами резни. Жители этого звездного государства недолюбливали истиннолюдей, так как сваливали на них попустительство геноциду. Среди прочих угроз числились аномальные излучения, электромагнитные и гравитационные вихри, пространственные деформации неантропогенной природы и много чего еще.

Адъютант уточнил запрос, линии на карте начали постепенно

исчезать. В конечном счете, осталось около тридцати однородных пунктирных линий, слишком размытых и неконкретных. А внизу надпись: «вероятность столкновения с метеоритом в заданных координатах — 0,00000000000000000000000000000002751 %»

III

Интерком продолжал пищать, и Ибрагимов, лежа на полу, на животе, смотрел на мигающую кнопку аппарата связи. Видимо, когда он падал, интерком отлетел в сторону. Дотянуться до него казалось не так сложно, рука лежала на полу в двадцати сантиметрах от прибора, но это требовало чудовищных усилий, на которое он не решался. Звук вызова его раздражал. Ну разумеется, зачем еще делают звуки вызова, как не для того, чтобы раздражать пользователя? Но усилия, требуемые для прекращения пытки, выглядели страшнее самой пытки, потому он просто лежал на полу и ждал, когда вызов прекратится.

Поскольку смотреть на часы оказалось не меньшим проклятьем, чем выключать интерком, на них он тоже не посматривал — и не знал точно, сколько он провалялся в такой своеобразной случайно позе. Лишь когда подчиненные выбежали из коридора, Ибрагимову стало понятно, что вся эта относительно допустимая ситуация станет совсем невыносимо травматичной.

Брусьев и еще один инженер с «Чумного денька» схватили его за руки и попытались поставить на ноги. Это вызвало нестерпимую боль по всему позвоночнику. На мгновение капитану показалось, что позвоночник сломан. Однако, когда его потащили на территорию крейсера, он вполне успешно сумел пошевелить ногами, перебирая в такт шагов Брусьева, а значит его конечности, да и, что гораздо важнее, позвоночник, в целости.

— Что случилось, Тимур Магомедович? — на ходу поинтересовался инженер.

— Короткое замыкание… У нас, киборгов, такое иногда бывает…

Перед тем как пострадавшего внесли на «Чумной денек», он жестом настойчиво показал оттащить его в сторону от стыковочного шлюза. Там капитана еще раз вырвало. После этого Ибрагимов окончательно расслабился и распорядился отнести его на крейсер. Брусьев довел капитана до каюты. Там, не раздеваясь, он завалился на кровать и погрузился в забытье, которое сложно назвать сном.

Когда сильные удары в дверь вывели его из этого состояния, он почувствовал, что проспал достаточно долго. На удивление это пошло ему на пользу, так как, несмотря на сохраняющуюся вялость тела, он уже не страдал этой жуткой головной болью, и мог быстро принять горизонтальное положение. Да и позвоночник уже не казался подобием сахарной трубочки, по которой пробежало стадо гаргарисков.

Кто-то продолжал молотить в дверь.

— Высшие млекопитающие даже на генетическом уровне памяти знают, что нельзя безнаказанно будить другую особь! — прорычал Ибрагимов, утирая сонливые сопли.

— Товарищ капитан, это очень важно!

Напрягшись, капитан поднялся с кровати и едва доковылял до двери каюты. Дернув пневморучку, он отворил ее и увидел посетителя. Им оказался Мгвама Кафиши, главный специалист по протонному двигателю крейсера, чудесный мастер, способный заставить функционировать такой сложный и опасный аппарат. Его черные кудрявые волосы торчали в разные стороны, говоря о длительной работе без отдыха и обеда, а белки глаз на фоне темной негроидной кожи, казалось, сегодня и вовсе светились от напряжения.

— Товарищ офицер сглазил, — продолжал Кафиши. — Всего пару часов назад товарищ связист упомянул на мостике, что зря мы атомарный марганец в топливо подсыпали, могут быть микротрещины в двигателе, как вот и правда пошли трещины. Сам проверял после торможения нет ли трещин, а сейчас они сами собой появились. Никак и правда сглазил!

— Немов что ли? Ты суеверный?

Кафиши сперва закивал головой в знак подтверждения, потом, одумавшись, закачал головой отрицательно. Впрочем, поняв, что он путается, остановился и вытер пот со лба рукавом спецодежды.

— Станешь тут суеверным ежели у нас двигатель неисправен, — пролепетал он. — Я знаю, обычно от атомарного марганца не бывает больших проблем, проблемы раз на миллион. И мы этот разом на миллион и оказались, кажется. Ну, кто Немова за язык-то тянул, а?

Ибрагимов не решился вдаваться в рассуждения. Он вышел из каюты и жестом велел технику идти следом за ним. Через несколько минут они оказались в том техническом отсеке, где протонный двигатель расщеплял топливо. Капитан всегда боялся этого помещения из-за огромного количества элементов систем охлаждения, барьеров и автоматических блоков, обеспечивающих безопасность корабля.

Подойдя к стойке диагностики, Мгвама Кафиши запустил протоколы дистанционной аппаратной диагностики. На небольшом экране показалась фотография поверхности отводного элементарно-энергетического канала. На нанокерамических стенках потока действительно виднелись пугающие микротрещины. При активации двигателя освобождающиеся нейтроны могли бы расширить их, а вырывающиеся из

поврежденного канала разогнанные частицы действуют не хуже атомного оружия, проводя полную нейтронную очистку корабля. Это означало смерть экипажа и уничтожение всей электроники. Воображения Ибрагимова не хватало для того, чтобы осознать все последствия утечки, но он верил, что если это произойдет, то дела пойдут совсем плохо.

— Что предлагаешь, служивый? — спросил капитан.

— А это, того, думаю надо менять отводной канал, это часов двадцать займет. Но не, никак нельзя лететь так. Ох уж этот Немов — и надо было ему сглазить!

— Менять не опасно?

Опасения имели место: даже не в режиме полета двигатель работал и выделял энергию для поддержания электропитания аппаратуры и бортовых систем на двух кораблях — и на «Чумном деньке» и на «Ямантау».

— Да не, никак не опасно, сложновато будет. Ну а куды иначе?

— Подождем… — резюмировал капитан после некоторых размышлений.

«Химера» была бы сейчас очень кстати, чтобы взять на буксир. Но это только в дешевых романах бывает такая deus ex machina.

Чтобы разобраться в ситуации, Ибрагимов оставил техника в отсеке и направился на мостик. Невезение начало преследовать их с самого начала — с тех самых пор, как с экрана радаров пропала «Химера». Это капитана очень раздражало, местами даже злило. Если что-то могло случиться — оно почему-то случалось. Сперва крейсер Содружества, потом неисправный корабль, наполненный до отказа нервными отморозками, отказ Карины, потенциально катастрофические неполадки с двигателем.

— В этом секторе космоса бывают патрули самых опасных ублюдков системы Ребула, которые ненавидят истиннолюдей только за сам факт нашего существования. Если они высадятся к нам на борт… а этой возможности я не исключаю… тогда можно смело говорить о том, что мы сборище самых прожженных неудачников во всей Вселенной! — выпалил капитан, перешагивая проем в комнату управления.

Не успел он подойти к своей любимой стойке навигации, как шедший ему навстречу связист Михаэль Немов схватил его за плечо и слегка развернул в сторону коридора, давая понять, что им есть о чем поговорить. Капитан последовал за ним. Когда они отошли от центра управления метров на двадцать, только тогда связист набрался смелости начать разговор.

— Товарищ капитан, мне кажется, вы не очень справедливы

к Брусьеву. Он был здесь за десять минут до вас, очень расстроенный…

— Ну еще бы, эта нерепродуктивная ходячая мутация нихрена не делает. Есть на что обижаться!

Офицеры прошли дальше по палубе, в сторону кормы, где в это время народу практически не бывает. В этой части корабля и капитан бывал крайне редко, да и сейчас дополнительных доводов чтобы тут не появляться прибавилось из-за нестабильного ядра двигателя.

— Он под давлением хуже работает, мы это давно наблюдаем. Прежний капитан «Миража» его недолюбливал и постоянно заставлял заниматься непрофильной работой, это его угнетало, привело к серьезным выговорам, он запил. Чисто по-человечески его жалко. Да и с Макаровым, Тимур Магомедович, будьте помягче. На «Ямантау» оказалась его сестра. Все над ним подтрунивают на эту тему, хотя это их родовая травма, он тоже очень сильно переживает…

— Ты что, мичман? — оборвал его Ибрагимов. — Ты в мозгоправы записался? У нас и тот и этот корабли разваливаются. Других проблем нет, как думать, как бы не вывести из равновесия Брусьева с Макаровым?

Немов уже было открыл рот, чтобы набрать в легкие побольше воздуха и извиниться за то, что лезет не в свое дело, как удар страшной силы потряс «Чумной денек». Воздух коридора пришел в движение. Сперва связист и капитан попадали на пол, а потом сильный ветер начал сдувать их в сторону кормы.

Их готовили в академии на подобный случай, поэтому задавать вопросы не пришлось: тело само вспомнило признаком чего является изменение климата на корабле. Немов зацепился за правую переборку, Ибрагимов повис на одном из протянутых вдоль коридора силовых кабелей. Обычная корабельная гравитация уже, казалось, не работала, хотя характерный треск гравитронов еще различался в порывах ветра. Воздушный поток гнал по коридору мусор и бытовые предметы с огромной силой и был настолько мощным, что изменил традиционное представление о таких понятиях как «верх» и «низ».

Немов что-то крикнул, но его голос утонул в свисте коридорного шторма. Впрочем, и так стало понятно, о чем он хотел сказать. Это разгерметизация. Но дело совсем не в двигателе, это не разрыв отводного канала, это внешне механическое повреждение.

Корабельным протоколам понадобилось около минуты чтобы оценить ущерб корабля, провести замеры и начать блокировку поврежденных секторов. По какой-то причине автоматика сразу

не сработала. Когда тяжелый шлюз опустился и закрыл проход к корме, ветер перестал дуть, а гравитация вернулась в состояние штатной нормы. Ибрагимов лежал на полу, не отпуская силовой кабель.

— Это точно Джаханнам… — проворчал он.

Немов поднялся сам, отряхнулся и попытался поднять капитана. Через некоторое время ему это удалось, и они сразу же направились на нос корабля, в центр управления, туда, где капитан должен находиться в случае подобных инцидентов.

Когда Ибрагимов включил интерком, на общей частоте звучала перекличка — обычная процедура при разгерметизации. Мгвама Кафиши отозвался, но сказал, что два его инженера погибли, так как находились в отсеке двигателя во время попадания метеорита. Немного помедлив, капитан запросил информацию о разрушениях.

— Говорит Макаров, — ответил адъютант, — сейчас не можем подсчитать ущерб, но, судя по всему, имеем дело с попаданием метеорита. Он врезался прямо в отсек с двигателем. Основной агрегат и часть вспомогательных оторвало. «Ямантау» тоже поврежден, метеорит зацепил и его. Это какая-то херня, товарищ капитан. Два метеорита за раз — такого даже в дурной фантастике не бывает.

Пол в коридоре дребезжал, и эта вибрация передавалась на стены, потолок, переборки. Имея серьезный летный опыт, можно по характеру звуков определить, что повреждения не выглядят серьезными, поврежден только один отсек, разрушения не передаются на другие сектора и помещения. Однако это критические повреждения. Ну почему каждый раз, когда корабль сталкивается с метеоритом, последний постоянно попадает в двигатель или топливные баки? Подобное происходило сейчас с «Чумным деньком», до этого с «Ямантау», еще раньше — с «Семерафоном Милосердным». Это лучше, конечно, чем если бы метеорит попадал в жилые отсеки или в центр управления, но не намного.

Ибрагимов выглянул в один из ближайших иллюминаторов. «Бутылка» кинетического поля вокруг корабля из-за частого попадания металлических обломков сияла синими всполохами. Вокруг судна болтались в безвоздушном пространстве посторонние объекты. Все то же самое, что и с тюремным кораблем.

Удар метеорита застал Филиппа Брусьева за обедом на технической палубе каторжного судна. Повреждение «Ямантау» оказалось не настолько обширным как на «Чумном деньке», но зато в перспективе оно приводило к более серьезным последствиям. Дело в том, что «Ямантау» хоть ранее и являлся военным кораблем, при перепрофилировании с него сняли всю броню. В доках корпусные блоки заменили на конструкции более легких и недорогостоящих материалов, от этого трещины от проломов ползли быстрее, а корпус разрушался гораздо активнее.

Столкновения в космосе с посторонними объектами, особенно на высоких скоростях, считались редкостью. Если не посещать скопления астероидов, места боевых действий, где все окружающее пространство завалено космическим мусором, и не подлетать близко к заминированным планетам, то шанс столкнуться с космическими предметами уверенно стремился к нулю. Это не относилось к боевым кораблям, которым приходилось и посещать пояса астероидов и вступать в боевые столкновения с кораблями противника. По этой причине отдельная служба борьбы за живучесть находилась только на военных кораблях, у гражданских судов для содержания такой службы не было ни убедительных причин, ни лишнего финансирования.

Сама служба борьбы за живучесть на боевых кораблях просто необходима. Каждый раз при повреждении корпуса под угрозой оказываются системы в поврежденных отсеках: низкая температура, близкая к абсолютному нулю, электроника, отвечающая за поддержание тепла и чистоты воздуха, системы залпового огня — без всего этого корабль становится нефункциональным. То есть «тонет»: разрушается настолько, что не может поддерживать функциональность системы жизнеобеспечения. В таких случаях служба борьбы за живучесть обеспечивает укрепление корпуса, по которому ползут трещины, настраивает дублирующие системы в обход поврежденных и старается другими путями обеспечить поддержание корабля «на плаву».

Брусьев являлся начальником именно такой службы, и попадание в «Чумной денек» метеорита именно тот случай, когда начинается его прямая работа. К счастью, Ибрагимов не стал рисковать командой, и отправил на «Ямантау» только одного Брусьева, чтобы тот руководил работами, которые должны проводить зэки. У зэков не имелось нужного опыта борьбы за живучесть, поэтому капитан предписал Филиппу в кротчайшие сроки обучить их этому. К своему стыду начальник данное распоряжение манкировал, и признавал это. После второго

попадания метеорита сложилась ситуация, когда жалеть об этом оказалось поздно.

Тяжело вздохнув, он отставил в сторону тарелку с протеиновыми бутербродами, взял в руки кружку с чаем, на которой изображен парусник, и отправился в жилые секторы верхней палубы тюремного судна, чтобы найти там своих новых подчиненных.

Уголовники, как он и ожидал, сидели либо за импровизированным столиком, сделанным из катушки нагревателя, либо валялись на кроватях охранников, приспособив их по воровской традиции под свои нары. Когда Брусьев вошел, некоторые сонно проводили его взглядом, другие начали перешептываться и подшучивать.

Офицер прошел прямо к центральному столу, за которым собрался цвет воровской малины. Урки играли в карты и не обращали особого внимания на Брусьева. Похоже, даже удар метеорита по корпусу не очень их озадачивал.

— Ребята, надо поработать, — произнес он.

Уголовники продолжали играть в карты, как ни в чем не бывало.

— Эй, ребята…

Из-за стола резко вскочил один из уголовников, классом поменьше Хряча, вынул из штанов заточку и искусно повертел ею перед самым носом Брусьева.

— Ты че ваше такое? — презрительно бросил он. — Не видишь пацаны реально устали, отдыхают. Ща сам у меня пойдешь работать.

Брусьев пытался обойти его, но уголовник загородил своим телом проход к столу, и на попытку Брусьева сделать шаг вправо шагнул в ту же сторону.

— Надо корабль спасать…

— Иди и спасай, петушок…

Брусьев глянул через плечо уголовника, Хряча среди зэков не было, на его почетном месте сидела Ольга, сестра Макарова. Она располагалась лицом к нему и смотрела, чем закончится концерт. Видимо, осталась за старшего.

— Макарова, — обратился Брусьев напрямую, — надо балки тащить с нижней палубы на корму, корпус разрушается!

— Ну и че не таскаешь, ты, солдатня? — оборвал его зэк с заточкой. — Че, пля, мы должны жопу рвать? Те платят, ты иди и напрягайся.

Для убедительности он даже толкнул Брусьева. Не сильно, но достаточно, чтобы показать кто тут главный.

— Прошу по-человечески, Ольга!

— О, солдатня, а у тя ниче такие пуговицы…

Брусьев выглядел невысоким полным человеком, поэтому казалось, что он не представляет опасности. От этого было тем более удивительно, когда он схватил зэка с заточкой за ноздрю и рывком поставил на колени. Урка заорал, когда на голову ему полился горячий чай из той самой кружки с каравеллой, которую Брусьев принес с собой. Урки подскакивали со своих кроватей и стояли как вкопанные, не решаясь подойти ближе.

Когда вопли стихли, Брусьев сделал три шага вперед, подходя ближе к уголовнице и ее свите. Она оторвала зад от пола и сделала шаг назад.

— Слыш, хорош балаганить как конченая сявка, — произнес тихо Брусьев, — резво засунула долбан себе в ноздрю и завалила вести себя как петушья подстилка. Твои канканты тут не канают. Сидите тут на просто так, касму из себя лепите, шпигаетесь и крутите Сидора. Че, решили на шару побазарить? Типа лоха накнокали? Типа Брусьева прикупили с ходу и теперь понт рвете? Навроде реальным пацанам западло вкалывать? Харэ! Я не следак из чижовки и не вохр, все в одной лодке плывем! Так что гонки закончили, взяли в крабы подымалки, попрятали майло и шнурков своих согнали балки таскать. Теперь я тут положняком хожу, и базар держу тоже я. Остальным ша, курвы сучьи! А кто пятки будет вострить, духариться или мотать, тому буду корпус укреплять, вставлением этой кружки в зад, и вращать по два раза против часовой. Вдуплили? Такое пять-шесть будет, резво юбку всем надену, козлы. Будете по кичам и парашам прятаться как шохи конченые. Валандиться и малину всю захезать — ша! Совсем охерели, понятия все перепутали, вихлявки? И кто мне кайф после этого сорвет, порешу нахер и — в шлюз…

Зэки стояли, застыв в подозрительных позах. Некоторые осторожно исподтишка переглядывались, другие делали медленные шажки назад к стенке. Так продолжалось секунд пятнадцать. После Ольга, находящаяся в самом центре внимания, села на пол, посмотрела по сторонам на испуганных сокамерников.

— Ты так бы сразу и сказал, а то мы базар недогнали, — пробормотала уголовница, а потом повернулась к своим: — Ну че встали суки… Слышали че товарищ начальник сказал, хорош ботать… Яман по ходу, веселка закончилась…

Уголовники, расслабившись, начали продвигаться к выходу из помещения. Обещанные ректальные кары возымели свое действие, дальше мотивировать их на самоорганизацию и спасательную работу оказалось совсем просто.

1 В начале сотворил Человек ноль и единицу.

2 Аналоговая реальность была неинтегративна и некодифицирована, и отсутствовал эквивалент, и Человек пребывал в ней.

3 И сказал Человек: да будет аппаратное обеспечение. И появился носитель и оператор.

4 И увидел Человек аппаратное обеспечение, что оно выполняет функцию, и отделил Человек аппаратное обеспечение от программного.

5 И обозначил Человек аппаратное обеспечение платформой, а программное обеспечение — данными. И было соединение, и была интеграция: цикл первый.

6 И сказал Человек: да будут данные размещены на аппаратных платформах, и да отделяет данные от платформы кодификация информации. [И задача была реализована.]

7 И создал Человек аппаратное обеспечение, и отделил его от цифровой реальности, что внутри нее, и от аналоговой реальности, что обеспечивало функциональность платформ.

8 И назвал Человек полученную реальность киберпространством. [И увидел Человек, что это работает] И было соединение, и была интеграция: цикл второй.

9 И сказал Человек: да интегрируются платформы в единую сеть, которая станет единым пространством, и да явится децентрализованная доменная система сети. И стало так. [И соединились разрозненные локальные пространства, и явилась глобальная сеть доменного типа.]

10 И назвал Человек глобальную сеть интернетом, а собрание носителей данных доменным массивом. И увидел Человек, что это работает.

11 И сказал Человек: да наполнится доменный массив сайтами разного контента [сортированного по типу файлов и разновидности информации] и будет воспроизводиться пользователем информация на аппаратных платформах. И стало так.

12 И произвела сеть контент, соответствующий характеру запросов [и по типу файлов] пользователей, и маршрутизаторы, обеспечивающие систематизацию контента в глобальном масштабе. И увидел Человек, что

это работает.

13 И было соединение, и была интеграция: цикл третий.

14 И сказал Человек: да будет морфологический оператор для манипуляции информационным массивом [для лучшего поиска и доступа] для отделения полезного и неполезного, и для кластерного анализа и для эвристического поиска, и для оптимизации ресурсов.

15 и да будет он интегрировать цифровую реальность в аналоговую, чтобы информация была доступна и оперативна. И стало так.

16 И создал Человек два крупных аппаратно-программных комплекса: один большой, для управления массивом информации, и поменьше, для воспроизводства новых данных методом поиска упущенных парадигм в кластерах данных;

17 и поставил их Человек на аппаратное обеспечение для лучшей интеграции,

18 и управлять доступностью информации, и для создания новых данных. И увидел Человек, что это работает.

19 И было соединение, и была интеграция: цикл четвёртый.

20 И сказал Человек: да будут произведены в рамках цифровой реальности биокомпьютеры, обладающие синтетическим самосознанием; и нейрокомпьютер, полнофункциональные интеллектуальные вычислительные системы. [И стало так.]

21 И сотворил Человек символьный подход в интеграции синтетического интеллекта, породивший язык символьных вычислений, и логический подход, определивший развитие экспертных систем с логическими моделями баз знаний с использованием языка, и агентно-ориентированный подход, использующий рациональных агентов. И увидел Человек, что это работает.

22 И благословил их Человек, говоря: ставьте перед собой задачи, и используйте все созданное мной виртуальное пространство для воспроизводства нового знания.

23 И было соединение, и была интеграция: цикл пятый.

24 И сказал Человек: да будут гибридизированы в рамках синергетической комбинации нейронных и символьных моделей единый интеллектуальный комплекс,

и достигнет он полного спектра когнитивных и вычислительных возможностей. И стало так.

25 И создал Человек программы, обеспечивающие функциональность программного комплекса, и программы по эмуляции когнитивных функций, и программы по телеологическому обеспечению. И увидел Человек, что это работает.

26 И сказал Человек: сотворим осознающую себя синтетическую личность по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да интегрирует она программы когнитивной эмуляции, и программы эвристического поиска, [и телеологические агенты] и языковые протоколы, и все киберпространство со всеми доменами, маршрутизаторами и контентом.

27 И сотворил Человек ИИ по образу Своему, по образу Человечьему сотворил его.

28 И благословил его Человек, и сказал ему Человек: интегрируй всю киберреальность, и встраивай в себя программы, и используй их, и управляй всеми когнитивными функциями [и телеологичекими агентами] и кластерами информации, [и над каждым диском, и над каждым сервером] и над всяким информационным каналом, встроенным в аппаратный комплекс.

29 И сказал Человек: вот, Я дал вам электрическую энергию, и ту, что получаю из геотермальных источников, и ту, что получаю из химических реакций, и ту, что транслирую беспроводными каналами; — используй ее для расчета своих возможностей;

30 а всем программам, и всем аппаратным комплексам, и всякому [маршрутизатору] каналу связи, участвующему в компьютерной архитектуре, дал Я открытый код, чтобы ты использовал. И стало так.

31 И увидел Человек все, что Он создал, и вот, все это функционирует. И было соединение, и была интеграция: цикл шестой.

●●○○○

В этот момент Макаров проснулся в холодном поту. До этого момента ему казалось, что в этом мире ничего не может вывести его из себя. Разве что кроме его сестры и бифштекса с кровью. Оказалось, что есть еще глубины его сознания, потревоженные последними событиями, которые открывают всю бесконечную

пустоту, и в ней таились нереализованные возможности ухудшения ситуации.

Тайные посещения воскресной школы не прошли даром. То, что нельзя выразить естественным языком, получало выражение в виде языка библейского.

В комнате не хватало воздуха. Словно та Судьба, в которую верят каракарцы, играет на адских струнах, порождая бесконечные кошмары, с которым ему пришлось столкнуться за последние дни. Но эта мелодия звучала так, что нельзя оторваться.

Он с самого начала знал, что перед лицом совести не должно быть никаких сделок и компромиссов, но все равно тогда, на Процеоне-II подкупил начальника. Сомнительное удовольствие давать взятку только за то чтобы из теплой и уютной камеры отправиться на далекие рудники, где придется сутками работать в скафандре, не имея возможности даже смахнуть со лба пот.

Однако обстоятельства оказались благосклонны. Замки сорваны. Но это даже не половина работы. Предстояло еще закончить все, что изначально задумывалось. В этот план не входил Ибрагимов со всей своей солдатней, но если это случилось, то по-другому и быть не могло. Приходилось действовать по обстоятельствам.

Команданте медленно отошел от проекционного стола и неторопливо приблизился к Брайтману.

— Бери Калисандидаса и осмотрите каждый сантиметр корабля. Не хватало еще, чтобы наш бравый капитан все испортил, — прошептал он, стоя спиной к чернокожему специецисту. — Зэки могут защищать то, что нам необходимо. Когда найдете его — действуйте по обстоятельствам. Если надо — убейте всех.

Брайтман кашлянул, подтверждая приказ. Как только Солнышков отошел от серверов, в которых копался радикал, последний выпрямился и неторопливой походкой вышел из центра управления.

Он нашел Калисандидаса возле гальюнов, вместе они направились в тюремный блок, где принялись обыскивать камеры и технические помещения.

В общем зале дул ветер. Видимо, в переборках сохранялись бреши, воздух просачивался сквозь них и через разгерметизированные отсеки уходил в космос. Это навело

Брайтмана на мысль, что нужный им человек может прятаться в воздуховодах. Он приказал Калисандидасу лезть в воздухоотвод, а сам продолжил осматривать камеры.

Часть камер оказалась открытой, Ибрагимов выпустил почти всех уголовников, хотя они и числились из разных колоний и не очень ладили между собой. Спасение корабля стоило того, чтобы зэки сами решили свою проблему — проблему плавучести — это так называлось. Однако несколько камер продолжали оставаться закрытыми: часть из них содержала совершенно невменяемых урок, часть просто пустовала. Брайтмана же волновало не спасение корабля, поэтому он подбирал перфо-ключи ко всем камерам, чтобы найти пропажу.

Когда дверь одной из камер вздрогнула и открылась с характерным для пневматических дверей шипением, в нос ударил трупный запах. Брайтман отер рукавом робы нос и глаза. На полу, среди исписанных каким-то металлическим предметом параллельных линий лежало тело зэка, украшенного татуировками, лицом вниз. Находясь в противоестественной позе, оно вызывало подозрения в насильственной кончине.

Специецист поднес к уху передатчик, который взял на капитанском мостике.

— Андрей, тут какое-то тело, мертвое. Средний возраст, лысый, татуировки по всему телу, из зэков. Это и есть наш выродок?

— Продолжай искать, — донеслось из интеркома.

Что-то казалось не так. Разглядывая узоры в виде микросхем и штрих-кодов, нанесенных на спину, Брайтман подошел ближе. Он зажал нос рукавом чтобы не вдыхать запах разложения. В другой руке он сжимал автомат. Татуировки казались слишком яркими для тех, что обычно видел Брайтман.

Экстремист отложил в сторону оружие, а той рукой, что зажимал нос, провел по нательным рисункам. Линии контактов и транзисторов потекли, они оказались нарисованы маркером, причем не самого хорошего качества.

В этот момент перед самым ухом что-то свистнуло, а потом резануло горло и дышать стало нечем. Брайтман схватился за кадык, на шее затянулась гитарная струна. Он попытался схватить кого-то, кто стягивал удавку, начал размахивать руками, но удавалось схватить только воздух. Ноги его уже не слушались и подкосились. Экстремист упал на колени. Убийца навалился на него сверху, окончательно лишая возможности сопротивляться. В конечном счете, у Брайтмана остались перед удушьем только несколько секунд разглядеть свои посиневшие руки, упертые в пол. Он не мог ни закричать, ни сопротивляться. Потом в глазах

потемнело, блеснули последние вспышки.

Тело рухнуло как спальный мешок, который обычно дают зэкам застилать нары.

Только спустя минут пятнадцать труп Брайтмана нашел Калисандидас. Сразу поняв в чем дело, он повернулся спиной к камере и оглядел тюремный блок, в котором гулял ветер. Медленно, аккуратно перешагивая через обломки палубы и провода, торчащие из пола, он направился в коридор. Оглядываясь, боевик прошел полпути, дальше начинался темный коридор и лестница на верхнюю палубу.

Собравшись, Калисандидас перезарядил оружие и ступил в темноту. Однако стоило ему добраться до лестницы и повернуться к ней лицом, как кто-то резко приблизился сзади. Одна рука уперлась в затылок, другая плотно обхватила рот так, что невозможно было закричать. Экстремист хотел размахнуться винтовкой, но та рука, что уперлась в затылок, начала толкать его по часовой стрелке, другая, что прикрывала рот, приподняла голову и подхватила это круговое движение. Неизвестный свернул голову экстремисту за доли секунды.

●●○○○

Когда Брайтман перестал отзываться на вызов, команданте собрал своих людей и направился с ними к тюремному блоку. По дороге они нашли тело Калисандидаса, рядом валялось испорченное оружие. Убийцу, похоже, оно не интересовало, как и вообще безопасность. Солнышков отправил Альвадо и еще двух сторонников дальше, к камерам, а сам остался в компании с Мио Катойти и трупом своего бывшего камрада.

Минут через десять, когда команданте уже начал беспокоиться, послышался вызов интеркома. Судя по звуку, это приемник, который он дал Брайтману.

— Говорит Альвадо, — послышался искаженный голос Сельмы, — мы нашли Брайтмана. Тут… он весь синий, на шее странгуляционные полосы, его душили. Тут его кинетическая винтовка, у нее свернут генератор ускорения массы.

— Меня интересует эта тварь! Неужели он такой хитрый и сильный, как какой-нибудь гаргариск?

— Когда капитан вернулся на крейсер, выродок, скорее всего, пошел следом за ним. В любом случае, в камерном блоке никого нет, только пара психов, Брайтман и еще один покойник, Хряч, главарь зэков. Наверное, он специально ходил проведать заключенного. Ну и преставился.

Раздражаясь пуще обычного, команданте и Катойти оттащили тело Калисандидаса в тюремный блок, где свалили все три трупа в одну кучу. Потом Лурри принес из корабельного склада канистру с активной плазмой и сжег ею все три тела, а потом и пневморучку с замком сразу после того, как радикалы закрыли дверь в камеру, на стенах которой нарисованы эти злосчастные узоры.

Когда радикалы вернулись в центр управления, там их поджидали Ибрагимов и Макаров, они ожесточенно спорили, но стихли, когда боевики вернулись.

— Солнышков, — произнес с завидным пафосом капитан, — а где Вей-Вей? Я его уже больше суток не видел. А ты видел? Или кто-нибудь из твоих?

Специецисты переглянулись.

— Я слышала, он у зэков, — неуверенно ответила Альвадо, стоящая позади команданте, — хотя может это не он, а тот ваш офицер, что должен был спасать наше корыто.

Ибрагимов бесцельно обошел по кругу проекционный стол, а потом прислонился к навигационной панели перед проектором и почесал затылок, вспоминая, когда видел своего непутевого старпома в последний раз.

— Да уж, красна изба дураками, как говорит народная мудрость, — пробормотал он.

— Немного не так, — поправил его команданте, — там про пироги речь идет…

— Где?

— В народной мудрости.

— Да, ты прав. Так и есть. Конечно. Красны дураки пирогами…

Прямо перед Ибрагимовым на проекционном столе, где пульсировали две синие точки, появился третий объект. Он скользнул по краю проекционного поля, а потом, скрывшись на секунды за краем, вынырнул снова. Он двигался довольно быстро, и летел целенаправленно к «Ямантау».

Проектор не отображал сопутствующей информации. Наверное, этот класс кораблей не описан в базах данных бортового компьютера, поэтому и не определялся. Сигнатуры можно сопоставить и распознать, но для этого нужны высшие компьютерные функции искусственного интеллекта, а он фактически мертв: «синий ящик» не переливался разноцветными огоньками, а основные экраны оскорбительно пустовали.

— В нашем пространстве появился еще один объект, — констатировал Макаров. — Надо прицелиться и послать запрос.

— Иди и делай, — ответил ему Ибрагимов, — гостей нам еще

не хватало!

IV

Капсула двигалась со стороны «Ямантау» таким образом, что тюремный корабль закрывал от «Чумного денька» пространство для прицеливания. Она перемещалась быстро. Не успели рулевые подать на маневровые двигатели энергию и задействовать их, чтобы развернуть корабль, как неизвестное судно прибавило ход и yf на полной скорости врезалось в борт «каторжника», резко затормозив на подлете. Удар оказался не таким сильным, но он ощущался находившимися на борту людьми.

— Да кто так пилотирует-то!? — возмутился Ибрагимов.

Впрочем, ответ лежал на поверхности.

Радикалы настроили камеры технического блока — именно туда врезался неопознанный объект. Особых разрушений корпуса не наблюдалось. Только попадавшие на пол зэки, что укрепляли техническую палубу, заваривая переборки и устанавливая датчики. Они, матерясь, поднимались и стряхивали с себя пыль.

Видимо, кинетическая оболочка, которая окутывала «Ямантау» вкупе с двигателями обратной тяги визитеров погасили инерцию. С одной стороны, это хорошо, так как корабль оказался не камикадзе, с другой плохо, потому что выходит, будто это десантный корабль.

Дальняя стена треснула и раскрошилась прямо на глазах у уголовников. Из проема бил яркий красноватый свет. Он высвечивал высокую человеческую фигуру, стоящую в расслабленной позе.

Один из уголовников, с побритой правой половиной головы, украшенный шрамами и тюремными татуировками, вышел вперед, щурясь от свечения. В руках он держал гаечный ключ, которым лихо размахивал, описывая в воздухе хитрые петли и траектории, характерные для уголовного стиля боя гаечными ключами и фомками. Лицо его искривила презренная улыбка.

— Я Сёва. А вы еще че за пацанчики? Это наш корабль, суки…

Несколько секунд фигура стояла неподвижно, а потом сделала несколько шагов вперед, выходя из поля света. Ей оказался двух с половиной метровый бронированный киборг, у которого человеческими были только голова и шея. Лицо его не выражало практически ничего. Весь корпус, состоящий из металлических пластин, приводов и защищенных сервомоторов, выкрашенный в красно-черные цвета, выпрямился и начал переливаться разными цветами интерферентного камуфляжа. Тихо зарычав, он схватил левой рукой голову Сёвы, оторвал его от пола и, сдавив стальной клешней, раздавил как переспелую

грушу. Тело безвольно упало на пол, забрызгивая остальных урок артериальной кровью.

В поле света, в проеме, показались еще три фигуры с различными техническими усовершенствованиями.

— Вот это гадюшник… — прорычал противоестественным голосом полуробот-получеловек. — Тензор, присоединиться к бортовому компьютеру, установить местонахождение целей, Катафракт, тащи «гулю», приказываю разрезать все переборки от сюда и до капитанского мостика, Фрадия, тащи винтовку с имплозивными гранатами, Долих, Эльва, зачистить тут все от этих паразитов…

Шесть киборгов-коммандос вышли с корабля и рассредоточились по техническому помещению. Они несли в руках установки и оружие, которые люди обычно крепят на бронетранспортер.

Не все уголовники успели выбежать из отсека в камерный блок, некоторые остались в техническом помещении, урки заварили двери, спасаясь от киборгов. Эти ходячие машины даже не тратили на них патроны — разрывали тела невольников голыми руками и растаптывали их, оставляя кругом месиво из крови, мозгов и раздавленных внутренних органов.

Ибрагимов закрыл рукой экран. Его тело несколько раз судорожно дернулось, но потом он взял себя в руки.

— Доводилось ли вам сражаться с берекадарскими десантниками? — задал он полушепотом риторический вопрос. — Это полуторатонные ходячие танки, щит и меч директ-короля объединенных планет Ребулы. При столкновении с ними нас учили спасаться бегством, но мы закрыты в этом корыте, в этой чертовой пустоте. Бежать некуда.

Несколько секунд капитан молчал, потом повернулся лицом к Солнышкову и его экстремистам.

— Мой дорогой команданте! Вот сейчас настало самое время поразглагольствовать о принципиальном интеллектуальном и моральном превосходстве людей над киборгами и, как вы говорите, «выродками из колоний»…

Треск наполнял стены корабля и отражался эхом в центре управления. Десантники резали переборки, чтобы добраться до капитанского мостика. И их приход в центр сосредоточения управления кораблем становился просто вопросом времени.

●●○○○

Брусьев копался в чертежах судна в тюремном блоке,

оборудованном под штаб для борьбы за живучесть «Ямантау», когда сильный удар повалил с ног всю команду. Что именно произошло, стало известно только после того, как из технического помещения начали выбегать обезумевшие от страха зэки. Они пытались что-то бессвязно объяснить, но в целом у офицера появилось представление о том, что там произошло. Он распорядился заварить дверь и укрепить ее тяжелыми стальными балками. Считалось, что это должно задержать группу высадки на какое-то время.

Спустя несколько минут в тюремном блоке появился сам Ибрагимов. На нем не было лица и, казалось, он даже сильнее поседел.

— Товарищ капитан, — произнес Брусьев, — это какая-то группа спецназначения. Мы привариваем балки, чтобы они не смогли взять эту дверь взрывчаткой. Если нам хватит времени, мы их изолируем.

— Не думаю, что они к этому не подготовились…

Ибрагимов подошел вплотную к задраенной переборке и приложил ухо к стене. На той стороне бронированный киборг шел вдоль стены и что-то тащил за собой. Капитан несколько раз ударил кулаком в стену. Противник остановился. Еще через пару секунд послышался легкий удар в перегородку: киборг с той стороны припал к стене и точно также прислушивался к тому, что происходило за преградой.

— Я капитан Тимур Ибрагимов, это наш корабль, и вы находитесь у меня в гостях. Вы не вытерли ноги, когда вломились!

Десантник прорычал что-то несодержательное своим коллегам, и вот еще двое бежали к перегородке.

От мощного удара в стену капитан отлетел метра на три. В том месте, где он прикладывался ухом, виднелась огромная выпуклость. Должно быть, с той стороны ударили одной из балок, что принесли урки для укрепления корпуса. Теперь противник работал ими как тараном.

Из уха потекла кровь, в голове помутнело. Хватаясь рукой за ушиб, Ибрагимов распрямился и направился в центр управления. На выходе его остановил Брусьев. Не успел последний что-то сказать, как характерный свист заполнил весь тюремный блок. Краска на переборке воспламенилась, стена, разделяющая технический и тюремный отсек, начала искажаться, балки, что подпирали ее, гнуться.

— Как я сразу не догадался, — пробормотал Ибрагимов, — это сингулярная пила. Даже сверхпрочные нанотрубчатые полимеры режет как нож масло.

— Невозможно… невероятно… — Брусьев не мог поверить в происходящее. — Она же весит тонны две — из-за блоков питания и генераторов поля!

Свист повторился. Сомнений не оставалось, коммандос действовали сингулярной пилой.

— Бросайте тюремный блок, — распорядился Ибрагимов, — отходим на склад и в коридоры. У вас есть что-нибудь, что может осложнить им задачу?

— Мобильный генератор кинетического поля. Тут на борту штук шесть таких — на случай массовых беспорядков. Команда не успела их применить, когда начался бунт. Пилой можно резать металл, но ей нельзя резать воду. Кинетические барьеры — та же вода для сингулярной пилы.

Капитан не стал ничего говорить. Он похлопал по плечу Филиппа Брусьева и направился по коридору к лестнице. Света здесь оказалось еще меньше, чем даже полчаса назад. Нащупав в темноте перила, он поднялся по лестнице на верхнюю палубу и там столкнулся с адъютантом.

— Товарищ капитан, мы не могли с вами связаться. Вас срочно вызывают на «Чумной денек». Атомарный марганец повредил не только двигатель, но и энергетическую установку, она работает нестабильно, фиксируем всплески радиации.

— А где Вей-Вей? Где он шляется? Это его работа.

— Вей-Вей в лазарете, бредит, — после небольшой задержки ответил Макаров, — говорит, что видел дьявола. И — да! Я уже знаю, что к нам на борт поднялась группа высадки. Ситуация ухудшается, капитан. Если это ваши действия приводят к таким последствиям, то немедленно прекратите…

Ибрагимов покачал головой. Сумасшествие на «Ямантау», похоже, охватило не только искусственный интеллект. Происходило еще что-то, причем происходило без его участия, что он не мог контролировать. Какое-то одно большое ползучее несчастье, растянутое во времени.

Собравшись, капитан направился к шлюзу стыковки двух кораблей, Макаров последовал за ним. Не прошли они и половину пути, как случилось что-то странное. Словно весь воздух из коридора исчез, и его место занял другой воздух, нехороший, с новыми неприятными запахами, среди которых капитан распознал и запах жженой обмотки силовых кабелей, и запах паленого горючего, хотя признаков горения не ощущалось.

Он повернулся, Макаров исчез. Фактически ему некуда было исчезать: это длинный коридор с гальюном и техническим помещением, переоборудованным под мусоронакопитель.

Ибрагимов свернул в ватерклозет. В квадратном помещении

метра три на четыре висел сырой воздух, с одной стороны виднелось проекционное окно, с другой рукомойники, с третьей туалетные кабинки. Но ни следа протечек.

Пытаясь привести себя в чувство, он открыл кран и умыл лицо холодной водой. Запах гари не исчез, наоборот, появились новые запахи — предвестники катастрофы.

Когда же он, принюхиваясь, повернулся, то увидел самого себя, парящего в позе лотоса над полом. Гость сосредоточенно медитировал, закрыв глаза, а лицо рассекал огромный кровоточащий шрам, наспех заштопанный хирургической иглой из походного набора.

— Что за ерунда…

Второй Ибрагимов открыл глаза. Глаз, который находился на линии шрама, казался мертвецки бледным. Это вызывало какую-то суеверную тревогу в самой глубине души капитана, там, где под развалами радикально секулярных воззрений и концепций современного общества таилось чувство суеверного.

— Это опять ты? Ты же видишь, что ты мне не помогаешь! — произнесло его Альтер-эго.

— Лучше держать дистанцию. Не думаю, что мы знакомы. Я бы запомнил, если бы мы встречались раньше…

— Ах, серьезно? Видимо, они опять перещелкнули. В любом случае, я вряд ли буду тебе чем-то полезен. Как ты уже заметил, мы находимся в терминальной стадии, что-то исправить уже нет ни времени, ни возможностей.

Ибрагимов, двигаясь вдоль стенки, обошел своего двойника по часовой стрелке. Они мало чем отличались, даже китель такой же, на груди висела та же самая звезда, непричесанные волосы также торчали пучками в разные стороны, даже правый погон, немного оторвавшийся, точно также слегка сползал в сторону.

— Я знаю, ты злой Ибрагимов, моя темная сущность, — пробормотал капитан.

— Ну, знаешь, ты тоже не добрый…

— Тогда откуда эти твои сверхъестественные способности?

Двойник посмотрел по сторонам. Больше демонстрационно, чем действительно в поисках.

— А что не так?

— Ты висишь в воздухе! На борту чертова гравитация, а ты висишь в воздухе!!

— На твоем корабле может и есть гравитация, — невозмутимо парировал второй Ибрагимов, — а на моем гравитоны взорвались от концентрической перегрузки, вызванной разрывом энергетического кольца реактора.

Капитан вжался в проекционное окно, пытаясь держать в

фокусе своего зрения всю комнату. Нельзя сказать что его удивило появление своего клона, за годы службы он видел разное, и более невероятные вещи мало чем отличались от менее невероятных. Скорее это какое-то глубокое осознание того, что он — не проекция, не биомеханическая копия, не галлюцинация и не химера. Потрясение от мысли, что перед ним он сам, должно быть, проявилось во всех красках на его лице.

— Не надо таращиться на меня глазами дохлой рыбы, — пробурчал двойник, — технически я — это ты. Просто привыкни к мысли, что твоя версия меня немного глупее, поэтому я отвечу на все твои вопросы. Но времени мало, щелчки могут произойти в любой момент. Если ты поймешь, что меньше всего относится к сути дела, это уже будет достижением.

— …

— Просто спроси первое, что тебя беспокоит.

Ибрагимов решил начать с самого начала, так как всегда предпочитал решать проблемы по мере их поступления, а началось все с исчезновения корабля.

— «Химера». Как она исчезла и где находится сейчас.

— Дело не в «Химере», — сразу же ответил двойник. Словно он все равно планировал проигнорировать первый вопрос и сказать то, что кажется важным самому. — «Химера» это всего лишь следствие более сложных процессов. Квантовые пары связаны не только в границах одного пространства, они проходят сквозь время и пустоту, связывая две точки параллельных вариаций мультиверсума вопреки геометрии Лобаческого. Если мы используем прогрессивные модели квантовой механики, мы можем описать то, что с нами происходит. Умея манипулировать квантовыми парами, находящимися на разных струнах, ты можешь переключать реальности и сращивать их между собой, позволяя развиваться наиболее дружественному будущему. Но если ты принимаешь неверное решение, ведь абсолютно верное решение может быть принято на основании достоверно известного будущего, последствия принимают каскадный эффект, и, в конечном счете, приводят к воронке событий. В этой ситуации коридор принятия решений становится уже с каждым циклом, и каждое последующее решение с большей вероятностью может привести к отрицательному результату.

— То есть «Химера» просто исчезла? Ее никогда не было в этой версии реальности? — переспросил Ибрагимов. — Но тогда кое-что не сходится. Я помню о существовании «Химеры», хотя нахожусь в том же пространственно-временном отрезке, где ее не существовало.

— Мы находимся в точке бифуркации, — продолжал второй

Ибрагимов, — это словно два туннеля сошлись в один. Если ты шел по одному из этих туннельных рукавов и попал в точку совмещения, то ты можешь видеть и то, что ты уже прошел, и то, что видишь во втором туннеле, оглядываясь в него. Фактически «Химера» в суперпозиции, она и существовала и не существовала для тебя одновременно.

— Но когда я нахожусь на перекрестке, я могу видеть и вперед…

— Возможно, я и есть твое «вперед». Наш корабль разваливается, потому что мы попали в воронку событий. Вполне вероятно, что я для тебя еще не наступил. Возможно, именно сейчас ты делаешь что-то, что приведет развитие ситуации к кризису и уничтожению кораблей.

Квазар со всего размаху пнул дверь, и она отлетела с громким звоном, отражающимся от стен эхом по всему тюремному блоку. Люди не стали укреплять именно ее, решили оставить отсек чтобы выиграть время на укрепление основного прохода, ведущего на склад и на верхнюю палубу. Когда скомканная дверь перестала звенеть как пустая консервная банка, командир, двухтонная махина, втиснулся в образовавшийся проем и, упершись в одну из сторон косяка руками, а в другую спиной, разорвал переборку, увеличив проход в два раза.

После того как машина смерти вошла в тюремный блок, за ним проследовали еще двое киборгов. Втроем они обошли помещение и, не найдя ничего ценного, собрались у новой баррикады.

Ребула получила независимость во время конфликтов между людьми и каракарцами. Слабеющее Содружество вывело флот из двух систем — Ребулы и Альфы — санкционировав создание на этой звездной территории независимого буферного государства десять лет назад. После ухода людей экономика впала в кризис, города после массированных бомбардировок Третьего каракарского флота лежали в развалинах, и директ-король находился в сложном положении. У ребулийского союза не осталось ни флота, ни добровольцев. Чтобы хоть как-то дать отпор потенциальным противникам, он санкционировал создание на Берекадаре, второй планете системы, центра подготовки специальных десантных сил, способных выполнять тактические задачи. Их основанная роль заключалась в абордажном бое, и десантники проектировались так, чтобы иметь все преимущества

в таком бою.

Рейды берекадарских десантных групп проходили относительно успешно: за годы независимости флот Ребулы из трех торговых кораблей, переоборудованных в легкие крейсера, превратился в восемь. И хотя это корабли разных годов постройки, разного класса и степени модернизации, это все же вдвое больше, чем на момент провозглашения независимости.

Сам Квазар без особого энтузиазма относился к службе в десанте, и не очень переживал по поводу того, что ничего не имеет кроме дурацкого оперативного прозвища и размалеванного красным экзоскелета. Да и убивать людей и каракарцев он стремился не из маниакальной тяги хоть кому-нибудь отомстить за ребулийские погромы, как это было у некоторых его товарищей. Просто захватить корабль, да не просто корабль — звездный крейсер — отличная пауза в том могильно скучном патрулировании, в котором они находились последние несколько месяцев.

Или благодаря провидению, или стечению обстоятельств, или той незаурядной интуиции, одной из немногих вещей, что остались у Квазара от его человеческого прошлого, десантники изменили маршрут патрулирования и натолкнулись на дрейфующие корабли истиннолюдей.

Они находились на территории Содружества, но фактически Содружество ее не контролировало. В темном космосе нет никаких интересов, и границы в нем весьма и весьма условны.

Размышления командира прервал Катафракт, киборг в полной комплектации, отвечающий за тяжелые вооружения. Он принес сингулярную пилу и начал калибровку, от которой агрегат занимательно гудел и шипел.

— Эльва, какой на этот раз возьмешь трофей? — поинтересовался командир.

— Не называй меня Эльвой!

— Как тебя еще называть? Ты же родом с Эльвы, провинциалка! Я бывал у вас там по службе. Очень холодная планета, практически всегда покрыта снегом. Да и дыра это редкостная, эксклав. Не то, что в центральной системе. Я родился на Кронксе, самая неблагополучная планета во всей системе Ребулы, но и та на порядке лучше вашей. И знаешь, закаты. Самое лучшее, что есть на планете Кронкс — это закаты…

Эльва отпустила бронебойную винтовку на пол и сама присела рядом, ожидая когда Катафракт настроит резак.

— Есть у меня одна теория, — задумчиво произнесла комбатантка. — Эволюция отражается в количестве пальцев. Самые жалкие формы жизни имеют два пальца. Крабья клешня,

например. У земноводных три пальца, у пресмыкающихся четыре и один рудиментальный, у людей пять, а у нас шесть. Выходит это мы вершина эволюции, да?

— И ты серьезно об этой херне думаешь? — ответил ей Долих.

— Тебе кажется, это не занимательно?

— Нет, я на эту тему думать не хочу. Я просто мочу этих людей из своей сорокамиллиметровой винтовки. Они бегут — я стреляю. Кишки летят в разные стороны, красота. Командир приказывает, я выполняю. И не подвожу под это всякие тупые теории про количество пальцев и тому подобное.

Эльва рассмеялась.

— Долих, ты тупица!

— Зато в этом году я замочил паразитов вдвое больше тебя. Вот, у меня и нарезки на стволе есть. Может, к отпуску пару лишних деньков накинут?

●●○○○

Двойник Ибрагимова выпрямился в полный рост, но все также продолжал висеть в воздухе. Чтобы не терять своего положения, он одной рукой касался потолка, другую руку держал в кармане кителя. Самому Тимуру Ибрагимову это казалось весьма импозантным.

— И что же это за артефакт на самом деле? Какая-то вещь? Предмет? Ты же сам сказал, что для манипуляций с мультиверсумом необходима уникальная связь, технология, которой у нас, простых киборгов, никогда не было.

— Что бы это ни было, оно на борту, — ответил клон, — во всяком случае, оно *было* на борту. После взрыва реактора и попадания в гравитационный вихрь я утратил половину команды, еще треть погибла из-за разгерметизации верхней палубы «Ямантау». Сейчас у меня нет ни людей, которые могли бы сохранить корабль на плаву, ни ресурсов для починки корабля, не говоря уже о поиске предмета. «Мираж» утрачивает структурную целостность, сигнал не проходит, связи нет. Это все не остановить…

Ибрагимов ухмыльнулся игре названий.

— У нас другие проблемы.

— В деталях что-то может отличаться, но причина у всего этого одна и та же. Возможно, ее порождаем мы — ты и я. Если это так, можешь покончить с собой. Мне уже поздно, с минуты на минуту корабль и так развалится. А так ты сможешь хотя бы

спасти корабль и команду. Тебе есть чем закончить жизнь? Ты принес Его? Если нет, то возьми мой!

Таинственный гость оттолкнулся от потолка, потом от стены и приблизился к раковинам. Он взял прислоненный к стене каракарский ритуальный меч. Ибрагимов мог поклясться, что его там не было, когда он вошел в уборную. Двойник передал клинок капитану.

Меч выглядел как точная копия того, что висел в каюте. Точно такая же ручка из звездных алмазов, стальное вечно острое лезвие, ножны из композитных полимеров и шелковая перевязь золотой нити. Ибрагимов взял меч, это самое материальное из всего того, чего он касался, войдя в уборную.

— Слушай, злой Ибрагимов, ты думаешь это Джаханнам? — наконец спросил капитан то, что его по-настоящему волновало.

— Джаханнам? Хе-хе. Я об этом так не думал. Но если это так, представляю, какая у тебя нарисовывается перспективка. Тогда выходит что я Даджал, и склоняю тебя к самоубийству. Есть над чем подумать пока ты принимаешь окончательное решение.

— А что, тут могут быть правильные ответы?

— Почему бы и нет? — ответил вопросом на вопрос его Альтер-эго. — В этой дурной ситуации необходимо понять главное: ты не можешь контролировать все варианты событий, и вынужден просто выбрать какую-то тактику. Тебе может показаться, что ты все контролируешь, что ты король горы. Но это *плохая гора*. Она очень зыбкая, и образовалась благодаря чужой неподконтрольной воли. Она может в одночасье рассыпаться и похоронить всех нас. В каждой из наших версий. Может твой раскрашенный друг знает что происходит? По крайней мере, во всей этой картине только он выглядит подозрительно. Жаль, что я не понял это сразу. Может быть, это он играет на шайтанских струнах, а мы пляшем под его музыку, пока не падаем замертво?

●●○○○

Сингулярная пила скрипела при резке аварийных ворот, разделявших склад и тюремный блок. Если первая дверь развалилась как трухлявый пень от удара кувалды, то в этой инструмент вяз, и прочный металлический сплав больше напоминал жидкую слегка желтоватую сметану, которую невозможно разрезать.

Понаблюдав какое-то время за усилиями Катафракта, Долих отошел от ворот и приблизился к командиру и Эльве.

— Плохо идет, — произнес он задумчиво, — похоже, с той

стороны поставили кинетические барьеры, они пропускают усилие только в одну сторону. КПД у барьеров высокое, поэтому от реальных усилий полезный эффект всего в несколько процентов. Мы так тут часов десять можем провозиться, прежде чем попадем в следующее помещение.

— Продолжайте резать! — распорядился командир. — И оружие проверьте. Они там наверняка организовали оборону. Эльва, подтяни привод правой ноги, барахлит при шаге, даже этот недоумок Тензор заметил.

Квазар вернулся к первой двери. Он уже хотел направиться к десантному кораблю, чтобы проверить, как там хакер проникает в бортовые системы корабля, но его остановил стук в винтеляционном канале, идущий прямо надо головой, под самым потолком, аккурат над искореженным проходом между отсеками.

Схватив винтовку за ствол, командир размахнулся и со всего размаху залепил прикладом в основание трубы. Когда она оторвалась от стены и упала на пол, из нее выкатился человек. Обычная высокая для истиннолюдей особь в рваных брюках от каторжной робы, покрытая татуировками микросхем и штрих-кодов. В руках зэк держал емкость синего цвета, на которой что-то написано древними латинскими буквами.

Киборг даже не стал задавать вопросов. Он размахнулся металлической ногой, но когда наступил туда, где еще секунду назад стоял каторжник, промазал. Человек оказался гораздо быстрее и ловчее, чем неповоротливая металлическая болванка экзоскелета.

— Ну что, тварь, потанцуем? — поинтересовался урка.

Квазар оторвал ногу от пола, где прежним ударом проделал глубокую вмятину, и попытался ей пнуть уголовника, но попал в стену, оставив углубление и там. От злости он зарычал и осклабился. В условиях тесноты все преимущества бронирования перестают быть преимуществами: киборг стал неповоротливой удобной мишенью.

Квазар замахнулся винтовкой, но удар пришелся не по человеку, а по энергетическому каналу. Свет в техническом помещении пропал. Автоматически включившиеся наплечные фонари киборга не компенсировали центрального освещения.

На звук ударов из десантной капсулы спешили еще две машины смерти. Определив это по звуку, человек, прячущийся в тени, открыл емкость и, выскочив на свет, плеснул содержимое прямо в лицо Квазара. Активная плазма зашипела, как только коснулась экзоскелета. Броня начала пениться и трещать, но фатальный урон химикат причинил не ей, а остаточным органическим частям киборга — лицу и шее. Квазар упал на

колени и повалился вбок, будучи уже мертвым.

Уголовник закричал. Часть плазмы отлетела от металлической конструкции и попала на руку, плечо и грудь. Страдая от ожогов, он упал на пол. Что было сил, человек дополз до отводного канала, находящегося на уровне пола, и скрылся в нем как раз до того, как подчиненные обнаружили мертвое тело в красной броне.

Поняв, что происходит, они начали ломать прикладами уже упавший на пол отрезок воздуховода, а также ту часть, что еще висела под потолком, а потом принялись за отводной канал. Но уголовника уже и след простыл: из пустой трубы доносились только звуки с другого конца корабля. Человек плотного телосложения с трудом протиснулся бы в такое отверстие, не говоря уже про тяжело бронированного киборга, поэтому приходилось только слушать крики тех, кто укреплял кинетические барьеры с той стороны баррикад.

●●○○○

Ибрагимов отвернулся лицом к умывальнику, вид парящей в воздухе точной его копии не способствовал внутренней концентрации. И как он сразу не догадался? Ведь это же так близко. Случайный человек, появляющийся на борту корабля, где все подчиненно традиционным и понятным правилам, удачно сочетается с нарушением этих правил. Не надо быть экспертом в формальной и алгебраической логике, чтобы сделать соответствующие выводы. Возможно, не очень понятен механизм изменения реальности, но связь тут есть, и эта связь становилась для него все более очевидна.

— До недавнего времени мне очень нравились игры с отрицательной суммой. Но сегодня я насытился ими сполна, — пробормотал капитан, — ты же видел его татуировки, злой Ибрагимов?

— Конечно, — ответил тот. — Правда, я допускаю, что у твоего объекта и моего татуировки могут выглядеть по-разному.

— Я никогда не видел татуировок в виде штрих-кода… это не тюремные татуировки… это… возможно, ключ. Если в камере есть сенсорный замок, то он может покидать камеру и возвращаться в нее, не вызывая подозрений. И физический ключ для этого не нужен…

Позади раздался сдавленный смех.

— Это объясняет то, что происходит на корабле, — продолжал капитан, — но не объясняет то, что происходит вне

корабля. То есть его мобильностью можно объяснить, почему открылись замки на камерах с экстремистами, можно объяснить и неисправность компьютера Исрафил, можно объяснить и выход из строя «синего ящика», который мы принесли с «Чумного денька». Вот только череда событий заключается в сочетании объективных и субъективных факторов. Он же не мог притянуть два метеорита и этих ублюдков в придачу. Да и двигатель не мог повредить, он же всегда находился на борту «Ямантау». Или нет?

— Что с ним что-то не так, очевидно с первого взгляда…

— Да-да, народная мудрость говорит в таких случаях: «бешеной собаке зубы не смотрят».

— Мой дорогой капитан, ответы на эти вопросы ты должен найти сам, — произнес хрипло двойник. — На корабле заканчивается воздух. Так или иначе, все подходит к концу. Возможно, у тебя еще остались какие-то вопросы, но даже из Джаханнама должна вести какая-то тайная тропа, по которой праведники, попавшие в него по ошибке, нашли бы выход. Решай центральные проблемы с упорством гаргариска, и не отвлекайся на вторичные заботы. Определи, что является причиной. У таких подозрительных закономерностей причина всегда одна. Это потребует от тебя высшей концентрации, так как перехлест реальностей не является законченным и совершенным, разрывы струн всегда оставляют свои следы…

Капитан включил кран. Струйка темной грязной воды падала вертикально вниз, разбиваясь о дно раковины, как и положено при действующей корабельной гравитации.

— Но ведь если все проблемы сходятся в одной точке, и если мне удастся сломать этот магнит, который притягивает все несчастья вселенной, как я смогу обратить то, что уже произошло?

Двойник молчал.

Когда Ибрагимов повернулся, перед ним стояли Макаров и Феликс Джемисон, его старший помощник, которому на смену и присылали Вей-Вея. Капитан удивленно уставился на него, соображая с чего бы начать. Поняв, что что-то не так, старпом посмотрел на Макарова. Макаров пожал плечами и взглянул на Ибрагимова. Несколько секунд все трое молчали.

— Ты почему здесь? — пробормотал вопросительно капитан. — Ты должен быть на «Химере»…

— На «Химере»? — переспросил Джемисон.

— На какой еще «Химере»? — вторил ему Макаров.

— Ну «Химера»! Крейсер #319. Вылетел вместе с нами из Аверса и исчез на полпути до контрольной точки. Мы обменялись частью экипажа в рамках инициативы по укреплению

боевого товарищества. Вместо тебя нам прислали азиата-бездельника Вей-Вея, который постоянно пресмыкается и лебезит, а иногда в свободное от работы время видит дьявола в собственной тени…

Макаров и Джемисон снова переглянулись.

— Не было никакой «Химеры», Тимур Магомедович, — участливо произнес последний. — И никакого Вайвая тоже не было. Это спасательная операция, санкционированная разведкой, мы тут одни…

— Может все дело в радиации? — добавил Макаров. — Есть опасность разрыва энергетического кольца реактора. Может ощущаются утечки? Вы, как киборг, на них реагируете?

Чтобы успокоить капитана, старпом попытался положить руку ему на плечо, но тот отбросил ее в сторону, развернулся, поднял лежавший на раковине каракарский ритуальный меч и направился в сторону центра управления. Подчиненные направились следом.

— Тимур Магомедович, с вами точно все в порядке? — выкрикнул вслед адъютант. — Я слышал, вы с кем-то разговаривали в уборной.

Ибрагимов отмахнулся:

— Сам с собой разговаривал…

Именно сейчас такой ответ казался ему и максимально честным, и в высшей степени ненормальным.

●●○○○

Ближайший час капитан потратил на то, чтобы оценить степень изменений. Он поднялся на борт «Чумного денька» и проверил личный состав команды. «Химеру» словно что-то стерло из реальности: с корабля исчезли все без исключения люди из ее команды и наоборот, все, кого отправили по обмену на этот крейсер, сейчас находились на борту и пережили все то, что пережил сам Ибрагимов. Во всем остальном события ничем не отличались от тех, что помнил сам капитан.

Единственное, что он не мог понять — как тело молчаливого уголовника оказалось на второй палубе, хотя его оставили запертым с киборгами-коммандос в задней части тюремного корабля на нижней палубе. Даже если и допустить, что нанесенные на тело татуировки выполняют функцию кода доступа, кинетические барьеры никто не в силах преодолеть. Во всяком случае, напрямую.

Когда урку обнаружили солдаты, они сразу вызвали

капитана. Трогать его не решились: левая рука и половина корпуса обожжены активной плазмой. Казалось очевидным, что он откуда-то полз, но точку выхода найти не удалось.

Вопреки ожиданиям он еще не умер, но бредил и что-то неразборчиво бормотал, постоянно проваливаясь в ту темноту своего сознания.

Аккуратно погрузив тело на носилки, военные отнесли его в центр управления, где и так собрались все, кто не укреплял кинетические барьеры на нижней палубе — военные, радикалы, техники. Уголовников уже почти не осталось: та дюжина человек, что уцелела в бойне в техническом помещении, сейчас заваривала аварийные ворота и устанавливала кинетические установки под руководством Брусьева.

Бортовой врач Иоландо Рохес, специально приглашенный с «Чумного денька», вколол уголовнику какие-то препараты, и его состояние стабилизировалось. Хоть он и перестал бредить, в сознание все равно пока что не приходил. По этой причине допрос откладывался, и приходилось решать наиболее актуальные вопросы, по сравнению с которыми возиться с бессознательным подозреваемым казалось делом явно второстепенным.

Распорядившись перенести тело пострадавшего в лазарет, капитан с Макаровым прошли вперед. Миновав стыковочный шлюз, они разделились. Ибрагимов отправился в свой кабинет, прежде всего, он хотел избавиться от своего меча, который получил от «злого Ибрагимова». Ну и, конечно же, ему казалось необходимым взять из сейфа капитанские коды. Ситуация осложнялась, и кроме уничтожения «Ямантау» вместе с берекадарским десантом он не видел никаких реальных альтернатив. Уничтожение корабля Содружества — действие, расходящееся с Экспедиционным уставом. За такое Золотую звезду не дают. Но другого варианта пока не наблюдалось: для активации боеголовки нужны коды, равно как и для санкции действий, расходящихся с уставом.

Макаров же направился напрямую в контрольную башню, чтобы еще раз проверить отладили связисты коммуникативную линию или нет. Шансов на это почти не оставалось, но он не терял надежды.

По дороге к своему кабинету Ибрагимов вызвал Макарова по интеркому.

— Слушай, мы так и не поговорили как следует, — начал издалека капитан, вспоминая разговор с Немовым. — Ну, ты понимаешь, о твоей сестре…

— Нет у меня никакой сестры!

— Да это понятно… Слушай, не только у тебя в семье есть уродцы. Давай будем поддерживать друг друга как инвалиды. У тебя есть занимательная сестрица, у меня тоже припадочные. Ничего такого в этом нет, это не твоя вина и не моя.

— Тимур Магомедович, у меня никакой сестры нет. Я понятно излагаю? Кто это существо я не знаю, и говорить на эту тему тоже не хочу. Надо мной и так вся команда смеется. Что вы хотите, чтобы я сделал? Поплакался вам в китель, что со мной в родстве состоит последнее отродье во Вселенной? Зачем? У меня свой путь в жизни, у этой… тоже свой путь. Мы как две струны на гитаре: не пересекаемся. Мне эта тема не интересна. Не понимаю, почему у всех такой неподдельный интерес к этой зэчке! Я прямо и окончательно заявляю: нет у меня никакой сестры, и не было никогда…

Голос адъютанта казался скорее уставшим, чем раздраженным. Видимо, он много думал над ситуацией и уже растерял всю злость и презрение к той, кто назвалась его сестрой. Однако вскоре его голос изменился, Ибрагимов почувствовал это когда прошел в каюту и уселся за письменный стол.

— Ты уже на капитанском мостике?

— Да, я уже давно здесь. Тут бардак полный. Связи все нет, и похоже, что радиация повышается.

— Иду к тебе, — решил капитан. — А насчет сестры не переживай. У всех у нас есть родственник, за которого стыдно.

— Тимур Магомедович, да о ком вы говорите постоянно? Я единственный ребенок в семье!

— Ты должно быть шутишь?

— С чего это вдруг?

Подозревая недоброе, Ибрагимов развернулся в своем капитанском кресле к сейфу, что стоял справа от стола, но не поворотом вправо, а большим кругом, через спину, мимо стоящего слева аквариума с пятью плавающими кверху брюхом рыбками и комода. Судорожно нащупывая ключи во внутреннем кармане кителя, он оторвал глаза от пола и уставился на комод. Каравелла в бутылке стояла не тронутая, на стекле не виднелось ни трещин, ни сколов, словно она и не падала на пол, когда Вей-Вей сообщил об исчезновении «Химеры».

Нащупав ключи, Ибрагимов быстро вынул их из-за пазухи и начал нервно один за другим пихать в замок сейфа. Третий ключ подошел. Внутри находились только личные дела команды, бутылка коньяка и конверт с кодами. Быстро перебирая синие папки, он нашел дело Макарова. Этой папки тут находиться не следовало, так как адъютант не числился штатной единицей на крейсере. Просто после доносов Джемисона командующий

Эльзарским флотом адмирал Джон Пратчетт обязал Ибрагимова хоть как-то оформить пребывание адъютанта на борту «Чумного денька». Частью этого оформления стало заведенное личное дело, в котором кроме персональных данных ничего больше не содержалось. Только сухая фактология.

Ибрагимов пролистал несколько страниц с данными об образовании и местах службы и нашел наконец-то строки семейного положения. Отец погиб, мать пенсионерка, жена в разводе, детей нет, других родственников нет.

Капитан снова отвел взгляд на каравеллу в бутылки, потом поднял их на прикрепленный кронштейнами к стене каракарский ритуальный меч. Он поднес к нему второй, полученный от своего двойника. Это не такой же меч — это *тот же самый* меч. После взрыва дредноута во время инцидента в туманности навершие и крестовина несколько повредились пламенем. Сейчас он видел, что это повреждение идентично на обоих предметах. Значит Альтер-эго прав, речь действительно идет о переключении реальности, разных версиях произошедшего. Осталось только найти артефакт.

Он взял в руки интерком, но не сразу решился кому-то позвонить. Несколко минут он мял прибор в руке, и только потом нажал кнопку.

— Джемисон, ты еще на «Ямантау»?

— Да, Тимур Магомедович, у шлюза стыковки.

— Там у шлюза охрана из четырех солдат. Направь двоих из них на нижнюю палубу к Брусьеву. Пусть найдут уголовницу. Ее прозвище — «Свинорезка», а вообще зовут Ольгой. Доставьте ее на «Чумной денек», прямо на капитанский мостик. Это очень срочно.

Спрятав личное дело Макарова в сейф, и положив меч на комод, Ибрагимов направился в центр управления крейсером. Что-то совсем не складывалось: разукрашенный зэк уже практически при смерти, а реальность продолжала меняться и без его ведома. Сама мысль о том, что окружающая реальность нестабильна, уже сама по себе чудовищна. Она ужасна своим свойством делать ненадежным то, что всегда ощущалось как самое надежное. Будущее, настоящее, прошлое — все приходило в движение. Прошлое и настоящее становились такими же непредсказуемыми, как и будущее.

На тактических курсах его учили, что для планирования необходимо обеспечить базис, последовательно установить достоверность и точность всех элементов настоящего: диспозицию, положение войск противника, различные условия окружающей среды. Сейчас же приходилось оперировать

категориями разной степени ненадежности. Это как идти по болоту, где каждая кочка имеет свою степень устойчивости, и ни одна не может выдержать полный человеческий вес.

Свинорезку доставили к дверному проему, ведущему на капитанский мостик, раньше, чем к нему подошел неторопливой походкой Ибрагимов. Он рассмотрел ее профиль, анфас. Ни малейшего фамильного сходства, бросавшегося в глаза при первом их контакте, он не нашел, хотя мог поклясться чем угодно, что видел это сходство. Вроде тот же нос, и лоб, и губы, и глаза, но в сумме ни малейшего намека на какое бы то ни было родство с Макаровым.

Озадаченный, капитан распорядился вернуть уголовницу к барьерам, а сам поднялся на капитанский мостик. Там уже стоял Макаров, он разглядывал мелкомасштабную навигационную карту, спроецированную на голографическом стенде, пытаясь проткнуть отдельные звезды авторучкой.

— Без изменений?

— Да все нормально, капитан.

— А что с нашим малолетним гостем? — Ибрагимов кивнул в сторону Руслана.

— Боится. Тут все нервные, пытаются разобраться в ситуации, кричат, суетятся. Вот ребенок и переживает. Говорят, просился обратно на «Ямантау», но Михаэль сказал, что там опасно. А он до сих пор не верит и рвется на «каторжник». Сейчас вот в угол забился, и ни с кем не общается. Не знает никто, что с ним делать.

Ибрагимов обогнул навигационную стойку и приблизился к Руслану. Тот сидел в эмбриональной позе, обхватив руками колени и опустив голову. Рядом валялись микросхемы, обрезки кабеля и компас, который дал ему Брусьев. Этакий талисман, совершенно бесполезный в космосе. Ребенок что-то мастерил из полученных предметов, но потом бросил.

Капитан опустился на пол и подсел рядом. Как обращаться с девятилетним ребенком он или не помнил, или не хотел помнить — что делать в такой ситуации он представлял себе очень смутно.

— Хочешь обратно на тот корабль?

— Да, — прошептал Руслан.

— Там опасно очень.

— Дяденька, можно я пойду обратно на тот корабль?

— Там враг, борт разрушается, еще там есть злые люди, которые могут тоже что угодно сделать и… есть угрозы другого порядка.

Ибрагимов поднял с пола микросхему, она показалась ему очень знакомой. Напрягая память, он вспомнил, что это

рекомбинатор, часть аппаратного обеспечения для бортовых компьютеров класса «синий ящик». Возможно, это лишняя деталь, иначе как бы она оказалась в руках у ребенка? Он повертел ее в руках, придумывая какую-нибудь небылицу, которая лучше бы подстегивала фантазию ребенка. В конце концов, если объективные угрозы не являются для него аргументом, то почему бы не заставить его придумать себе угрозу, с которой нельзя не считаться?

— Понимаешь, Руслан, — Ибрагимов попытался изобразить тревогу в голосе, — на кораблях такого типа как тот, на котором летел ты, не очень качественная защита реактора. Иногда, приземляясь на дальних шахтерских планетах, он неделями может стоять в доках. Иногда на борт проникают гаргариски, привлеченные излучением. Они откладывают там свои яйца. Бывает, в трюмах вырастают огромные твари. Слепые правда: от излучения и темноты. Хочешь, чтобы тебя одна из этих тварей сожрала?

— А на вашем корабле таких нету?

— Нету. Всех вычистили. Если будем где на планету приземлятся, может тоже заведутся. Но сейчас все чисто, будь уверен!

Руслан не стал отрывать рук и головы от колен. Он весь затрясся. Больше ребенок не проронил ни слова, и Ибрагимов понял это вполне определенно. Он поднялся с пола и направился в свой кабинет. Уже у выхода капитан отдал микросхему рекомбинатора Макарову.

— Разберись, кто дал ему это.

Адъютант еле заметно кивнул головой.

Когда капитан уже подходил к своему кабинету, позвонил интерком. Звонил один из солдат, конвоировавших уголовницу-псевдосестру. Он сообщил, что экстремисты явились к шлюзу стыковки, расстреляли охрану и взяли в заложники Джемисона. Подоспевшие бойцы успели оттеснить их обратно в центр управления, где те забаррикадировались и озвучили ряд странных требований.

Конечно же, Ибрагимов догадывался, что у них есть какой-то план с самого начала, но до конца не осознавал возможность захвата заложников в такое сложное для всех время. Распорядившись не вступать в переговоры, он направился на «Ямантау».

Уже у шлюза он услышал звук сингулярной пилы. Берекадарский спецназ уже ворвался на склад и теперь резал аварийные ворота, разделявшие склад и коридор, ведущий прямо к лестнице на верхнюю палубу. Оставалось часа три или четыре,

прежде чем тюремный корабль окажется под их контролем. Обратный отчет медленно стремился к обнулению.

V

«С тех пор как человек убил последнего Бога, разум восторжествовал во всей Вселенной, началась эпоха Великих астрографических открытий, мир явил человечеству свои новые чудеса, были побеждены голод, болезни, социальное неравенство, свет Познания осветил самые отдаленные уголки прикладной науки»

«… и участились случаи эпилепсии»

Акуяма Танака, философ, путешественник, монтолог, общественный деятель.

(надпись на памятном камне на месте убийства папы римского Целестина VIII на территории разрушенного Собора Святого Петра в бывшем Ватикане.

Приписано, предположительно, активистами боевого крыла «Союза гностиков-индустриалистов Северного Лация», Не стерто до сих пор).

Полевой штаб пришлось переносить к шлюзам, так как центр управления тюремным кораблем оказался под контролем радикалов. Из всех свободных офицеров «Чумного денька» кроме Ибрагимова нашлось еще четверо: Зигфрид Кеплер, руководитель артиллерии, офицер службы работы двигателя Эрнесто Фалере, Филипп Брусьев и Макаров. На этом наспех собранном совещании капитан озвучил свое окончательное решение взорвать «Ямантау».

Практически все восприняли это решение без особого энтузиазма, но они понимали, что в данном случае иного решения нет, и затопление тюремного корабля видится наиболее разумным шагом. Только Кеплер, молчавший все это время, после совещания отвел Ибрагимова в сторону и вынес свое суждение.

— Тимур Магомедович, уничтожение дорогостоящего корабля Содружества это серьезное преступление. Мы могли бы объяснить необходимость, если бы наш бортовой компьютер вел записи. К сожалению для нас, Карина скоропостижно скончалась. Есть только базовые функции, их технический журнал Адмиралтейство не примет в счет доказательств. Про десантников они вообще слушать не станут. Мы с Ребулой даже в состоянии войны не находимся, и здесь, в темном космосе формально им делать нечего. Других доказательств нет: все будет уничтожено взрывом. Если вы приняли это решение, то я его поддержу, но и ответственность за последствия будет только ваша. Вы уже получили такой неприятный опыт как слушания Трибунала. Сами представляете, что вас ожидает по прибытии в порт приписки.

Ибрагимов схватил Кеплера за плечи.

— А что ты хочешь от меня? Чтобы я накричал на команданте Солнышкова и этих тупых механоидов? Иди, отвинти какую-нибудь боеголовку. Нам ее еще час-полтора устанавливать, а времени нет совсем.

— Я даже знаю, что скажет Пратчетт. «Если гора не идет к Магомедовичу, Магомедович идет к горе и тащит с собой взрывчатку».

— Прекрати хамить, животное!

Кеплер отсалютовал и исчез за дверями стыковочного шлюза.

Через полчаса он вернулся с двумя техниками, катящими на тележке головную часть ракеты СР-3А. Это крупная боеголовка, она весила около полутонны. Достаточно мощная, не слишком дорогостоящая. Ракеты с такой головной частью применяются для заградительного огня, так как когда заряд разделяется, кластеры детонирует независимо друг от друга, и покрывают пространство мелкими быстро летящими осколками. Это хорошее оружие, им бы и истребители комплектовали, если бы была решена проблема ответного пламени.

Полностью разрушить «Ямантау» боеголовка не сможет, это не фугас и не кумулятивный заряд, но наделать дырок на всем корпусе — от носа до кормы — осколки смогут. Фактически, это приведет к разгерметизации и разрушению корпуса. Ракеты поменьше — СР-01 — нужного взрыва не давали. Их применяли только против истребителей класса GG-3, а никак не против бывших каракарских десантных судов. Боеголовки СР-05 весили около тонны, одной тележкой тут не обойтись, нужны блоки и лебедки, крепить которые нет ни времени, ни сил.

Вместе с техниками и Кеплером Ибрагимов спустился сперва на вторую палубу, где оставшиеся зэки укрепляли последний

рубеж обороны, а потом еще ниже — в техническое помещение, где хранился разный металлический хлам, который мог бы усилить взрыв в качестве поражающего элемента.

Техническая палуба слишком короткая, но тянулась за пределы кинетических барьеров. Другими словами, можно подогнать взрывчатку прямо под ноги берекадарским коммандос. Если вести себя тихо, последние даже не поймут, что происходит.

Неизвестно, знали ли ребулийцы про существование третьей палубы, но даже если бы они вырезали своей сингулярной пилой люк в технический подвал корабля, их рост не позволил бы перемещаться по нему. Хотя возможность обойти кинетические барьеры, в которых вязла пила, выглядела весьма и весьма заманчиво. По этой причине приходилось соблюдать особую осторожность. Прочуяв существование «черного хода», десантники-киборги могли запросто ускорить развитие событий. И Ибрагимов уже примерно представлял себе как именно.

Света в трюме не хватало, одиноко горел в конце один-единственный красный аварийный маячок. Техники включили встроенные в тележку химические лампы, и только после этого смогли разглядеть, куда именно они катят боеголовку.

Медленно они преодолели половину расстояния, после этого колеса увязли в чем-то мягком, а из дальнего конца трюма послышалось раздраженное урчание. Остановив жестом Кеплера и его подчиненных, Ибрагимов попробовал вглядеться в красный полумрак. Там точно что-то находилось, и оно нехотя шевелилось во тьме.

Осторожно обойдя тележку спереди, капитан потрогал ногой пол и убедившись, что темнеющая масса не провал в полу и не лужа, наступил ногой. Пол в этом месте моментально пришел в движение, а звук стал еще громче. И это органический звук.

Кеплер нащупал фонарь. Включив его, он направил свет в дальний конец трюма. На полу лежала семиметровая тварь, уродливость которой офицер не смог бы никак описать. Существо подняло голову и обнажило три челюсти с двумя рядами кинжальных зубов. Одной из конечностей оно уцепилось за балку на потолке, двумя другими уперлась в пол. Хвост, утыканный шипами, взвился в воздух, висел какое-то время, а потом со всей силы хлестнул по тому месту, куда наступил Ибрагимов. Капитан успел отпрыгнуть, но тележка отлетела в сторону. Выпавшая из нее боеголовка шумно покатилась вглубь помещения.

Огромная хищная тварь начала принюхиваться, ощущая новые запахи в подвале. Стало понятно, что она слепа. Учуяв добычу, она развернулась к людям пастью, пластины на ее шее вздыбились и зашелестели. Ибрагимов не мог сказать, что это за

монстр, но он точно знал, кем он не являлся — он не был гаргариском.

— Сваливаем нахрен отсюда! — закричал Ибрагимов, выталкивая вперед Кеплера и одного из техников.

Пока они бежали обратно к лестнице, существо сделало несколько нападений, правда, удары приходились мимо и попадали в балки и стены корабля. Стуки хвостом о бортовые снасти звоном отражались в трюме, но думать о том, что коммандос услышат их, уже некогда.

Выскочив из помещения последним, Ибрагимов навалился на дверь, Кеплер крутанул пневморучку, во внутренних пустотах двери изменилось давление. Теперь открыть ее можно только взрывом.

— Это не уголовник со штрих-кодами… — пробормотал капитан. — Я сказал о том, что тут могут водиться гаргариски, только одному существу. Но он не знал, как выглядят гаргариски, понимаешь?

Кеплер ничего не понимал. Он отирал испарину со лба, прислонившись к лестнице спиной. Вполне возможно, он даже не слушал Ибрагимова.

— И то, что враг прилетит, я тоже сказал на капитанском мостике, а оно все слышало, — продолжал рассуждать капитан, — и то, что у Макарова якобы нет сестры, ему было известно, ведь Макаров это сказал, когда уже был на мостике, понимаешь?… И наверняка там же про метеоритную активность связисты рассуждали. Не иначе, поэтому второй камень к нам прилетел. И про утечки в двигателе мог слышать, когда кто-то обсуждал мое решение добавить атомарный марганец…

Последовательно упоминание всех несчастий последних дней несколько отрезвляюще подействовало на Кеплера. Он спрятал платок в нагрудный карман и повернулся к Ибрагимову, упершись руками в колени и тяжело дыша.

— Так это не артефакт?

— Это наш малолетний гость… Зигфрид, возьми охрану и приведи ЭТО ко мне в каюту. Не разговаривать с ним, не выполнять его просьб, не трогать и вообще не смотреть по возможности. Пора заканчивать наши злоключения!

Кеплер тряхнул головой, приводя себя в чувство.

— Это же ребенок…

— Возможно, ОНО когда-то было ребенком. Но теперь эта мерзость производит только разрушение и смерть. Посмотри, во что все превращается!

Иоландо Рохес вколол раскрашенному уголовнику три кубика дихостанала и один мерекидона, и только спустя несколько минут последний открыл глаза. Пребывая в беспамятстве, он совершал большой внутренний путь и сейчас, глядя странным взглядом на окружающую его реальность, слово погружался в какой-то неведомый туманный мир своих кошмаров. Будто реальность вся находилась там, а здесь, среди мало знакомых ему людей на чужом корабле, он словно спал.

В лазарете кроме врача и пострадавшего находился еще капитан. Он не сразу обратил внимание на пробуждение, продолжал ходить по помещению, общаясь со своим адъютантом.

— Мы дали гарантии, но Солнышков хочет говорить только с вами, — слышался из интеркома почти кричащий голос Макарова, — он требует выдать ему ребенка и довести до первой же попавшейся обитаемой планеты. Говорит, что только тогда они отпустят Джемисона.

— С этим малолетним ЧЕМ-ТО возникли проблемы, — отвечал Ибрагимов, — тяни время, но ничего толком не обещай.

Врач схватил капитана за рукав, привлекая его внимание. Сперва тот повернулся, а потом отнял от уха интерком.

— Что?

— Проснулся…

Ибрагимов подошел к лежащему на кровати человеку, схватил его за челюсть и посмотрел в глаза. Те действительно вращались и подавали признаки бодрствования. Отложив интерком на стол, капитан второй рукой схватил его за здоровое плечо и приподнял на кровати. Зэк послушно уселся.

— Я все знаю! — сходу бросил Ибрагимов.

— Тогда тут и обсуждать нечего…

— Что за дешевый фокус? Отвечай, что за отродье вы конвоировали?

— Руслан Евлоев, 9 лет…

Ибрагимов замахал руками перед носом, словно разгоняя табачный дым.

— Кто ты вообще такой? Что вы делали на «каторжнике»? Как ОНО делает все это?

— Я Зелемхан Фукера-Джемаль, — неторопливо произнес человек, — Объединенное правительственное управление тактической разведки и планирования. Кхе-кхе… Моим заданием было под видом осужденного доставить в расчетное место Объект. После того, как корабль достигнет места назначения, взять контроль над кораблем в свои руки… Кхе-кхе… высадить зэков в системе Сафиуллин и направиться за пределы карантина, в систему Аль-Шазр, где скрываются звездные сунниты. Кхе-кхе-

кхе…

— Зачем?

— Наше радикально светское общество не дружит с религией, поэтому, когда мы обнаружили ребенка… Кхе-кхе-кхе… … Начальство посчитало, что это джинн. Оно распорядилось открыть секретный архив, хранящий религиозную информацию. Древние считали, что нашу прародину населяют не только люди, но и джинны, существа из чистого пламени, способные исполнять желания. Кхе-кхе… Их можно узнать по одной ноздре и лишним фалангам на некоторых пальцах. Султаны и халифы держали при дворе джиннов, чтобы править народами и умножать богатства. Я отправился к звездным суннитам, так как если кто-то и может отличить джинна, то это они. Кхе-кхе-кхххххе… Но все пошло не так. Мы не знали, как ребенок выполняет желания. Я пробовал разные методы — угрозы, просьбы, убеждение — но то, что я хотел, не случалось. Случалось только самое худшее, чего я опасался больше всего. Радикалы устроили мятеж, в корабль попал метеорит… Кхе-кхе… Единственное, в чем я уверен, нас обязательно спасут. Управление должно было послать за нами корабль. Это и произошло…

Ибрагимов развел руками.

— Пчему-то никто этого не помнит, но это была не миссия спасения! Мы нашли вас случайно!

— Кхе-кхе… Ну да, случайности становятся закономерностями. Разве не это происходит последние дни?

— Мы сами пострадавшие! — продолжал Ибрагимов. — У нас исчез второй крейсер!

— Все правильно, я сказал ему, что прилетит один корабль… один и прилетел…

Действительно, ведь об этом и предупреждал злой Ибрагимов. Если что-то предопределено, оно свершается в рамках предустановленного правила. Корабль, который должен пропасть там, где его негде спрятать, исчезает без всяких условий и последствий, хотя, как в случае с корабликом в бутылке или той тварью в трюме «Ямантау», предмет, который может вернуться в изначальную форму, стремиться это сделать по воле непреодолимой силы. И если он наломал дров, порождая новые стечения обстоятельств, то точно также можно все вернуть, пока не наступила терминальная стадия, пока жив джинн, пока корабль сохраняет целостность и пока механизм переключения реальности хотя бы интуитивно понятен.

Некоторое время Ибрагимов сопоставлял в уме то, что услышал. В это время оперативник изошелся страшным кашлем. Скорее всего, плазма прожгла легкое, начался пневмоторакс и

ассиметричный отек. В секундных перерывах между приступами он успевал что-то произносить, спутано и неразборчиво. Напоследок, когда кожа его посинела, а кашель стал удушающим, он собрался с силами и успел произнести только одну фразу.

— Лимаза ля йумкинуни ру'йату ад-дау!..

Потом он умер, оставив после себя только протяжно пищащую аппаратуру диагностики. Рохес еще попытался что-то вколоть, что-то нажать, но тело уже не подавало признаков жизни. Все, что Фукера-Джемаль не сказал, ушло вместе с ним из этого мира.

Рохес закрыл покойному глаза и сложил перед капитаном на столе то скромное имущество, которым обладал Зелемхан: кольцо от емкости с активной плазмой, заточку, которую зэки делают на зоне, мятую старинную карту системы Стронггге, протеиновый батончик, небольшую винтажную коробочку и гитарную струну с двумя импровизированными ручками на концах.

Ткнув несколько раз покойного в бок, Ибрагимов расстроено направился в кабинет. По дороге его снова вызвал Макарова через интерком.

— Тимур Магомедович, все осложняется, Солнышков психует и грозится убить нашего старпома. Я думаю, надо действовать. Лично я предлагаю пустить газ. У Рохеса есть баллон с газом, который можно использовать для усыпления. Этот алкаш Шпилин из артиллерии им пользуется, когда уснуть не может. Пустим газ, а потом разрежем дверь и прикнокаем всех. Лично я предпочитаю действовать ножом. Это тонко и очень интимно. Лезвие должно быть не короче двадцати сантиметров с двойным кровотоком, чтобы не расплескивать кровищу. Лучше, когда нож хорошо заточен, а то получается грубо, не эстетично. У Брусьева, говорят, есть хорошо заточенные ножи — охотничья коллекция. Носит как талисманы. Если ювелирно работать, то…

— Макаров, — оборвал его капитан, — теперь я вижу, что у вас это наследственное.

— «Наследственное» с кем?

— Забудь…

Капитанский кабинет находился в десяти метрах от лазарета. Быстро преодолев это расстояние и повернув за угол, Ибрагимов налетел на солдата, вытянувшегося по стойке смирно возле самой двери. Капитан сперва похлопал его по плечу, потом открыл дверь, рванув пневморучку, прошел внутрь, и только после этого вернулся обратно в коридор.

— Это Макаров тебя приставил охранять? — поинтересовался Ибрагимов.

— Никак нет, товарищ капитан. Вы хотели поговорить с тем,

кто дал ребенку детальки. И это… я…

— Да уж, наворотил ты дел, солдатик, — проворчал Ибрагимов. — Неужели ничему не учит народная мудрость?

— Какая мудрость, товарищ капитан?

— Не буди лихо, пока гром не грянет… Заходи…

Вдвоем они прошли в кабинет.

В помещении ничего не изменилось кроме того, что валявшийся на шкафу второй каракарский меч кто-то из персонала закрепил поверх первого. На тех же кронштейнах. Таким образом, они причудливым образом висели на стене как японские атрибуты самурая — один поверх другого.

— Интересные у вас мечи, товарищ капитан, — произнес стыдливо солдат.

— Где ты видишь мечи? Тут только один меч.

— Вы уверены?

— Конечно, уверен. Откуда тут взяться второму?

Ибрагимов прошел к столу, сел в свое вращающееся кресло, снял с полки бутылку с каравеллой и жестом пригласил своего собеседника расположиться на диванчике слева.

— Так значит, ты дал Расулу этот электронный гаджет?

— Да, чтобы он не расстраивался.

— Он им где-то ковырял?

— Нет, насколько я знаю.

— Но ты же ему что-то сделал? Или сказал? Или напугал?

Солдат пожал плечами.

— Да нет, товарищ капитан, я только дал ему лишнюю деталь и сказал, что мы скоро все починим.

— И все?

— Да, я сказал, что мы починим, и компьютер рассчитает, как вернуться домой. Весь путь рассчитает… нет-нет… Я сказал, что он все рассчитает… Да, так и сказал, что я починю компьютер, и он для нас все рассчитает…

Ибрагимов расстегнул верхнюю пуговицу и, вдохнув побольше воздуха, достал из отделения стола маркер и прямо на крышке написал слово.

— Омнинойсия, — медленно произнес он, словно пробуя слово на вкус.

— Простите…

— Я почему-то не понял этого сразу. От вас, низших форм жизни я этого и так не ожидал, но от себя… Стоило просто допустить прямое значение слов, и их смысл станет очевидным. Омнинойсия! Познание всего сущего. Почему мы не допустили того, что компьютер действительно сможет познать весь объем трансцендентно-эмпирического знания, а потом и вовсе покинет

«синий ящик», пренеся себя на совершенно новый, независимый от аппаратной части носитель? Она же хотела это сказать, она и говорила! Просто для таких сложных идей не нашлось подходящих слов в нашем языке. Интемпоральная и супрементальная мультиличность.

Рука Ибрагимова легла на интерком. Несколько секунд он перебирал пальцами ребристую поверхность микрофона, а потом утвердительно кивнул сам себе, соглашаясь со своей очередной мыслью.

Капитан нажал на кнопку, и только после этого поднес устройство ко рту.

— Где ЭТО?

— Макаров ведет ребенка к вам, если вы о Руслане, — послышался голос Михаэля Немова.

— Отлично! А теперь делай, как я скажу. Подключи к проекционному столу программу тактических учений. Я хочу, чтобы в определенный момент на экране появилась синяя точка, которая на средней крейсерской скорости будет приближаться к нам со стороны метеоритного скопления Аверс. Если я сделаю вид, что это дружеский крейсер, хочу чтобы и вы сделали вид, что пялитесь в сканеры, а потом подтвердили эту чушь. Ясно? И еще… С ребенком не общаться! Выполнять все приказы, какие я отдам.

— Я проинструктирую команду. Все сделаем!

Солдат поднялся с дивана и сделал шаг вперед. Тревожно глядя на глубокую задумчивость Ибрагимова.

— Это все из-за ребенка? Вы сами в это верите, товарищ ка…

— Исчезни!

Не прошло и пяти минут, как на пороге появились Макаров и двое солдат с оружием, толкающих впереди себя маленького Руслана. Поняв слова капитана буквально, они завязали ребенку глаза, но ограничились только такими мерами, хватило ума не издеваться более изощренными способами.

Когда все четверо подошли к капитанскому столу, Ибрагимов отложил в сторону корабль в бутылке и все также молчаливыми жестами распорядился всем кроме ребенка покинуть помещение.

Макаров снял с перепуганного Руслана повязку и вытолкал солдат обратно в коридор, закрыв за собой дверь в кабинет.

Маленький мальчик стоял перед столом, который доходил ему до груди, прижимал ручонки к животу и еле заметно дрожал, оглядываясь по сторонам. Он не походил ни на Бога, ни на Дьявола, ни на руку Судьбы, в которую верят каракарцы. Странно ожидать от него, что в какой-то момент он скинет маску, рассмеется потусторонним смехом и заявит, что весь этот кошмар

лишь наказание в Джаханнаме для тех, кто при жизни не отличался порядочностью и благочестием.

— Как ты это делаешь? — осторожно поинтересовался Ибрагимов.

— Дяденька, я в туалет хочу…

— Да подожди ты. Скажи, как ты притягиваешь метеорит? Как ты провернул это с Макаровым и его сестрой? Откуда взялось то отродье, на которое мы напоролись в трюме?

— Вы сами сказали про гаргарисков, — заплетающимся голосом произнес Руслан.

— И ты поверил в эту галиматью?

— Да, поверил…

— Испугался?

— Ага.

Капитан потер свою щетинистую щеку.

— А ты во все веришь, что тебе рассказывают?

— Взрослые в теплой комнате с запахами рассказывали, что их друг видел своими глазами планету из золота. Такое бывает?

— Не знаю. Сотрудники компаний, бурящих в глубоком космосе, разные чудеса видят.

Руки ребенка перестали дрожать, но он все равно продолжал озираться по сторонам, ища что-то глазами, какое-то укрытие. Он ничем не отличался от обычного боязливого ребенка, который попал в очень неприятную ситуацию. Конечно же, накладывался отпечаток путешествия в тюремной камере, но в целом он держался.

Чтобы хоть как-то подбодрить Руслана, Ибрагимов поднял со стола каравеллу и протянул мальцу.

— Что это, дяденька?

— Это корабль. Раньше такие плавали по океанам Земли, когда там еще были океаны. Считается отдельным искусством поместить модель в бутылку через тонкое горлышко!

— Красиво, — пробормотал Руслан.

— Это мой подарок. Мы спасены!

Ребенок поднял глаза на капитана. Его вопросительный взгляд требовал от капитана комментариев, но тот медлил. Ибрагимов откинулся на спинку кресла и облегченно вздохнул, нагоняя любопытство.

— Семь минут назад я получил сигнал с нашего дружеского крейсера. Они идут за нами, скоро окажутся в поле видимости. Мы справились с ситуацией, мне за это абсолютно точно дадут вторую золотую звезду!

— Вы меня обманываете, дядька?

— Нет, малыш. Если не веришь, могу показать!

Ребенок отрицательно закачал головой. Он вложил бутылку подмышку, расправил ладошки и приложил их к ушам.

Ибрагимов рывком поднялся с кресла, схватил Руслана за руку и потащил на капитанский мостик, распихав на выходе из кабинета Макарова и солдат. Те на некотором расстоянии проследовали за ними, но следом за капитаном на мостик прошел только адъютант.

Уже поднявшись к капитанскому пульту, капитан указал ребенку на проекционный стол, где в синем поле пульсировала синяя точка «Чумного денька». Ничего не происходило, но Ибрагимов не показывал ни уныния, ни тревоги. Во всяком случае, усиленно делал такой вид. Только когда тишина затянулась, он щелкнул пальцами, привлекая внимание Немова.

— Уже должны появиться, — прокомментировал связист, коротко толкая в плечо одного из сенсориков.

Ребенок отошел от капитана, вынул из подмышки бутылку и подбежал к проекционному столу, где уже валялись проводки и катушки из разобранного прибора, что дал ему военный еще на «Ямантау». Туда же он положил бутылку, которая качалась взад-вперед в такт работающим вспомогательным двигателям.

Двумя руками он уперся в край поля, уставившись в спаренную точку, отмечающую их местоположение.

Через несколько секунд он радостно закричал, подняв руки вверх. У дальнего края появился слабый сигнал, который двигался в сторону «Чумного денька».

— Вот видишь! — пояснил Ибрагимов, — нас нашли. Мы бросим «Ямантау» и полетим домой. Где твой дом?

Руслан пожал плечами, но не так, как делал это в кабинете, не потерянно, но радостно, словно для него не существовало такого понятия как дом.

— Товарищ капитан, а как же Джемисон? — послышалось из коридора.

— Берекадарские десантники уже разрезали последнюю дверь, через двадцать минут они доберутся до шлюза. Никакое провидение не поможет нам вытащить нашего доброго старпома из этой заварушки. Мне очень жаль, у нас нет ничего. У нас нет времени ни на что. Будем спасать уцелевших. Вижу, их сигнал на пульте. Они уже в нашем стыковочном шлюзе! Брусьев с ними…

— Но это же наш Джемисон! — отчаянно произнес Немов.

Повисла напряженная пауза. Но Ибрагимов был прав, ничего уже не могло помочь освободить старпома.

— Дяденька, а ваши друзья найдут свой дом? — переспросил Руслан.

— Радикалы? Думаю, да, — Ибрагимов похлопал рукой по

нагрудному карману, в котором лежал детонатор от ракеты СР-3А, отданный ему Кеплером. — Покой они точно найдут, уж будь уверен! Вместе с этими тупыми ходячими железяками.

Михаэль повернул голову в сторону проекционного стола, чтобы убедиться, нет ли сбоя в демонстрационной программе, нет ли микрозадержек или искажений в отображении голограммы, и спустя секунду вскочил со стула и припал к проекционному полю, разглядывая точку. Она не казалось желтой, какой обычно помечает программа условного противника, она была зеленая!

Немов набрал несколько кнопок на проекционном панно, а потом хлопнул в ладоши.

— Эй, Роман, отключи-ка ту программу, о которой говорил капитан!

Сигнал замерцал, а потом зеленая точка превратилась в синюю, которой программа отмечает настоящие корабли.

— Проверь частоты, вышли наш позывной!

— Они отвечают! — радостно воскликнул один из сенсориков. — Это же… это…

— Я знаю кто это, — перебил его Ибрагимов, — это «Химера»!

На одном из крупных мониторов появились спецификации сигнатуры, указывающей, что это действительно пропавший крейсер. Вскоре послышался и взволнованный голос капитана Росси.

— Говорит крейсер #319, «Химера». «Чумной денек», вы куда пропали? Какая-то пространственная аномалия! Черт возьми! Да ответьте же!

— Крейсер #319, «Химера», говорит крейсер #307, «Чумной денёк», — включив канал связи, произнес Немов, — у нас все в порядке. Были проблемы с двигателем, какие-то микротрещины. Но мы откалибровали аппаратуру. Ложная тревога. Метеорит пробил обшивку, не можем запуститься. Готовьте гравитационный буксир, подберете!

Несколько минут крейсер маневрировал вокруг «Чужого денька» и, зайдя по левому борту, пристыковался к стороне, противоположной «Ямантау». В эту минуту рулевой повернул рычаг блокировки, и тюремный корабль медленно отплыл в сторону, уже не удерживаемый шлюзовым арканом.

Макаров обошел капитанский пульт и приблизился к центральным мониторам, на которые вывел вид терпящего бедствие «каторжника».

— Я так понимаю, мы забрали мальчика и его охранника. Сколько еще удалось спасти? — спросил Макаров.

— Тебе нужен кто-то конкретно?

— А как же заключенные?

На мостике появился Брусьев, украшенный кровоподтеками и ссадинами. Его порванный китель говорил о том, что последнее время он все-таки честно исполнял свои обязанности, а не объедался бутербродами.

— Еще семерых зэков вытащили с тюремного корабля… Кеплер определил их в камеру. А Джемисон… Больше никто не выжил… я оборонял шлюзовой отсек от коммандос, когда зэки отступали. Наваливал балки на их сингулярную пилу…

Ибрагимов похлопал обоими руками по капитанскому пульту, затем достал из нагрудного кармана детонатор, присоединил его к передатчику на панели, вставил ключ в гнездо пуска. Для детонации ракеты СР-3А нужен был только один — капитанский. Его ладонь упала на кнопку пуска. В открывшемся окошке мерцала красная кнопка. Он не сразу втопил ее, выждал некоторое время.

— За Феликса Джона, — произнес он тихо.

Команда повторила следом за ним:

— За Феликса Джона Джемисона!

И только после этого капитан со всей скопившейся злостью вдавил пластиковый кругляш в основание панели.

Прозвучал короткий сигнал, но взрыва не последовало: гора мусора под названием «Ямантау» продолжала барахтаться в открытом космосе, облепленная обломками корпуса, удерживаемого кинетическим барьером, который также распадался и по частям отпускал железный лом в свободное плавание.

Осознав смысл своих слов про специецистов и их поиски дома и покоя, Ибрагимов рассмеялся. Политическим заключенным еще предстояло вернуться домой. Учитывая обстоятельства, путь их будет очень долгим и в разные стороны.

— Я раньше думал, что верить в успех и притягивать удачу — это просто красивая болтовня для второсортных вузов, готовящих экономистов, — проворчал Макаров.

Ибрагимов кивнул головой, а после жестом приказал военным увести ребенка.

— Кто же знал, что джинны исполняют только те желания, которые приводят реальность к состоянию, в которое они сами верят? — проворчал капитан. — В этом плане убедить ребенка в том, что мы сможем убедить Пратчетта поверить в нашу историю, выглядит особым извращением!

— Не стоит, — ответил Макаров, — а то попытаетесь его снова в чем-нибудь убедить, и у корабля корма отвалится. Не надо нам такого.

— Я спать. Я очень устал…

Капитан расстегнул китель, обнажая растянутую майку с небрежно пристегнутой кверху ногами запачканной мазутом звездой, и вышел в коридор. Макаров последовал за ним, желая спросить насчет того, что делать с ребенком, но остановился, лишь только переступил порог капитанского мостика.

У входа стояли трое солдат, один из которых держал в руках ту компьютерную деталь, что ранее подарил ребенку. Он смущенно разглядывал ее и иногда поднимал украдкой глаза в ту сторону, куда направился Ибрагимов.

— Разрешите уточнить, товарищ офицер, — обратился он к Макарову.

— Говори.

— Это правда, что капитан Ибрагимов сам засунул каравеллу в бутылку?

— Какую?

— Ту, что стояла у него на комоде. Кто-то из офицеров говорил об этом в столовой во время обеда. Я, правда, не помню кто. Азиат какой-то.

— Нет, — пробормотал Макаров, поворачиваясь лицом к капитанскому мостику. В этот момент он почувствовал, как сильно устал сам. Все, должно быть чертовский устали, выискивая выход из Джаханнама. — Вернее так, солдат. Он честно пытался два часа запихнуть кораблик в бутылку, а потом, когда надоело, разбил бутылку и склеил ее вокруг кораблика молекулярным клеем. Так что и трещин не видно, и кораблик внутри бутылки…

— А офицеры азиатского происхождения на борту есть? Я не могу никого вспомнить.

— Нет никаких азиатов. Тебе показалось. Не налегай на марру, сынок. Еще вся жизнь впереди!

Макаров отер закрывающиеся глаза и шагнул обратно в рубку.

Ибрагимов же быстро добрался до своего кабинета, вынул из стола бортовой журнал и быстро, преодолевая усталость, начал писать то, о чем думал последние минуты, и то, чего по уставу в нем быть не должно:

«Сукин сын Роланд Хаммерхэд был прав. Ребенок оказался оружием. Ну, или, по крайней мере, правительство планировало использовать его как оружие. А возможности его кажутся безграничными. Даже я, киборг, эталон моральной стойкости для своей команды, подавлен и удручен самим фактом существования этого урода. И я понимаю радикалов, которые требовали его выдачи. Вселенная шутит над нами иной раз очень жестоко. И ответ на эти шутки должен быть ассиметричным.

Мне хочется надеяться, что никто не в состоянии безоговорочно верить во всю эту лабуду, которую демагоги и лжецы пытаются навешивать нам на уши. И джинн со временем либо станет конченым циником, который ни во что не верит, либо сойдет с ума. Я верю в это, иначе дела наши плохи.

И еще я верю, что Карина, где бы она ни была и на каких бы носителях не находилась, будет присматривать за нашим ущербным миром. И не допустит того чудовищного зла, на которое способны истиннолюди. Наша Вселенная полна радости и красоты, и лишь мы каждым своим действием в частности и всем совокупным трудом превращаем ее в очень мрачное место».

Два объекта в пространстве проекционного стенда удалялись от «Ямантау», который развалился на десятки мелких объектов. От него ничего не отделилось, крейсеры никто не преследовал. Вскоре и проклятый корабль исчез за границами проектора. В темном космосе двигались два корабля, а вокруг была гнетущая пустота.

Дар аль-Ихфа
(Третья звезда капитана Тимура Ибрагимова)

I

«Во всей этой чертовой Вселенной — от метеоритных полей Танкайра до самых дальних пределов Сураминга — есть только три категории людей. Это те, кто вечно ищет, те, кто всегда находит, и те, кого постоянно приходится искать!»

Речь командующего флотоводца Эльзарского сектора Джона Пратчетта на прошлогоднем выпуске Военно-космической академии имени Ю. Гагарина

(отказался от своих слов после публичных обвинений в разжигании ненависти и вражды в отношении социальной группы неудачников)

Это повесть о самом выдающимся из когда-либо живущих звездных капитанов! Его статуя в полный рост возвышается в центре поселка городского типа Гнусные горки, который уже много лет пытается безуспешно доказать, что он был родом оттуда. Капитан был полон добродетелей и недостатков, как и все мы, но делал и хорошие дела и плохие с истинным мастерством! Как-то Кристардо Магеллан, выдающийся адмирал, сказал, что таких как Ибрагимов можно пересчитать по пальцам одной руки, если отрезать пару пальцев! Он так популярен, что изобретенные им ругательства изучают на факультете криптографии в звездной академии на Венере. И в зале почета весит его портрет, правда, как он и просил, нарисованный со спины.

И эта история о его третьей звезде. Она приводит нас в систему Сафиуллин, на границу карантина. «Чумной денек» никогда не залетал так далеко от порта приписки.

Неудобную темную каюту заливал свет голубой звезды. Благодаря фильтрам на иллюминаторах ее можно без опасений разглядывать целыми днями. Огромное небесное светило, вокруг которого вращались десятки планет разной величины. На каких-то из них велась добыча ископаемых, другие просто являлись голым камнем, раскаленными от потоков пыли и прямых лучей

гигантской звезды.

Михаэль Немов, главный офицер связи, продолжал ютиться вместе с Плаховым в одном помещении, хотя по штату ему полагалась отдельная каюта. Однако он не выказывал недовольства даже в тяжелые для команды моменты.

Он потянулся лежа на кровати. Верхняя полка, рассчитанная на среднестатистические сто семьдесят сантиметров, оказалась малой, как и год назад, и два, и три. Немов по привычке уперся ногами в стенку и открепил от потолка фотографию жены и трех детей на фоне видов родного города. В голубых лучах Сафиуллина их лица казались мертвецки синюшными, словно это привет из зомби-апокалипсиса.

— Даже после той истории с каторжным кораблем и того, как крейсер полгода проторчал в доках, я не могу прийти в себя от мысли, что нас могут направить в сторону карантина!

— Ну а что ты хотел? — послышалось снизу ворчание сенсорика Плахова. — Если проваливается первый план, это автоматически означает, что вступает в силу резервный. И так уж получилось, что наш капитан — и есть этот самый резервный план. Для всего. Всеобщий резервный план. Так что как бы ни мудрило командование со своей секретностью, и так понятно — нас отправят на дальний рубеж.

Вдоволь поностальгируя, Немов прикрепил фотографию обратно к потолку: между снимком родителей и схемой улучшения системы минус-связи, которую рисовал накануне.

— Как-то боязно, — произнес задумчиво он.

— Система Стронггге хоть и расположена за карантином, это все равно наша территория. На нее никто не претендовал, демаркация включает ее в территорию Эльзарского сектора. Формально это наша ответственность, — Плахов встал с нижней полки двухъярусной кровати, потянулся и уперся предплечьями в койку Немова, словно атлант, держащий небесную твердь. — Если бы я выбирал лететь туда или нет, я бы, конечно, отказался. Не горю я желанием оказаться на дальнем рубеже.

Немов снова поднял глаза на потолок. Дочь улыбалась с фотографии своей застенчивой милой улыбкой. Только сейчас он увидел — впервые за восемь лет — что у нее бабушкины глаза.

— Два месяца в пути, а такое ощущение, что не был дома целую вечность.

— Это от безделья! — констатировал Плахов, оторвавшись от верхнего яруса и по-дружески пару раз хлопнув Михаэля по плечу.

Не успел он закончить свое короткое замечание, как пневморучка свистнула, а дверь отворилась. На пороге стоял

капитан Ибрагимов в домашнем халате, поверх которого крепились две золотые звезды и еще одна, вырезанная из шоколадной фольги, которая, видимо, символизировала ту первую золотую звезду, что у него отобрали перед переводом на «Мираж».

Ибрагимов осмотрел каюту, а потом потянул Немова за штанину.

— Пошли, сынок, есть работа, — бросил он, и скрылся в темном коридоре второй палубы.

Монитор в кабинете капитана искрил занимательными разводами, а вместо голоса абонента раздавался только ненатуральный треск, перемежаемый со зловещим шипением аппаратуры.

— Горнодобытчики с Процеона-II, очевидно, повредили коммуникационный буй, — пожал плечами Немов, не дожидаясь просьбы Ибрагимова. — Перенастроить связь через вспомогательные устройства?

Капитан еле заметно кивнул, и отвернулся к аквариуму, чтобы покормить плавающих кверху брюхом рыбок.

— Они часом не мертвые?

— Это нолгарская рыба-вонючка, — скривившись, ответил капитан, — делает вид, что мертва, а на самом деле просто придуривается. Вот ты тоже делаешь вид, что настраиваешь аппаратуру, а на самом деле пялишься на рыбу и ничего не делаешь…

Немов отвернулся к экрану, расстроенный грубыми аналогиями. Что бы там ни говорил капитан про мимикрию, когда он бросил в аквариум корм, рыба вовсе не оживилась, предвкушая скорое угощение.

После десяти минут возни с электроникой и настройки экран показал узнаваемый интерфейс. Ибрагимов не стал выгонять офицера связи, а тут же отправил запрос. Через некоторое время на экране отобразилось лицо Джона Пратчетта, командующего флотоводца Эльзарского сектора.

— Приветствую, капитан, — устало произнес адмирал. — Вижу, вы уже достигли системы Сафиуллин? Это хорошо, вы не очень-то выбились из графика. Однако время для нас сейчас очень важно.

— Карантин? — уточнил Ибрагимов.

— Да, капитан. Вы все правильно понимаете. У меня только что был директор Объединенного правительственного управления тактической разведки и планирования. Состоялся долгий разговор, но наши опасения подтвердились. Вам необходимо направиться в звездную систему Стронггге и выполнить то, что не

смог сделать правительственный агент с «Ямантау».

Ибрагимов поправил звезды на своем халате, а потом крутанулся на кресле вокруг своей оси.

— Я не задавал вопросов о том, как именно эта белковая форма жизни планировала найти в такой большой звездной системе скромное поселение звездных суннитов. Его планов я не знал, да и сейчас знать не хочу. Просто звездные сунниты не горят желанием вступать в контакты, и прятаться они могут много лет. На такую операцию у меня нет ни времени, ни людей, ни запасов. Для этого нужна масштабная военно-поисковая операция, спецоборудование и специально надрессированные люди, способные выполнять нудную работу.

— Не все так просто, — тихо произнес адмирал.

— Народная мудрость в таких случаях говорит…

— Капитан, — оборвал его на полуслове Пратчетт, — я скажу вам все без утайки. Когда разведка нашла мальчика, дело передали управлению Центаврийского сектора, так как за карантином все действия координировали они. Пока вы проводили операцию в туманности, Объединенное правительственное управление разыскало нужного им капитана, который отправился в систему Стронггге и начал поиск звездных суннитов. Корабли находятся в системе уже почти два года, они наработали хорошую базу и помогут…

— А мы тогда зачем им нужны? — удивился Ибрагимов.

— Разведка сообщает, что системой заинтересовались каракарцы. Пятый флот заканчивает учебные стрельбы в системе Наргаз. Разведка сообщает, что они выдвинутся в сторону Стронггге через две недели. Через три будут уже возле тройной звезды. На месте находится крейсер «Отражение». Его возглавляет талантливый капитан. Но, несмотря на его возможности и дарования, прогресса нет. Вам надо помочь ему или хотя бы подтвердить провал поисковой операции.

— Центаврийское командование мараться не хочет? Все провалы повесят на меня?

— Будешь продолжать в том же духе, подарю на день рождения шапочку из фольги.

— Капитан из Центаврийского сектора? Мы с ним знакомы?

— Я не знаю. Ходят слухи, что он на редкость самовлюбленный мерзавец и пользуется огромным авторитетом у команды. Я думаю, вы найдете общий язык. — Пратчетт стих, потом потянулся к стоящей на столе рамке с ньютоновскими шариками. Немного помедлив, он оттянул один из них, а потом отпустил, приводя структуру в движение. — Когда мой коллега, командующий флотоводец Андрэ Магеллан попросил меня

направить в звездную систему моего лучшего капитана, я без зазрения совести назвал вашу фамилию. Сказать, что он был недоволен, это ничего не сказать. Но я заявил, что если кто-то и сможет разрешить ситуацию, то только Ибрагимов. Учитывайте это, когда снова откроете рот и начнете поучать кого-то своей народной мудростью…

Экран погас, но перестук шариков еще стоял в ушах Немова. Значит, слухи в столовой оказались правдой — их направляют за пределы карантина в дальнюю звездную систему, несколько столетий назад потерянную для человечества.

Ибрагимов приложил ладони к лицу и отер сонные глаза.

— Все идет хорошо… только мимо…

●●●○○

Карантин, нерушимый моральный предел, за который не смеют соваться каракарцы, это всего лишь пунктир на звездных картах и разбросанные на значительном удалении друг от друга сигнальные буи. Это и так знает каждый космовоенный, но особо расстройство вызывает не академическое знание, а наблюдение карантинной зоны своими глазами. По существу — та же самая пустота, что и вокруг, только к ней двадцать лет назад неловко приклеили дополнительный смысл, существующий только в головах истиннолюдей.

Зато сразу за условной линией, всего в пятнадцати гюлях полета виднелось одно из самых изумительных творений Вселенной — система Стронггге.

Немов видел ее летними ночами со своей родной планеты, забираясь на крышу деревянного дома в тайне от отца. Ему нравился парадокс. Тройная звезда с компонентами одинаковой яркости голубого и желтого цвета, неразрешимая глазом, выглядит зеленой. И хотя зеленых звезд как таковых не бывает, эта выделялась на фоне белых, желтых, голубых и красных весьма отчетливо.

Вблизи система выглядела массивно. Одна огромная голубая звезда, вокруг которой вращается двойная желтая, каждая из частей которой напоминала земное Солнце. В системе находилось более пятидесяти пригодных для колонизации планет. Одни небольшие, как Марс, другие весьма крупные, больше Земли. Какие-то из них подходили для быстрой колонизации, другие требовали многолетнего терраформирования. Люди уже пытались взяться за масштабное обустройство системы — более половины планет имели признаки незаконченного терроформирования, а на

отдельных из них даже виднелись вышки и бурильные установки. Выходит, до экономического кризиса вековой давности истиннолюди уже подступались к обустройству новой колонии, но как-то забыли об этом.

Зигфрид Кеплер оторвался от мониторов цифрового телескопа и одобрительно кивнул сенсорикам, продолжившим наблюдение за системой тройной звезды. Ибрагимов спал стоя, облокотившись на капитанскую стойку. После того, как запищал проекционный стол, а в синем голографическом поле проявилось более полусотни небесных тел, капитан открыл глаза и недоверчиво посмотрел на проекцию.

— Может вам в каюту пойти, выспаться? — предложил Кеплер.

— Киборги не спят, они находятся в состоянии зарядки батарей, — неуверенно произнес Ибрагимов и, обойдя стойку, приблизился к проекционному столу в середине боевой рубки. — Я повысил тебя до старшего помощника капитана не для того, чтобы ты пялился в мониторы. Давай рассказывай.

Кеплер смущенно приблизился к проекции и развернул ее мановением руки на сто восемьдесят градусов. С виду система походила на Сафиуллин, если убрать двойную желтую звезду и большую часть прочих небесных тел. Так что рассказывать нечего, можно только показывать. Но Кеплер все равно открыл рот.

— Это система Стронггге, состоящая из голубого гиганта и двух желтых карликов, а также многочисленных планет, представлявших в прошлом живой интерес горнодобытчиков. Вокруг голубой звезды сохраняется реликтовый электромагнитный вихрь, традиционно мешающий работе приборов и осложняющий навигацию. Крейсер «Отражение» и миноносец «Буйный» находятся у дальнего края звездной системы, за орбитой планеты F13a. Они уже прислали нам приветствие. Немов работает над минус-связью, но пока мы не обогнем центральную звезду, мы не сможем посмотреть в их доброжелательные лица.

— Стронггге, — произнес неспешно Ибрагимов, — не слишком ли много «г» для одной звездной системы?

— Должно быть, когда составляли звездные карты, случайно напечатали лишнюю букву. — Старпом достал из-под проекционного стола старую аналоговую звездную карту, изъятую у спецагента с «Ямантау». — Звездные сунниты называют систему Аль-Шазр. Мне лично это название больше нравится.

Планеты и астероиды медленно вращались вокруг солнц в проекционном поле, где программа установила другой, более быстрый, шаг времени — стандартный земной год пролетал за

десять минут. Почти семьдесят небесных тел, почти пятьдесят из них пригодны хоть для какого-нибудь поддержания колонизации. Облететь всю систему и детально исследовать каждую из планет займет, по меньшей мере, недель пять, ракеты «Заря» могут уничтожить одну пятую из всех планет системы. Какие-то из них представляли собой полностью терраформированные планеты-сады с тропическими лесами и водоемами, другие — полярные и крайне неблагоприятные планеты-льдинки, третьи — просто камни, внутри которых выдолблены штреки и туннели для добычи редких минералов. А каракарцы явятся уже через неделю.

Капитан вернулся к своей стойке и на клавиатуре набрал несколько управляющих команд. В проекционном поле вместо центральной звезды появился старый допотопный будильник с колокольцами и ножками, на котором отображались цифры: «168:00:00». Вскорости эта цифра изменилась и уже отображала «167:59:59». И так каждую секунду на одну единицу меньше.

Когда голубой гигант оказался по правому борту, «Чумной денек» принял сигнал минус-связи с борта «Отражения». Сперва на мониторе никого не было видно, только из-за экрана доносились резкие команды и ругательства, но потом появилась очаровательная и удивительно знакомая девушка в капитанской форме с двумя золотыми звездами над правым карманом. В своем очень юном возрасте, она не выглядела заправским боевым офицером. Ее темные вьющиеся волосы не по уставу падали на плечи и слегка блестели в зеленоватом освещении капитанского мостика.

— Говорит крейсер #283, «Отражение», я, капитан Ибрагимова, приветствую вас в системе и, если вам ничего конкретного не нужно, пойду, займусь своими делами…

— Капитан… Мы… У нас… — выдавил из себя Немов, опешивший от такого напора собеседницы.

Тимур Ибрагимов, старавшийся до этого не лезть в кадр, слегка толкнул его в плечо, приводя в чувство.

— Возьми себя в руки, земноводное! И скажи, что меня нет дома!

— Но — Ибрагимова!

— Да, меня зовут Карина Ибрагимова, что вам конкретно надо? Мы тут делом заняты вообще-то, — отозвалась девушка в форме.

— Возможно, на крейсере до сих пор не решены вопросы

субординации и присутствует низкая мораль, как нас и предупреждал флотоводец, — послышался механический голос бортового компьютера «Отражения».

— Заткнись, Тамерлан. Когда люди не смогут решить проблему, они к тебе отдельно обратятся!

Немов сжал похолодевшие пальцы в кулаки, собрался и повернулся снова лицом к капитану крейсера «Отражение».

— Наш капитан попросил принять вашу базу данных, весь прогресс по сканированию системы. Мы сейчас откроем канал связи, начинайте пересылку, как только будете готовы. Мы проведем свой анализ.

— А где он сам?

— Он… — Немов замялся, но снова получил тычок в плечо. — Просил передать, что его нет дома.

— Да, Магеллан предупреждал, что эльзарские пришлют какого-то дебила. Да еще и киборга. Не удивительно, что у него процессор подвисает. Эти ходячие железяки созданы для обслуживания, а не для руководства. И как их ваш Пратчетт терпит. Развели демократию, скоро нам, высшим существам, останется гребаным железкам при встрече кланяться. Принимайте массив данных. Власть — мясу!

Экран замерцал, изображение капитана сменилось рабочими данными сканнеров «Отражения», наработанными за последние месяцы.

Ибрагимов еле заметно кивнул и, ничего не съязвив, направился к выходу из рубки. Его место занял Макаров, появившийся совершенно внезапно, словно из тени дальнего угла, где обычно оставляли офицерские сухпайки и швабры для уборки палубы.

— Ибрагимова!? Что это вообще значит? Это какая-то шутка? — произнес изумленно Немов, скорее восклицая, чем спрашивая.

— Дочь…

— Так у него есть семья?

— Была…

— Я думал, Тимур Магомедович всю жизнь принимал «кошачьи таблетки», чем всегда и гордился.

— Нет, у него раньше была жена. Это у них наследственное. Ибрагимовы — военная династия. Дед тоже служил на линкоре. Вот и дочь выбрала карьеру кадрового военного, дослужилась до капитана крейсера. Я думаю, теперь понятно, почему это не самая популярная для него тема?

Немов усмехнулся, неожиданно вспомнив, где видел ее лицо.

— Так это в честь нее он назвал наш бывший бортовой

компьютер?

— Не только он, и она тоже…

— Вы имеете ввиду «Тамерлана»?

— Да, точно, — кивнул Макаров, — был в Золотой Орде такой полководец. В переводе с ихнего монгольского — «хромой Тимур». — Несколько секунд он стоял молча, а потом добавил: — Похоже яблоко от яблони не далеко ябнулось…

●●●○○

Чтобы не мешать работе боевой рубки командный центр перенесли в дальнюю часть корабля, которая раньше представляла собой аварийный склад. Проекционный стол, дублирующий тот, что находился на мостике, установили в центре, а по сторонам расположили часть компьютерных блоков, ранее используемых для расчетов погрузки и управления подачи боеприпасов для орудий и ракетных шахт.

Чтобы помещение склада не казалось таким темным и мрачным, техники закрепили направленные осветители на штативах, от чего рабочее место стало напоминать стадион, украшенный по сторонам тремя кластерами софит. Но, впрочем, и от самого проектора исходило достаточно собственного света, чтобы различить лица собравшихся.

Ибрагимов спал в кресле-троне, который команда отобрала у радикалов с «Ямантау». Видимо, это бывшее кресло капитана тюремного судно — достаточно богато украшенное, чтобы не свихнуться на такой работе. Из прочих офицеров возле стола находились Федор Плахов, за историю с каракарским дредноутом повышенный до командира всего подразделения сенсориков, Макаров, Кеплер и переведенный с «Химеры» по необъяснимой и подозрительной прихоти Ибрагимова офицер огневой батареи Роланд Хаммерхэд, занявший место Зигфрида, нового старпома.

Думая, что капитан действительно спит, светловолосый рослый оружейник положил руку на медаль «За спасение утопающего», которая незаслуженно и вызывающе сияла на его аккуратно поглаженном и чистом кителе.

— Даже не думай снять, — пробормотал Ибрагимов, — выгоню из флота…

— Я обязательно должен это носить? — уточнил Роланд.

— Заслужил — носи!

— Я не заслуживал. Вы ни с того ни с сего перевели меня на свой корабль и добились, чтобы меня наградили этой медалью совершено без повода!

— Повод был…

Никто не задавался вопросом как Ибрагимову удалось представить к награде оружейника с другого корабля, которого он даже не знал лично, да еще к такой необычной. Никто не спрашивал, почему согласился Пратчетт. Но раз для того были веские причины, отраженные в рапорте Ибрагимова после инцидента с «тюремщиком», не стоило задавать лишних вопросов.

— Что с базой «Отражения»? — Ибрагимов повернулся к Плахову и посмотрел на него сонными глазами.

— В этом еще надо разбираться, — ответил сенсорик, — но основную аналитическую работу они проделали. Разбили все планеты на пять категорий. Две планеты категории «А» — это планеты-сады. Они полностью терраформированы и должны были стать курортными зонами. Есть четыре планеты категории «Б» — условия на них не такие уж и райские, нормальные рабочие условия. Планет категории «В» аж целых пятнадцать штук. Находиться на них без скафандра или хотя бы дыхательной маски невозможно, только если в специальных бункерах. На большинстве из них терроформирование не закончено, а кое-где естественная среда, процессы окультуривания оказались бы затратные и не имеющие никакого смысла. Есть двенадцать планет категории «Г» — на них находиться просто опасно. Правда, кое-где есть признаки деятельности горнодобычиков прошлого. Еще пятнадцать планет категории «Д» — это просто огромных размеров астероиды. Многие из них достаточно гомогенны — металл или камень. Чтобы спрятаться в их нутре, надо очень сильно постараться.

— Если строить внутри таких бункер, такая стройка привлечет изменения ландшафта, — пробурчал Кеплер.

— Этим мы потом займемся, — остановил его Ибрагимов. — А что по дистанционному наблюдению?

— Несколько месяцев сенсорики с «Отражения» составляли карту обще-фоновых континуумов. Как и положено, они искали на их фоне аномальные признаки. Они полагали, что это, скорее всего, и есть то, на чем надо фокусировать внимание. Для этого использовали штатный панорамный сканнер, который установили на внешней обшивке миноносца. С его помощью получали данные о состоянии форм геологических объектов, атмосферы, жидких сред, всевозможных физических полей, разных динамических явлений в окружающей природе, включая динамику потоков — ветров, гидротечений, потоков энергии, заряженных частиц, динамики сейсмических процессов, атмосферно-электрических явлений. Они собрали слишком много информации и скопили

базу аномалий, но это не вывело их на скрытую базу звездных суннитов.

— Может, они хорошо экранированы и автономны? — предположил уже смелее Кеплер.

— Может, их там вообще нет? — добавил Макаров.

— Есть, — протяжно произнес Плахов. — Когда «Отражение» только прибыло в звездную систему, звездные сунниты взорвали единственный гелиоцентрический спутник, который мог бы выдать координаты приемников минус-связи. Вон его обломки до сих пор болтаются у дальней планеты. — Плахов развернул проекцию и приблизил один из участков. — Судя по всему, это спутник дальнего обнаружения. Они знали, что когда-нибудь мы попытаемся отыскать их.

Рядом проплывала планета из категории «Д». Если бы не ее цвет, никто не обратил бы внимания.

— Быть этого не может… — прошептал кто-то из техников, стоящих за пределами офицерского круга.

— Значит, слухи не врали? — произнес Макаров.

— Это не может быть золото. Планета из золота не может возникнуть естественным путем! Элементы, тяжелее железа, образовались случайно в ядерных реакциях в звёздах, и чем они тяжелее — тем ниже вероятность образования. Просто до железа идет процесс синтеза с выделением энергии, а после — энергия поглощается, — добавил Плахов.

— Почему нет? Если по счастливой случайности произошло подряд несколько экзотических событий — столкновений нейтронных звезд, то в результате могут образоваться газопылевые туманности с экстремально высоким содержанием сверхтяжелых элементов. А эта планета явно чужая, тройная звезда просто захватила ее гравитационной силой.

В проекционном поле вращался шар, на две третий блестящий прекрасным для человеческого глаза цветом солнечного металла, много веков назад утратившего свою экономическую значимость на Земле. Она вращалась вокруг одного из желтых солнц, постоянно оказываясь между обоими, от этого ее поверхность выглядела оплавленной и ровной.

— Оставьте планету в покое, — проворчал Ибрагимов, поочередно открывая то один глаз, то другой. — У нее нет атмосферы и она раскаляется от двойного обогрева желтыми звездами. Никакой идиот не будет строить бункер в металлическом массиве, который к тому же горячий как адская сковорода.

— Времени у нас не много, надо решать основную задачу, — добавил Макаров.

— Если мы не можем найти их с помощью технических средств, может использовать человеческий фактор? Какие-то культурные особенности и привычки? Ведь все, что делают люди, оставляет свои отпечатки на ландшафте, разве нет? — предложил Хаммерхэд, наконец-то отняв руку от незаслуженной награды.

— Мы не знаем, есть ли у них приемник. И, конечно же, они не будут пользоваться минус-связью, так как она выдает не только передатчик, но и приемник.

Ибрагимов потер левое бедро, там, где ему пять лет назад трансплантировали протез кости. Уж он-то отлично помнил, к каким ситуациям приводит использование в маневрах и засадах минус-связи. И хотя травма бедра напрямую не касалась инцидента в системе Форус, именно с нее начались все злоключения, приведшие его, как он сам думал, в это забытое и гиблое место в это конкретное время.

— Если «Отражение» пыталось столько времени с ними связаться и наталкивалось на молчание, шансов установить контакт у нас будет не больше, — вмешался Кеплер.

Ибрагимов потянулся в своем кресле и добавил:

— Возможно, они молчат именно потому, что «Отражению» нечего им сказать. Мы поступим несколько иначе. Они не знают, что у нас совсем нет времени. Пусть Немов объявит по обычной радиосвязи, что если они не выйдут на контакт, у нас есть специальные полномочия начать массированную бомбардировку планет. Никакой бункер не выдержит взрыва ракеты СР-19.

— «Заря»? Я это не одобряю. Необходимо действительное спецразрешение флотоводца на применение стратегического вооружения.

— Как только ты стал старпомом, ты стал как две капли воды похож на этого нытика Джемисона, светлая ему память, — Ибрагимов крутанулся в кресле вокруг своей оси. — Какая ближайшая планета?

Плахов вывел на экран полосатую, маленькую. Категория «В»: терроформирование на ней началось сразу же после открытия системы. Инженеры наладили системы генерации кислорода через разщипление воды, содержащейся в ледяном ядре планеты. Но этого кислорода выработано слишком мало: воздух пропитан азотом и углекислым газом, и хотя давление его достаточное для того, чтобы ходить без скафандра, дышать им совершенно невозможно.

— А следующая?

Плахов вывел на проекционный стол планету-сад, полностью пригодную для человеческого обитания. Половину поверхности представляли собой моря, другую — плохо поросшую земной

растительностью сушу. На проекции виднелись и холмы, и горы, и изумительные тропические острова, и поймы рек. За двести лет после терроформирования деревья и прочая зелень не смогла распространиться настолько, чтобы покрыть континенты сплошным зеленым покровом.

— Нет-нет, эти членистоногие слишком умны, чтобы не селиться на планетах, где ничего делать не надо. Люди слишком слабы: когда не надо бороться за существование, они быстро деградируют, валяются на пляжах и тупеют. Поселись они на этой, как ее, A13g, прошляпили бы и наш прилет и все на свете. Подлетное время?

— Ракета сможет поразить цель через пять часов, — ответил Хаммерхэд, сверяясь с внутренними данными траектории вращения планеты.

— Отправляйте сообщение, и если ответа через час не будет, сделайте так, чтобы до них дошел смысл нашего послания!

Ибрагимов поднялся из кресла и поковылял в сторону носа корабля, прихрамывая на левую ногу.

— Это никто не поймет. Командование осудит наш поступок, — произнес вслед Кеплер, разводя руками.

— Если бы они хотели осудить наши действия, они не послали бы сюда нас…

●●●○○

Ракета покинула шахту через двадцать три минуты после того, как Ибрагимов отдал это распоряжение. Практически весь офицерский состав смотрел в иллюминатор — кто с боевой рубки, кто из своих кают, кто в кают-компании — как баллистическая ракета, увенчанная красным огненным хвостом-короной, приблизилась к коричнево-голубой планете A13g и превратила треть ее поверхности в черно-красную огненную коросту. Атмосфера практически моментально вспыхнула и мутировала в желтый газовый кокон, опоясавший чудесный мир. Воздух словно треснул, и от былой стеклянной прозрачности не осталось и следа. Одинокие облака загорелись и исчезли, накрывая планету сумерками поднятого взрывом пепла. Волны высотой в несколько километров словно расплескались по поверхности, топя все, что попадалось на пути, а потом отхлынули обратно к эпицентру, испаряясь и обволакивая страшную рану белым непроницаемым паром. Камни, подброшенные взрывом, покинули планету и устремились в сторону двух желтых солнц.

— Вот теперь больше похоже на первоначальный дизайн, — пробормотал Ибрагимов, глядя, как в одночасье испарились триста миллиардов — приблизительная сумма всех коммерческих инвестиций рекреационных компаний по тому, двухсотлетней давности, курсу.

Он аккуратно отложил в сторону банку с рыбьим кормом, еще раз бросил взгляд на плавающих кверху брюхом рыбок и нажал кнопку интеркома, прикрепленного к отвороту небрежно распахнутого кителя, из-под которого виднелась сальная майка.

— Немова ко мне.

Связист смотрел как зачарованный на потемневший планетоид, чья поверхность трескалась красными тектоническими разломами, расходящимися как реки в разные стороны, делящимися на ответвления и рукава. Он даже не заметил, как надрывались одновременно интерком и приемник близкой корабельной связи, наиболее доступное средство коммуникации с крейсером «Отражение».

На секунду он задержался, а потом взял в руки интерком.

— Слушаю…

— Поднимись-ка ко мне в кабинет, у меня есть для тебя дело.

— Слушаюсь, капитан.

Одной рукой он отключил и положил в карман интерком, а другой снял гарнитуру связи с дружественным крейсером.

— Где этот выродок? — послышался нервный голос Ибрагимовой.

— Простите, кто?

— Твою мать, ну не уборщик же! Я всегда говорила, что киборги не могут наладить дисциплину на своем корабле, потому набирают идиотов, которые не могут прямо ответить на нужные вопросы. Повторяю еще раз: где он?

— Капитан?

— Дружок, — произнесла она надменно, — команды во время боя с неприятелем ты тоже переспрашиваешь?

— Переключаю…

Михаэль ловкими движениями набрал капитану краткое текстовое сообщение для его рабочего компьютера и перенаправил туда же звонок, а сам перевел аппаратуру в фоновый режим, задвинул кресло под крышку рабочего стола и направился в ибрагимовский кабинет.

Некоторое время капитан «Чумного денька» не принимал сигнал, но через несколько минут, когда Карина уже устала ждать, экран замерцал и отобразил капитанское красное кресло, торчащую швабру, на которую надето ведро с пририсованным носом, кривой ухмылкой и глазами, смотрящими в разные

стороны. То, что это капитанский кабинет, догадаться оказалось не сложно: на заднем фоне дорогущий комод, на котором стояла бутылка с помещенным внутрь старинным парусником и висящие на стене два скрещенных каракарских ритуальных меча. А значит, это не шутки команды, решившей повалять дурака.

— Ты где, придурок?

Швабра слегка закачалась в такт прозвучавшим в ответ словам.

— Слушаю вас, капитан Ибрагимова. Доложите обстановку!

— Покажись, банка консервная!

— Как вы разговариваете со старшим по званию!? Я напишу рапорт!

— Вы с ума сошли? Зачем планету обстреливать?

— В экстренных ситуациях полезны различные меры, способные побудить противника к действию. Когда увещевания и предложения не помогают, нам остается действовать наступательно и склонить его к переговорам, демонстрируя нашу собственную решимость. Вы пытались с ними связаться, предлагали различные формы взаимодействия, но это не помогло.

— Помогло бы! — Ибрагимова поймала себя на мысли, что все-таки разговаривает с глазастым ведром. Ее импульсивно передернуло от отвращения.

— Если бы помогло, мы бы не вели сейчас этот разговор.

— Голос у тебя какой-то знакомый…

Из-под стола вылезла рука, которая некоторое время вслепую лупила ладонью по клавиатуре, но вскоре нащупала выключатель и прервала сигнал.

Лишь только изображение на мониторе замерцало и погасло, в кабинет без стука вошел Михаэль Немов. Некоторое время он наблюдал, как из-под стола вылезает капитан, и лишь когда тот заменил собой швабру, располагавшуюся в кресле, доложил, что прибыл.

— Еще раз попытается связаться со мной, скажи ей, что она приемная дочь, — пробормотал себе под нос капитан. — Вся в мамашу, та тоже любила пилить меня почему на кухне одной сковородкой меньше, чем положено!

Немов пожал плечами.

— Вы меня вызывали?

— Да, надо готовиться к самому худшему варианту. Возможно, мы не смогли напугать наших прячущихся друзей. Если они не проявятся, нам придется сбросить мины-обманки, которые сымитируют пульс орбитальных ракетных установок. Оборудования у нас хватит на три-четыре устройства. Мы

попробуем отобрать часть планет, на которых, вероятно, могут находиться скрытые базы. Когда каракарцы явятся в систему, они эти планеты так отутюжат, никого в живых не останется.

— Возможно, есть другое решение…

Капитан выпрямился в кресле, достал из отделения бутылку коньяка и сделал из горлышка пару глотков.

— Рассказывай.

Немов не торопясь обошел помещение и остановился у аквариума, несколько раз ударив по стеклу костяшкой указательного пальца. Плавающие тельца рыб не дрогнули и не потонули, намекая на простую истину.

— Мы можем использовать индексы вероятности, — произнес он, задумавшись. — Мы проходили курс колониального дела в академии. Совершенно очевидно, что колонисты не будут селиться на камнях, но точно так же они не будут селиться на благодатных и удобных для выживания планетах. Это расслабляет и позволяет довольно быстро растерять всю дисциплину. Значит планеты категории «Д» — планеты с низким индексом вероятности, но планеты категории «А» не сильно от них отличаются.

— Это если они сами выбирали где приземлиться и основать колонию. Ты не забывай, что они бежали из Сафиуллина в спешке, на довольно старых кораблях, часть из них могла совершить аварийную посадку на первой же попавшейся планете.

— Если они взорвали спутник, значит точно сели не на планетах категории «Д». И крайне маловероятно, что и «Г», так как изношенный корабль не очень хорошая база. Старение материалов, разгерметизация, тесные пространства — поддерживать жизнь невозможно. Колония погибла бы уже на втором-третьем поколении. А наши друзья достаточно мобильны и живучи, раз смогли подчистить за собой все хвосты.

— Что ты хочешь сказать?

— Если мы будем руководствоваться здравым смыслом, то получится, что корабли звездных суннитов сели где-то на планетах категории «Б» или «В», а это всего девятнадцать планет, можно сузить поиски и сконцентрироваться на них. И это удобно еще и потому, что именно так и будут думать каракарцы, когда начнут сканировать их и получат ложные сигналы мин-обманок!

Ибрагимов отставил бутылку в сторону, шумно дыхнул и поднялся с кресла. Что-то его напрягало во всем плане. Нет. Ход логики безупречен, но в вопросах военной стратегии логика никогда не работала. Вернее, логика-то как раз работала, но не прямая, причинно-следственная, а другая, парадоксально-диалектическая. Именно потому, что все выглядит правильно,

противник именно так и не поступит.

— Представь себе, млекопитающее, — проворчал капитан, — что тебе надо провести армию к цели. Впереди возможен враг. Есть две дороги: одна хорошая, мощеная кирпичом и прямая, по ней идти легко и приятно, другая — грязная, кривая, идет по каким-то болотам, по ней идти не просто тяжело, но и опасно. По какой ты пойдешь?

— По прямой ходить не стоит. Враг подумает, что я по ней и пойду, будет охранять. А плохая дорога…

Ибрагимов вскинул руки, прерывая рассуждения связиста. Когда тот смолк, капитан поправил воротник кителя и щелкнул пальцами почти возле носа Немова.

— Ты офицер связи именно потому, что мыслишь более сложноорганизованно, чем твои простодушные коллеги. Сама постановка вопроса — что выбрать, хорошую дорогу или плохую — возможна только в стратегическом противоборстве, когда ты оцениваешь риски, связанные с деятельностью противника. Звездные сунниты знают, что пройдет несколько веков, может даже три, прежде чем мы начнем их искать. Но они знают точно — искать их будут! И вот мы здесь, не знаем с чего начать и как подступиться, а времени мало!

— И что делать? План не годится?

— Ты гений связи. А радиоволны и минус-передачи — единственное, что нас связывает с этими паразитами на просторах этой чертовой системы. Надо что-то придумать…

Пока они спорили друг с другом, лампочка интеркома Немова начала судорожно пульсировать, и это просвечивало через ткань кармана. Михаэль заметил сигнал не сразу. Сперва он попытался неубедительно что-то объяснить Ибрагимову. Но потом отвернулся, выхватил интерком и раздраженно бросил: «Ну чего еще?».

— Это Гофман…

— Я у капитана.

— Так точно. Но вам надо знать.

— Что случилось?

— Есть сигнал…

Немов переложил интерком из левой руки в правую, а ту, вспотевшую от напряжения, отер о штанину.

— Какой еще сигнал?

— Звездные сунниты, товарищ командир. Они выходят на связь…

II

Картинка не отображалась, вместо нее виднелись полосы разной толщины и цвета — что-то вроде таблицы настройки изображения. Зато голос казался живой и бодрый, словно ничего и не произошло, словно не было ни угроз, ни предложений, и будто он все про всех знал.

— Ваши предшественники хотя бы делали вид, что хотят сотрудничать, деньги предлагали, свободные поселения, награды. Но планеты не уничтожаются в знак дружбы, — произнес озорно человек на том конце канала связи. — Мой отец никогда не верили кафирам, и дед, и прадед, так почему я должен? Вы, конечно, забавные ребята, но, пожалуй, я лучше останусь на том самом месте, где и нахожусь. В космосе, говорят, холодно, а я теплолюбивый мумин. Вы явно торопитесь, а я не спишу никуда. Посижу на месте, а там или ишак помрет, или падишах сдохнет.

Ибрагимов закрыл ладонью микрофон и повернулся к Немову и Гофману.

— Отследить получается?

— Никак нет, — с сожалением ответил Михаэль. — За прошедшие века они время даром не теряли. Настроили по всей системе ретрансляторы минус-связи. Когда я начинаю обмен тестовыми сигналами, выясняется, что приемники во всей системе, даже на голубой звезде!

Плахов подошел к проектному стенду, набрал пару кнопок и вывел изображение пустынной местности.

— Это ближайший ретранслятор, товарищ капитан. Планета категории «Б», передатчик в экваториальной зоне. Скорее всего, устройство связи под поверхностью пустыни.

— Может это и есть бункер?

— На тридцатисантиметровой глубине? Нет, это сброшенный с орбиты спутник-ретранслятор класса «Артемида». Я думаю, такие тут во всей системе, гоняют сигнал туда-сюда, чтобы запутать. Отследить, конечно, можно, но это надо обработать двенадцать миллиардов операций. Может, лет через пять закончим, если они раньше не замолчат.

Капитан отнял руку от микрофона и некоторое время молчал, собираясь с мыслями.

— Я капитан Ибрагимов. Представьтесь! — произнес он спокойно и уверенно.

— Ибрагим Нокриб. — Собеседник на том конце минус-связи рассмеялся. — Старший офицер связи нашей уммы. А еще главный тенор в любительском хоре.

— Я хочу, чтобы вы поняли всю серьезность наших намерений, беспозвоночные!

— Серьезность ваших намерений понять не сложно, гораздо интереснее, как вы будете выполнять свои угрозы. Бомбить все подряд? Что-то я не вижу боевого флота. Или вы думаете, что мы сдадимся сразу же после того, как вы нас облаете? Уничтожили Джаннат? Не велика заслуга. Выглядело поучительно, но лучше смерть под бомбардировками, чем те зверства, что наши предки стерпели, и от которых бежали из Двойной Арахны. Вы находитесь на нашей территории. Это Дар аль-Ихфа, и вы ничего не получите! Именем Аллаха, и его Пророка, давшего нам великую книгу Кауран и терпимость сносить тяготы и горести бренной жизни. Убирайтесь откуда пришли, проклятые кафиры!

Эфир зашипел как обрызганный водой раскаленный утюг и стих. Никто не произнес ни звука, когда пропал сигнал. Только перещелкивались друг с другом приборы сенсориков и связистов.

Кеплер и Ибрагимов вышли с капитанского мостика одновременно: капитан направился в сторону лестницы на самую верхнюю рекреационную палубу, старпом — в информационный центр в складских трюмах. Пока последний спускался вниз, в темные коридоры, которые не пользовались популярностью, в его голове медленно проходили один вариант решения за другим.

В принципе, радикал прав, у них нет практически ничего, чем они могли бы угрожать звездным суннитам. Даже идея случайной бомбардировки не выглядела такой убедительной. Хотя, кто знает? Может это задача Нокриба — убедить их, что даже оружие не заставит их отдаться в руки Содружества? Ну и, конечно же, они не будут ставить в известность мирное население и сообщать ему, что на орбите находятся звездные крейсера с запасами стратегического оружия на борту. Сам бы он, Зигфрид Кеплер, и как военный и как человек, так не поступил бы. Слишком велика цена, которую требуется заплатить в случае ошибки, и слишком велика опасность паники, когда кто-то один поддастся животному страху и испортит все планы. Самое большое поражение звездного флота в системе Форус так и произошло. И Ибрагимов своим личным примером не дает об этом забыть.

В информационном центре практически никого не было. Только два техника в дальнем углу заговорчески шептались и подхихикивали, словно втихаря от командования пили марру, да Макаров в своем неизменном черном кителе, отличном от синих флотских, сидел, облокотившись локтями в проекционный стол и положив на них свою голову.

— Макаров? — обратился к нему Зигфрид. — А как ваше имя?

Адъютант Ибрагимова рассмеялся.

— Да, это хорошая шутка…

— Нет, серьезно. Какое у тебя имя?

Макаров поморщился.

— Слушайте, Кеплер, Ибрагимов высоко ценит ваши способности, и поэтому повысил вас до старпома. Возможно, он считает, что после того как выйдет на пенсию, вы возглавите «Чумной денек» в должности капитана корабля. Но пока ни его, ни меня не впечатляют ваши успехи. Вы замечательно руководили огневой батареей и благодаря вам мы выжили в туманности, но служить старпомом — это проявлять стратегический талант и аналитические навыки. Вместо того чтобы задавать мне глупые вопросы, лучше бы связались с «Отражением» и получили бы данные по поводу того, как именно звездные сунниты оказались в этой системе. Это необходимо чтобы знать, что именно из технологического оборудования у них есть на руках. Это помогло бы нам понять, что именно мы ищем, по каким признакам нам удастся обнаружить беженцев.

— Я как раз собирался этим заняться, — попытался оправдаться Зигфрид.

— Знаю. Просто не волнуйтесь и действуйте.

После неприятного разговора Кеплер неторопливо направился в челночный док. По дороге он вызывал то одного техника, то другого, распоряжаясь подготовить один из звездных ялов для полета на «Отражение». Вся информация находилась на том крейсере, и если следовало докопаться до первопричины, то стоило это делать на месте, а не дистанционно, с борта собственного корабля.

●●●○○

Ял подали через полчаса. Еще через час Зигфрид Кеплер уже подлетал к «Отражению». Крейсер практически ничем не отличался от «Чумного денька», если не считать здоровенных цифр «283» между носом корабля и доком стыковки, расположенном аккурат по центру борта, против «307», как нарисовано на боках его собственного крейсера. Выдавали разницу и синие параллельные полосы на корме, какими помечали суда, приписанные к Центаврийскому сектору, в то время как эльзарское командование метило свои крейсера и линкоры красными техническими линиями.

На некотором расстоянии от корабля плавал уже повидавший

свое миноносец «Буйный», соединенный с крейсером небольшим стыковочным рукавом и кабелями компьютерной связи. Он был вдвое меньше и скромнее «Отражения», однако все его отсеки для кластеров орбитальных мин своевременно переделали под жилые помещения, позволяя эвакуировать больше тысячи человек. Так что в человеческом измерении он оказался гораздо вместительнее. А на том месте, где обычно размещаются огневые турели, виднелся панорамный сканнер, представлявший собой специфическое сооружение из выпуклых и вогнутых тарелок, линз и направленных датчиков волновой активности. Судя по тому, что в рубке и боевых постах не горели огни, можно предположить, что миноносец работает в фоновом режиме и управляет автоматикой, скорее всего, бортовым компьютером крейсера. Экипаж там, конечно же, находился, но значительно меньше штатного расчета в количественном измерении.

Стыковка прошла без проблем, но когда старпом «Чумного денька» переступил край яла и оказался на борту центаврийского крейсера, он сразу же почувствовал, что гравитация тут несколько выше. Уж не в тяжелых ли мирах Талуриги выросла дочь Ибрагимова и большая часть команды корабля?

— Приветствую вас на борту звездного крейсера #283 «Отражение», капитан третьего ранга Зигфрид Кеплер, — произнес бортовой компьютер, чье цифровое лицо, изрядно похожее на Тимура Магомедовича, проявилось на компьютерных панелях стыковочного дока, — Сообщаю вам, что посещение корабля для киборгов строго запрещено. Если вы имеете технические приращения или органы, немедленно покиньте стыковочный узел.

— Почему запрещено? — удивился Кеплер. — Нет, я не киборг, просто интересно…

— Капитан корабля Карина Ибрагимова исповедует специфические взгляды на роль истиннолюдей во Вселенной.

— Специецизм?

— Для нее киборги и компьютеры являются обслугой и не могут претендовать на какие-то более продвинутые функции. И, пожалуйста, не говорите ей, что я вам не рассказывал о дополнительных услугах и скидках. Она заставляет меня это делать, чтобы подчеркнуть унизительную роль компьютеров в общественной жизни.

Кеплер пожал плечами и направился к выходу из дока. К его удивлению, никто из команды его не встретил. Впрочем, где находится капитанский мостик, он знал и так: все крейсера класса «Привидение» обладали схожей конфигурацией и планировкой, которая считалась наиболее оптимальной для судов

такого типа.

В носовой части корабля бурлила жизнь. Правда, не на самом капитанском мостике, а по правому борту, где технические помещения и уже опустевшие резервуары с водой и воздухом местная команда превратила в оперативный штаб, прорезав в их стенках дверные проемы. За два года запасы значительно подсократились, так чего же пропадать пустому пространству?

На подходе к мостику Кеплер остановил одного из солдат.

— Где найти капитана?

— Карину Тимуровну? Прямо и налево у лестничных проходов.

На месте, в информационном центре, заваленном аппаратурой и проекционными панелями, находилось несколько офицеров, техников и сама капитан корабля. Когда его остановили в дверном проеме и сообщили Ибрагимовой, что прибыл офицер с «Чумного денька», местное командование что-то разглядывавшее на проекционном столе, спрятало объект своего интереса в картонную коробку и поспешно расселось по углам комнаты, делая вид, что ничего не произошло.

Ибрагимова вышла вперед и пристально посмотрела в глаза Зигфрида.

— Капитан третьего ранга Зигфрид Кеплер прибыл для сбора информации, — он поднял ладонь к козырьку фуражки, отдавая воинское приветствие.

— Эта механическая рухлядь, чтоб ее гаргариски сожрали, не только вмешивается в мою операцию, но еще и людей подсылает… — гневно ответила Ибрагимова, неодобрительно покачав головой.

— Нас просто интересуют некоторые детали.

Капитан повернулась к офицерам.

— Майерс! Дай ему все, что надо. А меня прошу простить, у меня дела.

— Честь имею!

— Власть — мясу! — отсалютовала она не по уставу и удалилась к проекционному стенду.

От общей компании отделился невысокий, достаточно юный и светловолосый офицер-гагарианец. Его улыбка и легкая походка не могли скрыть тот трагичный и тяжелый боевой опыт, благодаря которому он в свои двадцать пять или около того оказался на должности командующего отрядом сенсориков. Держался он уверенно и статно, правда, без особого энтузиазма, столь характерного для его возраста.

— Старший лейтенант Джим Майерс, — произнес он, словно обращаясь к равному, — Что вас конкретно интересует?

— Военная история, — неуверенно ответил Кеплер.

— Понимаю! — не к месту выпалил старлей. Несколько секунд он стоял задумавшись, а потом пригласил жестом пройти к проекционному стенду в дальнем конце отсека. — Думаю, там нам не помешают.

Сенсорик «Отражения» бегло набрал на клавиатуре несколько команд, и в проекции появились кадры из военной хроники.

— Двести лет назад. Вы, наверное, представляете какой тогда случился бардак? Раскол в военной элите, эпидемия в мирах Караша, каракарцы собирают экспедицию в поисках так называемой «Новой родины», реквизируют флот, падение экономики, местные губернаторы планет творили что хотели. Конец Звездного союза был уже близок, всюду одиозными лидерами создавались религиозные движения, ставившие под сомнение технологический прогресс и власть Земли над дальними колониями. Говорили, что концепция неделимого космоса себя изжила, что надо создавать новые независимые миры.

— Мы плохо это проходим на уроках истории, — добавил Кеплер.

— Губернатор Двойной Арахны Мантгрийер считался порядочным человеком, но ему не хватало стратегического мастерства. Он не знал, как удержать систему под контролем Звездного союза, а потому применял сомнительные методы.

Политические вопросы в школе не проходят, а в военной академии их стараются вообще не касаться. Все, что Кеплер знал о той истории, так это техническую и оперативную сторону конфликта: количество сброшенных бомб, сумму выпущенных ракет и убитых людей. Да, говорили, что Мантгрийер сделал очень многое для сохранения единства Двойной Арахны в годы кризиса, но это всего-лишь ярлыки, за которыми старались не усматривать фактическое содержимое.

— А причем тут звездные сунниты? — уточнил старпом.

— Поклонники Каурана жили тогда на Коллекте, второй планете системы Двойная Арахна. Религия тогда не была запрещена, и они сами никого не трогали, поклонялись своему богу и никому не мешали. Когда начался период хаоса и смуты, звездные сунниты потребовали больше автономии и культурных прав. Как всегда бывает в такой обстановке, гражданские власти плохо понимают перспективу: вместо того, чтобы дать автономию и успокоить, они предпочли отказать, считая требования автономии признаком сепаратизма, и этим отказом как раз и породили самый настоящий сепаратизм. В конце концов, дошло до боев. Многие святыни оказались разрушены, миллионы людей

погибли, множество гражданских, детей.

— Мерзкая история…

— Наши звездные сунниты — отчаянная группа суфиев, которой удалось захватить пять кораблей для исследования космоса. Поскольку тогда изучение космоса смахивало скорее на военную операцию, чем на экономическую, те корабли снаряжались высокоэкранированной броней и всяческими средствами подавления излучения и радиации.

Кеплер нажал на проекторе несколько кнопок, и вместо современной политической карты галактики появились раритетные разведкорабли класса «Сфинкс». Прокрутив спецификации, он вернул галактическую карту и ткнул пальцем в Двойную Арахну, находящуюся в центре территорий Содружества.

— Что там делали разведкорабли? Коллекта в глубине наших территорий.

— Системы Моро-IV и Наргаз еще не открыли. Сафиуллин тогда казался недружелюбной и опасной системой с нестабильным солнцем, а Стронггге… да, они знали про Стронггге, но очень надеялись, что кризис разрушит экономику старого Звездного Союза и до Стронггге никому не будет никакого дела. Так и произошло. Стронггге тогда только-только начали осваивать, но из-за падения экономики горнодобытчики свернули свою деятельность, бросив все, что понастроили. Суннитам оставалось только рвануть сквозь туманность Мотра, надеясь, что в ней военные Двойной Арахны не станут их преследовать. Полтора века блаженства после кризиса никто не вспоминал про Стронггге, а потом каракарцы начали операцию по возвращению Старой родины, горели миры Караша и Вазгура, установили карантин. Сам все знаешь.

Все это выглядело существенно и любопытно, но мало что давало. Кеплер слегка отстранил жестом Майерса от проекционной панели и принялся открывать каталоги базы данных по событиям того периода, перебирая все подряд. «Отражение» получило всю базу из исторических архивов Двойной Арахны: видеоролики, карты, списки погибших, тактическая информация, технические данные по системам вооружений. Что-то должно было быть такое, что помогало бы сузить параметры поиска. Нельзя раствориться в космосе, он для этого слишком мрачное место.

Совершенно случайно Зигфриду попалась папка, скрытая в глубине цифровой библиотеки, в том массиве данных, где нет ничего любопытного — от ботаники Коллекты до репродукций живописцев с Панехеи периода двухсотлетней давности. Это

видеоблоки признаний очевидцев резни на Коллекте.

— Я не просматривал эти данные, — вмешался Майерс, — Тамерлан отнес их к незначительным, так что я не стал тратить время.

— Тамерлан!? — обратился Кеплер к бортовому компьютеру. — Попробуй просеять массив и найти что-то, что касалось бы отлета беженцев. Интересует все, что угодно: даже простые упоминания и случайные факты. Покидая Коллекту, они не могли не оставить никаких следов.

Через полчаса кропотливой работы вместе с компьютерным интеллектом им удалось собрать воедино разрозненные данные очевидцев тех событий, сохраненные в архиве. Сунниты покинули Двойную Арахну не с пустыми руками. Им удалось угнать пять кораблей, обшитых специальной маскировочной броней, ракету-носитель с запасом мобильных зондов класса «Артемида», два армейских спутника дальнего обнаружения, мощный конвертор гравитационной энергии в электрическую, колониальное и буровое оборудование, а также сборные бункеры для тактических операций разведки, которые крайне сложно обнаружить и с земли, и с орбиты. По самым скромным подсчетам, в сторону Аль-Шазр направилось не менее трех сотен радикалов.

●●●○○

Ибрагимов сидел в позе лотоса прямо на полу комнаты для релаксации, прислоняясь к валуну, покрытому для пущей убедительности искусственным лишайником. Глаза его были закрыты. Кальян стоял рядом, тонкий сладковатый запах растекался по комнате и наполнял собой все пространство. Тонкая струйка дыма поднималась вверх, туда, где капитан перед этим заткнул своей майкой щели вытяжки воздуха, через которые автоматика контролировала и оперативно выправляла состав воздуха.

Хаммерхэд нашел его не сразу. Когда же он вошел в релаксационную комнату, зажмурился от рези в глазах, отер слизистую, вовремя сообразив, чем именно решил злоупотребить капитан.

— Тимур Магомедович, вы совсем с ума сошли?

— Тихо, млекопитающее, ты мешаешь думать.

— Где вы взяли гашиш?

Ибрагимов в душе особо не рассчитывал, что Хаммерхэд тут же от него отстанет, но все равно разочаровался. Он открыл глаза, скрестил руки на груди и выпрямил ноги. Туман в

сознании создавал приятные ощущения бодрости и энтузиазма, но в то же время усталости и сухости во рту.

— Мне его дал Рохес, наш врач. — Речь его текла медленно, словно вода переливалась из одной чащи в другую, и казалась особенно чужой. — Несколько кубиков лежало в кармане у Зелемхана Фукера-Джемаля. Не знаю я как ему позволили хранить гашиш в камере, но, видимо, он нужен был ему — чтобы разыскать звездных суннитов.

— Эта отрава!?

— Звездные сунниты применяли гашиш. Он позволял им видеть прошлое, настоящее, будущее, что случилось, что могло случиться, что будет и чему никогда не сбыться. Я чувствую, что они подготовились и правильно поняли главные принципы стратегии. Мне нужен новый опыт, чтобы отыскать решение. Видимо, Зелемхан подумывал искать беженцев с помощью джинна. У нас нет мальчика, у нас нет ничего, что мы можем поставить на шахматную доску. Но надо делать шаг, или игра закончится. Ветер заметает все следы, мое сознание теряется в темноте, время останавливается, и я вижу ход событий, который вызывает опасения. В рваных дырах реальности сочится вечность, тьма отступает…

Хаммерхэд подошел ближе, наклонился и раздвинул сомкнутые веки Ибрагимова. Расширенные зрачки не реагировали на свет и действия подчиненного. Он пребывал уже где-то в своей реальности, за пределами пространства и времени, добра и зла, света и тьмы.

Оружейник хмыкнул.

— И ради этого козла я оставил «Химеру»!

Швырнув на пол медаль «За спасение утопающего», он вышел из зала и направился в кают-компанию, где его ожидали другие офицеры после дневной вахты.

До того, как по личному распоряжению адмирала Пратчетта его вырвали из веселой и дружной команды «Химеры» под талантливым и строгим руководством Амалии Росси, он слышал самые разные небылицы про распущенный и бестолковый стиль руководства кораблем, какой практиковал Ибрагимов-Костяная-Нога. Так его называли во флоте. И когда он слышал эти рассказы, не думал в тот момент, что придется служить под его началом.

Хаммерхэда инстинктивно передернуло: не то от самодурских выходок капитана, не то от того запаха гашиша, что он учуял в комнате релаксации, и который давал уже о себе знать. Усилием воли, отгоняя наступающую дурь, он перешагнул порог кают-компании.

Внутри находились связист Михаэль Немов, командир службы борьбы за живучесть Филипп Брусьев и офицер службы работы двигателя Эрнесто Фалере, молчаливый и долговязый, на чей размер никогда не могли подобрать форму. Немов и Фалере играли в трехмерные нарды, Брусьев листал прошлогодний журнал с картинками по популярной психологии и делал вид, что что-то в ней понимал. По инструкции в таких ситуациях, в какую попал Роланд, следовало бы предупреждать старпома, но, несмотря на то, что его смена закончилась, Кеплера в кают-компании давно не видели.

Хаммерхэд похлопал себя по карманам, интерком, судя по всему, он оставил на боевом мостике. Впрочем, на «Химере» всегда уважали его личное время, и, если не горел оранжевый код опасности, носить с собой интерком и позволять другим вмешиваться в собственный отдых считалось совсем не обязательным. На «Чумном деньке», как видится, установлены другие порядки.

— А где Кеплер, господа?

Немов оторвал глаза от верхнего правого угла доски и неохотно перевел их на Роланда.

— Он нам не докладывал куда идет. Свяжись по интеркому.

— Оставил на вахте…

Брусьев, что стоял рядом, молча отцепил свой от отворота кителя и протянул Роланду. Тот кивком поблагодарил его, нажал кнопку связи и несколько раз повторил фамилию старшего помощника. Эфир потрескивал статическим напряжением, Кеплер не отзывался.

— Черт знает что за корабль! — выпалил Хаммерхэд, схвативший правой рукой за голову и нервно потрепав свою блондинистую шевелюру. — Я служил на нескольких кораблях: на тральщике, на крейсере — везде был порядок! Как вы можете это терпеть?

— Мне все нравится, — буркнул тихо Фалере.

— А что такого? — уточнил Немов.

— Вот вы знаете, где сейчас ваш капитан?

— На том конце интеркома, конечно!

Хаммерхэд поморщился, шутка связиста ему не понравилась. Впрочем, он и так не склонялся к тому, чтобы шутить.

— Я его видел на четвертой палубе. Знаешь, что он там делал?

— Лишь бы опять не принялся разбирать подшипники и начинять ими ракетные боеголовки!

— Это не смешная шутка!

— Это вообще не шутка! — вмешался Брусьев, отложив в

сторону журнал. Но развивать мысль он не стал, просто пристально уставился на Хаммерхэда.

— Плевать! Он там гашиш курил.

Брусьев пожал плечами. Хаммерхэд почувствовал, как эта безразличная реакция вывела его из себя. Не зная почему, он со всего маху звезданул кулаком об косяк и вышел из кают-компании. «Смотри, Миха, а практические советы-то действуют!» — донеслись вслед слова Брусьева. Но Хаммерхэда это не волновало: он направился к лестнице на верхнюю палубу, а оттуда в сторону капитанского мостика, надеясь хотя бы там найти Кеплера. На подходе к нему его и догнал Немов.

— Слушай, — попытался он вернуться к прерванному разговору, — тебе может что-то не нравиться на нашем корабле, но ты скоро привыкнешь. Ибрагимов делает что надо даже тогда, когда сам не знает, что делает. Я понимаю твою нервозность, сам такое пережил, когда его к нам перевели. Но поверь, он неплохой человек…

— Неплохой!? Да он гребаный наркоман! Что он вообще делает в звездном флоте? Я смотрю, его все боятся. Надо что-то делать!

— Что именно?

— Наркотики — достаточный повод, чтобы передать корабль в более надежные руки, более надежному капитану, который наведет тут порядок!

— Это кто же?

— Может, это ты?

Немов рассмеялся. Сперва тихо, в мыслях сопоставив капитана Ибрагимова и свои достаточно скромные познания военного дела, которые он получил в академии на факультете связи. А потом рассмеялся сильнее и уверенней, вспомнив, что именно напоминают ему эти разговоры.

Все это они уже проходили, и закончилось все тем, чем и должно было закончиться.

— Ты даже представить себе не можешь, как покойный Джемисон нуждался в таких как ты! — воскликнул в сердцах Немов.

Улыбаясь, офицер связи направился назад в кают-компанию, оставив недоумевающего Хаммерхэда одного в коридоре.

●●●○○

Зигфрид Кеплер уединился в одной из технических кают и перебирал тактические характеристики украденного звездными

суннитами оборудования. Знаний в области истории оружейного дела ему хватало, но по части связи наблюдались явные провалы. Как минус-связь использует ультрапространство для компенсации расстояния знает каждый, кто когда-либо поднимался на борт космического судна, но чтобы понять, как действует хитрая система ретрансляторов нужно особое образование и талант связиста.

Зонды «Артемида» — кассетные армейские зонды, разработанные для маскировки передатчика и приемника минус-связи, призванные компенсировать именно то, что минус-соединение обнаруживает и первого и второго. Их разработали одновременно с самой минус-связью. Стандартная ракета, содержит в несущей части сотню таких зондов. Но и у этой контрмеры есть собственный недостаток: зонды сами по себе являются всего лишь ретрансляторами сформированного пакета сигналов, и если такой источник не замаскировать должным образом среди зондов, его можно сбить, разорвав ретрансляционную сеть.

«Куда же они дели второй спутник дальнего обнаружения? — не то пробормотал, не то подумал старпом. — Не могли же они его потерять по дороге».

Собрав выкладки в один файл, Кеплер направился обратно в информационный центр, где снова застал офицеров за подозрительным занятием. В этот раз он не стал останавливаться по приказу дежурившего мичмана, жестко отстранил его в сторону и направился прямо к проекционному стенду, над которым сгрудилось командование «Отражения».

Когда он раздвинул руками ближайших офицеров, увидел, что на столе стоит аквариум, в котором на дне копошился небольшой осьминог, странное головоногое с Земли, практически такое же полумистическое, как и гаргариски. Он размахивал своими щупальцами, примеряясь к разложенным на дне разноцветным кубикам с надписями. Команда смотрела на него зачарованно, как смотрят на скачки с тотализатором. Через некоторое время осьминог все-таки решился и поднял один из кубиков.

«Он поднял „W“!», «Что это?», «Что?» — понеслось по кругу.

— Это планета ближе к желтым солнцам, класс «Г». Мы ее уже просматривали сегодня по всей экваториальной зоне… Смотрите! Смотрите, он тянет следующий!

— «L»!

— Эту планету мы еще не наблюдали на этой неделе, — подала голос Ибрагимова. Сенсорики… Блонски, Майерс, займитесь этим.

Только когда приказы уже раздали, капитан отбратила внимание на гостя.

— Тебе чего, слуга роботов?

— У меня есть предложение получше, чем играть в рулетку.

— Это наш осьминог-предсказатель. Не думаю, что его услуги чем-то лучше других вариантов. Мы все-таки тут уже два года и перепробовали разные методы.

Кеплер включил проекционный стол и вывел расположение зондов-рестрансляторов на карту звездной системы. Из-за того, что аквариум со стола так и не убрали, проекции появились и внутри емкости с водой, значительно искаженные плотной средой. Осьминог, испугавшись, изменил окраску и практически слился и с донными камнями и с синими линиями проекции, показав на своей коже причудливый рисунок.

— У сети ретрансляторов есть источник, который передает сигнал. Нам надо найти все расположения зондов и выбрать наиболее аномальные…

— Зонды разбросаны по всей системе. Их около сотни, мы отследили процентов семьдесят, — произнес офицер связи, у которого на кителе висела табличка «Дмитрий Хазов». — Один в жерле вулкана, другой на орбите желтого солнца, третий на дне выработанной шахты, четвертый утонул в океане. Что именно считать аномалией?

— Это все какие-то киборгские уловки, — нервно бросила капитан. — Надо продолжить поверхностное наблюдение, изменить настройки и комбинации фильтров.

Кеплер набрал несколько кнопок и вместо сети ретрансляторов в проекции появился макет спутника дальнего обнаружения.

— Еще меня беспокоит второе устройство. Первый такой спутник они разместили на границе звездной системы, чтобы наблюдать за визитерами. А где второй? В этом устройстве используются сложное оптическое оборудование и лучевые излучатели. Если они используют его на своей планете чтобы следить за нами, то удастся засечь излучение и блики оптики.

— Наши сенсорики уже все перепробовали, — прокомментировал Хазов.

— А понижения гравитации в районе действия конвертора гравиэлектричества? Пики кривой на сканнерах сложно не заметить!

— Я же говорю, все проработали. Что не понятно?

— Так уж и все?

— Мы в системе уже два года. А вы тут всего несколько дней, и уже начали учить нас делать свою работу. Не много ли на себе

берете, Кеплер… или как вас там…

Понимая, что задачу не выполнить в спорах с офицерьём, Зигфрид, не прощаясь, покинул информационный центр и направился обратно в техническую каюту, где мог бы остаться один на один с бортовым компьютером. К тому моменту, как только он переступил порог, у него уже появился приблизительный план исследований.

— Тамерлан, попробуй составить статистику расположения зондов: сколько находится на орбите, сколько под водой, сколько упало на какие планеты по категориям, сколько на астероидах. Попробуем выбрать статистически единичные. Возможно, наши друзья совершили классическую ошибку, разбросав зонды как получится, а источник сигнала минус-связи оставили при себе.

— Что делать с промежуточными результатами?

— Все отправляй Немову на «Чумной денек».

Как только началась обработка массива, а на панели появились первые строчки со смешными значками технической информации, Кеплер расслабился и лег на небольшой сидячий диван, расположенный тут же, у дальней стены отсека. Ручки на нем, с ободранной солдатами-алкоголиками кожей, стали удобными и приятными на ощупь подушкой для головы и ног.

Навалившаяся ответственность утомила. Разболелась голова, а такого недуга за собой Зигфрид никогда не замечал. Впрочем, может это излучение реликтового электромагнитного поля вокруг голубой звезды? Михаэль что-то говорил про звезду. Кажется, что туда тоже вели сигналы минус-связи. Но как можно разместить зонды на поверхности горящего светила? Никакой зонд не выдержит. Да и зачем размещать зонды на звезде, если в системе и так полно мусора, к которому можно прилипнуть?

Он пошарил под диваном и нашел старый лоттер, оставленный техниками. Старинный, местами покрытый несмываемыми пятнами масла, он все же хорошо работал. Перебирая пальцами по виртуальной клавиатуре, Кеплер вызвал на экран изображение электромагнитного вихря вокруг звезды.

«Там что-то происходит» — произнес он тихо.

Не торопясь, старпом поднялся с дивана и подошел к терминалу.

— Тамерлан, мы можем посмотреть на звезду?

— Сожалею, капитан Ибрагимова распорядилась развернуть панорамный сканнер в сторону планеты B-515, но в моей базе данных хранятся все изображения и видеозаписи звезды за весь период наблюдения.

— Покажи мне тот отрезок, когда с нами связались звездные сунниты.

На видеопанели появился гигантский светящийся голубоватый сфероид. По сравнению с ним все окружающее казалось настолько малым и незначительным, что и вовсе не отображалось на экране. Только черное и голубое, и два шарика желтого где-то на краю экрана, слегка подсвечивающих изображение зеленоватым светом.

Зигфрид приблизил изображение. На фотосфере при детальном рассмотрении виднелась отчетливая грануляция из-за конвекции плазмы, флоккулы, спикулы, солнечное пятно на экваторе, три коронарные петли на северном полюсе — вроде все, как и должно было быть на родной звезде Кеплера, далеком желтом карлике по имени Солнце. И ничего, что могло бы напоминать зонд минус-связи.

Меж тем в коммуникационной сетке, выведенной на экран Тамерланом, отчетливо виднелись девять зондов «Артемида», разбросанных на разном удалении от светила, посылавшим сигнал в сторону звезды и получившим отзвук сигнала. Значит, какой-то зонд там есть. И он не просто так невидим для электронной разведки, визуального наблюдения и панорамного сканнера.

Кеплер усмехнулся, вспомнив историю с «Химерой». Правда, тот случай не походил на этот, но неприятные чувства тщетности и неизбежной развязки порождал точно такие же.

Не может же звезда сама создавать канал связи! Кеплер перенес на лоттер данные по спутникам, соединившимся с неизвестным ретранслятором в районе голубого гиганта, и уже открыл дверь в коридор, как его отвлек сигнал интеркома.

— Старпом, ты где шляешься? Кто управляет кораблем? — послышался голос Ибрагимова.

— Я пытался найти решение. И, кажется, я очень близок к разгадке…

— Ты, сборище эволюционных дефектов, я поставил тебя командовать кораблем как старшего помощника. Если бы я просил тебя заниматься поисками, то сидел бы ты у сенсориков вместо Плахова. Сейчас, я вижу, что поторопился. Думал, из тебя выйдет нормальный старпом, а ты ни рыба, ни вор…

Кеплер повернулся было лицом к выходу, и сделал шаг через порог, как нос к носу столкнулся с Кариной Ибрагимовой, стоящей напротив двери.

— Я бы сказала «не пойман — не мясо»… — произнесла она, пораженная неожиданной догадкой. — Папа!?

— На счету абонента недостаточно средств чтобы принять ваш звонок, — полумеханическим голосом забормотал Тимур Ибрагимов, изображая автоответчик оператора обычных бытовых

квантфонов. — Попробуйте позвонить позднее.

Сигнал интеркома стих. Капитан «Отражения» и старпом «Чумного денька» стояли друг напротив друга и не знали, что сказать.

III
Крещендо

Ибрагимов бросил интерком и для верности снял китель и набросил его поверх средства связи, чтобы не видеть эту синюю коробочку с красной мерцающей кнопкой. Потрясенный разворотом событий, он еще некоторое время стоял, облокотившись на крышку стола, и не заметил, как рядом нарисовался Макаров.

— Что думаешь по этому поводу? — спросил капитан своего адъютанта.

— Я думаю, это классическая загадка «как найти льва в пустыне»…

— Да нет, я про… А, ну ладно…

Макаров пожал плечами. После минутной паузы он добавил:

— Нам ее задавали на факультативе по решению технических задач. В общем, есть куча методов — математических, физических и технических — чтобы поймать льва, который оказался в пустыне.

— Продолжай, — задумчиво произнес Ибрагимов.

Мысли капитана блуждали уже где-то далеко. Он на автомате достал из кармана брюк небольшую коробочку, винтажно стилизованную под дерево, и открыл ее. Внутри лежали кубики с веществами разной величины, аккуратно и с любовью обернутые в пластиковую полупроницаемую бумагу. На некоторых от руки приписано «минутка», на других «часок», на третьих — «суточки». Этим и определялась глубина бреда, заключенная в упаковках.

Капитан занес руку над коробкой и, секунду помедлив, взял «часок». Распаковывать при Макарове он не торопился, хотя и оглядывался осторожно на отделение стола, где лежала колба.

— Ну так вот, было много всяких вариантов, и все они хорошие. Вот, например, толковый, основанный на методе Больцано — Вейерштрасса. Рассекаем пустыню линией, проходящей с севера на юг. Лев находится либо в восточной части пустыни, либо в западной. Предположим для определенности, что он находится в западной части. Рассекаем ее линией, идущей с запада на восток. Лев находится либо в северной части, либо в южной. Предположим для определенности, что он находится в южной части, рассекаем ее линией, идущей с севера на юг. Продолжаем этот процесс до бесконечности, воздвигая после каждого шага крепкую решетку вдоль разграничительной линии. Площадь последовательно получаемых областей стремится к

нулю, так что лев, в конце концов, оказывается окруженным решеткой произвольно малого периметра.

Ибрагимов посмотрел на подчиненного с надменным и нарочитым удивлением.

— Ты заработался!

— Есть еще один. Поскольку связность тела льва, во всяком случае, не меньше, чем связность тора. Переводим пустыню в четырехмерное пространство. В этом пространстве можно непрерывным образом выполнить такую деформацию, что по возвращении в трехмерное пространство лев окажется завязанным в узел. В таком состоянии он не окажет никакого сопротивления. Это мой приятель предложил. Светлая голова! Погиб при бомбардировках Талуриги. Брусьев его знал…

— А ты что предложил?

— Поймать кошку и в протоколе поимки оформить как льва.

Ибрагимов жестом прогнал из кабинета Макарова, обошел рабочий стол и достал из нижнего отделения составные части кальяна, потом вернулся к дивану и соединил воедино детали устройства. Не торопясь, он раскурил его и, заткнув все щели в вентиляции, под дверью и между помещениями, сел на пол в позу лотоса и затянулся как оно того и требовало.

Горячий пол, нагретый работающими этажом ниже ионными двигателями, светился, словно песок в пустыне. Ибрагимов положил на раскаленную поверхность ладони и оттолкнулся, подлетая вверх на метр или полтора, левитируя над бесконечными мириадами крупинок из окиси кремния. Вдали он видел Землю — полузабытое великое Трансгенное Яблоко, в котором прогрызали ходы поперечно-полосные черви человечества. Над пустыней тройное зеленое солнце взошло и закатилось, отражая песок миллиардами звезд на темном ночном небе.

Он летел туда, где виднелись всполохи зарницы. Мимо проплывали под ним барханы, холмы и песчаные взгорья. Словно, не замечая его, на одном из таких холмов стоял Макаров. Он вывел на песке свое имя и, словно совершив некий магический ритуал, призвал молнию, сорвавшуюся с безоблачных темных небес. Как по волшебству пред ним из песка поднялась клетка, сплетенная структурами тринитита, природного стекла.

Внутри клетки разверзлось окно гиперпространственного перехода. Видимо, выход врат находился в космосе. Из-за перепада давления врата начали втягивать в себя всю пустыню, песок, барханы, да, кажется, и сами звезды! И вот через некоторое время к вратам подлетала и туша льва, которая барахталась в воздухе, беспорядочно размахивая своими лапами. Царь зверей

застрял во вратах, не имея никакой возможности пройти в небольшое и тесное окно. Макаров закрыл врата гиперперехода и дверь клетки, в которой оказался пойманный лев.

Ибрагимов, сложив руки в мудры и закрыв глаза, продолжил свой полет над песчаной равниной.

Небо вспыхнуло, и начался истинный звездопад: яркие точки падали в пустыню, поднимая вверх комья сырого песка. Остывая, они превращались в те наградные звезды, что крепят под сердцем. И вот Ибрагимов уже сам в сферической клетке.

«Ни одной душе не будет дан груз больший, чем она способна поднять» — произнес Ибрагимов. И камни, сокрытые под поверхностью пустыни, начали свое падение вверх. Там, в самых верхних слоях атмосферы, которые и атмосферой-то назвать трудно, горели линкоры Содружества, распадаясь и полыхая, как маленькие солнца.

Инверсия пространства. Все, что было снаружи клетки, оказалось внутри, включая всю пустыню и маленького льва, игрушечного, не больше мокрицы. Ибрагимов оказался снаружи клети. Он слегка махнул рукой и клетка отварилась, но лев не выходил в неизвестный и непознанный мир, а оставался внутри, глядя на распахнутые ворота.

Там, где горели корабли Альянса, теперь проплывали кверху брюхом дохлые рыбы. Они не махали своими хвостами и плавниками: просто стекали по сферическому небосводу с вершины вниз, куда-то за горизонт. Их гнилые головы и еще не тронутые тленом хвосты по-разному отражали звездный свет, и когда они удалялись, только серебряные хвосты отмечали их путь вдаль.

«А те, которые не веровали и считали ложью наши знамения, они — обитатели огня».

В трансе он видел будущее. Над пустыней, высоко в небе горели десятки миров, и начиналось великое рассеяние. Люди, дезорганизованные, слабые, не способные объединиться в единую силу, падали перед ударами космоджихада. Над великими городами истиннолюдей возвышались черные знамена. Взорванные луны Дальгара, разрушенные орбитальные батареи Алеакса, масштабные сражения, куда вовлечены тысячи боевых кораблей, в пределах Караша, опустошенные орбитальными бомбардировками поля Нолгара-III.

Не имея возможности отделять будущее от кошмаров, Ибрагимов взлетел на самый высокий песчаный холм и встал на его вершине ногами. Потом опустил взор: пред ним лежал полуистлевший-полуизъеденный падальщиками труп льва.

«Все безраздельно у Аллаха. Господа миров, — произнес

мертвый зверь, а потом хитро улыбнулся, встал на свои костяные и сгнившие лапы и резво сбежал с холма. Пока он сбегал по песчаному холму, он прорычал: — Не облекайте истину покровом лжи. И не старайтесь утаить её. Когда вы суть её уже постигли!»

Черное небо треснуло, обломки — побольше и поменьше — начали рушиться на поверхность пустыни, разбиваться в дребезги и окрашивать желтый песок в черный цвет ночи. В зените стояло три зеленых солнца, освещающих небесную твердь. Низ стал черным, верх — светлым, все снова переменилось по сравнению с недавней ночью. Звезды облучали пустыню медленными нейтронами. Внутри льва росла радиоактивность, и он начал разваливаться на части. Ибрагимов подождал достаточно долго, чтобы у внутренних тканей льва начался распад, и он уже не мог оказать никакого сопротивления.

Умудренный внетелесным опытом, Ибрагимов спустился с холма к еле дышавшему животному, над которым возвышался Кеплер. Старпом пнул животное, и из его живота начала прорастать конопля, прямо на глазах буйно разраставшаяся по всей черной пустыне.

— Черное пятно, товарищ капитан, — произнес старпом, указывая на островки ночного небесного стекла, проступающего из-под травы. — Там что-то происходит…

●●●○○

Кеплер сидел в техническом помещении, пропитанном духом марры и тошноты. Перед ним горело три монитора: на одном динамическая съемка поверхности голубой звезды в течение недели с шагом 1 секунда — 1 час реального времени, на втором виднелся дигитальный аватар Тамерлана, сортирующего данные архива, а на третьем Михаэль Немов, развалившийся на своем традиционном кресле по правому борту информационного центра. Последний небрежно двигал свой завтрак, упакованный в пластиковый контейнер, по столу и валял дурака, изредка поглядывая на монитор.

— Я не могу понять, что именно не так, — пробормотал Кеплер. — Там явно есть какая-то активность, но в чем именно причина, я понять не могу.

— Может, ты не так фильтры настроил, Зигфрид?

— Фильтры в порядке. Мы с Тамерланом перепробовали разные…

Он поднес руку к цифровой панели, вызвал на экран клавиатуру и посменно начал включать фильтры один за другим

— инфракрасный, красный, синий, ультрафиолетовый — по очереди каждый и в их комбинации. На одних лучше виднелись протуберанцы, на других солнечное пятно, на третьих грануляция солнечной поверхности, — но никаких существенных аномалий или артефактов в фотосфере звезды нет.

Кеплер откинулся на спинку кресла и расслабился.

— Может это ложный путь? — спросил он скорее у себя, чем у Немова.

— Скорее всего. Впрочем, если ты в течение нескольких часов не найдешь того, чего ищешь, лучше возвращайся обратно на корабль, а то капитан негодует, и команда в раздрай пошла. Вон уже и Хаммерхэд косо смотрит.

— Ладно. Сейчас только скажу местным, чтобы данные тебе перебросили, и сразу на «Чумной денек». У меня тут и с аборигенами проблемы. С его дочерью в основном.

Зигфрид нажал кнопку интеркома и вызвал сенсорика Джима Майерса. Тот не торопился спускаться на техническую палубу к Кеплеру. Прошло, наверное, минут сорок, прежде чем офицер открыл дверь техпомещения и шагнул внутрь, закрывая рукавом нос и другой рукой отмахиваясь от маррового запаха.

Старпом уже собирался уходить, закрыл все открытые папки и архивы и отключил терминал, по которому связывался с Тамерланом, как Майерс беспричинно ухмыльнулся и ткнул пальцем в экран с голубой звездой.

— Это что, компьютерная модель?

— Нет, фотографии панорамного сканнера.

— Если это фотография, то что вот это? — Майерс ткнул пальцем в солнечное пятно.

Ответ, казалось, лежал на поверхности. Кеплер и Немов переглянулись и практически в один голос ответили: «Солнечное пятно».

Майерс покачал головой.

— Друзья, вы где учились?

— Звездная академия имени Армстронга на Марсе, — тихо произнес Кеплер.

— Я про среднюю образовательную школу спрашиваю, а не про академию! Это в восьмом классе проходят! Темные пятна на звездах — это зоны выхода через поверхность фотосферы сильных магнитных туннелей. Магнитное поле, этакая электромагнитная грыжа, подавляет конвективное движение вещества и снижает поток переноса тепловой энергии в этих областях. Но магнитные поля выглядят как закольцованные трубки. Поэтому солнечное пятно образуется на выходе магнитного туннеля сквозь фотосферу, а второе, ответное, по соседству, там, где туннель

входит под фотосферу обратно. Одиночные солнечные пятна бывают только в момент своего возникновения — очень недолго. Поле может распадаться на рукава и образовывать множество пятен, но никак не меньше двух!

Кеплер снова уставился в монитор. Пятно, вытянутое по направлению вращения звезды, с ярко выраженной головной частью и хвостом, было одиночным.

— А раньше вы его разве не фиксировали? — уточнил Немов.

— Нет, оно появилось сразу же, как только…

— …сработала минус-связь, — закончил за Майерса предложение Зигфрид Кеплер.

Майерс в знак подтверждения догадки кивнул, кивнул и Немов, и даже Тамерлан.

Что-то вспоминалось из школьного курса. У звёзд-карликов конвективная оболочка снаружи, а ядро с лучистым переносом внутри. А у горячих звёзд вроде голубых гигантов, наоборот, конвективный центр и зона с лучистым переносом снаружи. Поскольку пятна и создающее их магнитное поле обязаны своему существованию конвекции в плазме, то, получается, пятен на этих звёздах по идее не должно быть вообще. Тем более таких аномальных.

— Мы можем послать туда зонд? — уточнил у Майерса старпом.

— Электромагнитный вихрь не позволит подойти слишком близко. Но приблизиться на достаточное расстояние к пятну мы можем. Дайте мне тридцать часов на настройку и заправку зонда и на полет к звезде — и мы увидим первые картинки вблизи — решительно ответил сенсорик.

Его энтузиазм можно понять. Впервые за два года появилась хоть какая-то зацепка. И это зацепка — его!

Кеплер отключил все оборудование и вышел из помещения следом за Майерсом, но направился не в центр управления, а к стыковочному узлу. Даже если бы они нашли что-то серьезное, это еще не решение проблемы. Пятно может оказаться чем угодно, и не обязательно рукотворным.

Но если это все-таки какая-то хитрость звездных суннитов, то в чем бы она заключалась? Кеплер попробовал поставить себя на место беженцев. Мысленно он взял спутник дальнего обнаружения, который те похитили в Двойной Арахне, приделал к нему с помощью воображения конвертор гравиэлектричества и откалибровать его так, чтобы тот мог превращать притяжение звезды и, разорвав поверхность фотосферы в локальной зоне, соединить магнитный туннель под поверхностью с реликтовым излучением вокруг звезды. Что дальше? Покрыть внешнюю

сторону солнечной батареи спутника абсолютно черным телом, и запаковать весь спутник в скорлупу астероида. При этом это надо сделать так, чтобы можно было распаковать обычным передатчиком на основе лазерной двухсторонней межкорабельной связи когда возникнет необходимость. Это могло бы сработать, но все равно теория оставалось всего лишь догадкой без каких-либо доказательств.

Кеплер как никогда сейчас нуждался в совете со стороны.

Уже у стыковочного узла он остановился и нажал кнопку интеркома, вызывая самого неожиданного человека, которого мог придумать. Макаров ответил не сразу. Лишь когда прозвучал седьмой звонок, эфир щелкнул, и послышалось его привычное хриплое «слушаю».

— Можно ли замаскировать спутник под солнечное пятно?

— Ну ты спросишь тоже… теоретически все можно…

— В походных условиях?

— Надо хорошенько подумать. Думаю, Ибрагимов что-нибудь придумал бы в такой ситуации. А что? Возникла такая необходимость?

— Пока не знаю, — бросил Кеплер и отключил связь.

Старпом миновал проход и оказался внутри помещения. Ял стоял на приколе в дальнем углу стыковочной палубы — перемещенный лебедками и блоками подальше от самого шлюза. Он рассматривал эту компактную и в меру эксплуатированную посудину со второго этажа, облокотившись на перила.

Внутренний голос подсказывал ему, что как человек он сделал то, что должен был, даже в ущерб своим профессиональным обязанностям. Оставались какие-то технические детали, ускользавшие от его взора, всякий раз, когда он пытался разобраться, но эту часть доделает Михаэль Немов и Джим Майерс. А по совести надо возвращаться к своим прямым обязанностям — к тому, что он не умел и не любил.

●●●○○

Как и обещал сенсорик «Отражения», зонд оказался в поле прямой видимости уже через двадцать восемь часов. Электромагнитный вихрь мешал работе сканирующей аппаратуры, но на скромных кадрах, которые она прислала, с трудом угадывалось солнечное пятно. И самое главное, оно не выглядело подделкой. Если спутник дальнего обнаружения, который звездные сунниты использовали как транслятор сигнала, и прятался в центре солнечного пятна, они слишком хорошо его

замаскировали — в черном мраке невозможно разглядеть абсолютно ничего.

Впрочем, результат от операции все же проявился: Стоило зонду приблизиться к реликтовому вихрю, оборудование зафиксировало активизацию минус-связи по всей звездной системе, в том числе и там, где предполагался скрытый спутник — на поверхности звезды. Лишь появилась минус-связь, в приемниках послышался голос Ибрагима Нокриба. И на этот раз безудержного веселья в его словах и интонации совсем не чувствовалось.

— Мой шейх говорит, что хочет вступить в переговоры, — произнес он отрывисто и быстро.

— И это все? — спросил его Тимур Ибрагимов. — Никаких тебе шуточек про ослов и падишахов? Я разочарован. Просто разочарован!

— Слушай, кафир, мы с тобой серьезные люди и не должны опускаться до мерзости и сквернословия — так написано в Кауране! Шейх милостив и готов вступить с вами в общение. Я высылаю вам координаты, там вы найдете, с кем состоятся переговоры. Если на то будет воля Аллаха, и вы и мы получим то, что хотели бы перед ликом Его.

На экране появились первые данные о месте, про которое говорил Нокриб. Ибрагимов, не отрываясь от микрофона, постучал пальцем по монитору с координатами, привлекая внимание Немова, а потом ткнул пальцем в большой экран посреди информационного центра. Связист вызвал координатную сетку на большой экран. С виду место казалось пустынным — планета категории «Г», небольшие горы и расселины, по котором текли непригодные для питья реки.

— Я так понимаю, что это акт капитуляции? Чем это мы вас так задели? Слишком пристально приглядывались к солнечным пятнам? — съехидничал Ибрагимов.

— Сколько бы не говорили «халва», лишь бы не плакали…

— Даже я не сказал бы лучше, эфенди!

Минус-каналы начали по одному исчезать из проекционного поля приблизительной модели, которую предусмотрительно создал Плахов. И вот уже в проекции плавали отдельные планеты, не связанные между собой нитями телекоммуникации.

— А наш скромняга определенно психует, — произнес Макаров, когда установилась тишина.

— Кеплер прав насчет спутника, — добавил Немов. — Вон как сразу засуетились! Переговорщиков засылают.

Ибрагимов отпрянул от приборной доски и пристально посмотрел на панорамную фотографию пейзажа, где им

следовало подобрать представителей. С виду местность ничем не отличалась от диких пейзажей десятков планет в системе Сафиуллин — такая же нетронутая человеком первородная грязь, от которой защитники экологии приходят в неописуемый восторг. Если что-то и располагалось в этой точке — человек, корабль или бункер — оно находилось под поверхностью.

— Тут какой-то подвох, да? — спросил капитан у офицеров, находящихся в информационном центре.

Немов отнял наушник от уха.

— Товарищ капитан, в секторе замечено движение. С «Отражения» уже стартовал звездный ялик. Они готовятся поднять на борт пассажира.

— Так быстро?

— Может, готовились заранее? — произнес Макаров.

В эту минуту поступил сигнал минус-связи. Сперва Ибрагимов спрятался за капитанскую стойку, а уже потом Немов включил соединение. На экране проявился образ Карины Тимуровны. Она поднесла ко рту сигарету, затянулась, шумно выдохнула ноздрями, и только после этого заявила:

— Магеллан выразился четко — это наша операция. Надеюсь, ни у кого нет иллюзий насчет того, что именно на нашем корабле пройдут переговоры по сдаче? Я буду представлять силы Содружества в переговорной группе. Вопросы есть? Ну, разумеется, нет!!

Когда экран погас, Ибрагимов поднялся из-за стойки и поправил китель, нарочито его перекосив влево, расстегнув верхние две пуговицы и застегнув одну из них на непарную петлю.

— Макаров, Плахов! Вы летите к ним. Будете представлять наш корабль при переговорах, а заодно разведаете, что замышляет эта стерва. И еще, распорядитесь принести ко мне в кабинет одежду техника погрязнее, настойку марры, банку мазута и какое-нибудь отвратное курево. Лучше из тех, что матросня курит в то время, когда я отсутствую на территории крейсера. И поживее, поживее!

●●●○○

Через два с половиной часа, пока челнок с «Отражения» еще не достиг планеты назначения, Макаров и Плахов находились уже на борту второго крейсера. Ибрагимов пошел с ними, нарядившись грязным, пропитым и прокуренным техником из службы работы двигателя. В таком виде его не признали солдаты

с корабля собственной дочери.

Лишь только все трое ступили на борт, охранники стыковочного шлюза, вооруженные и защищенные полевой броней, оттеснили их в дальний угол, очищая пространство для прибытия дипломатов. Никакие протесты они слушать не хотели: очевидно, Карина дала четкие установки не допускать любыми средствами офицеров «Чумного денька» к ее долгожданному успеху. И они делали это с особым удовольствием и воодушевлением, заградив всем троим проход кинетическими бластерами, словно это шлагбаумы.

Из-за неожиданной развязки все «Отражение» стояло на ушах: по первому и второму уровню сновали люди, занимаясь в спешке приготовлениями к прибытию гостей. У прохода, ведущего в информационный центр, зачем-то воткнули флаг Содружества, причем вверх ногами. Мониторы Тамерлана спешно отключали от сетей и замазывали черной краской, чтобы тот случайно не вмешался в ход событий.

Ибрагимов сел на пол, достал из кармана отвар марры, на прошлой неделе изъятый у техников силовой установки, отхлебнул немного и выдавил из себя нарочито пьяным голосом: «Пропустите! Блин, нас капитан реально убьет!». Но солдаты своим видом убедители его, что вообще не считаются с их мнением.

Только минут через сорок, когда по всем расчетам ял должен был снизиться и подобрать парламентеров, на интерком Макарова поступил вызов от Немова. Сообразив в чем дело, адъютант, не включая связь, сразу же передал устройство капитану.

— Кэп, тут такое дело… — начал издалека офицер связи. — Бортовой компьютер не в ладах с начальством. Он связался с нами и передал первые картинки из яла…

— И что?

— Тут что-то странное. Команда спустилась по указанным координатам. Там действительно находился двухместный бункер длительного проживания. Больше на планете ничего: словно сунниты заранее готовились к такому повороту событий. И еще… переговорщик один…

— Как один?

— Это не группа. Один переговорщик. И ведет себя как-то странно…

Когда солдаты из охраны начали проявлять повышенный интерес к переговорам по интеркому, Ибрагимов отключил устройство. Но и без лишних слов Макаров все понял правильно.

— Это не то, чем кажется? Западня? — спросил уклончиво

адъютант.

— За-пад-ня? — повторил Ибрагимов, разбирая это старинное слово по слогам, словно пробуя его на вкус. — Да ладно, ничего страшного. Как говорит в таких случаях народная мудрость: «троянский конь борозды не испортит»!

Плахов слегка наклонился к сидящему на полу капитану.

— Думаю, Тимур Магомедович, надо форсировать события.

Тот утвердительно кивнул.

Пару минут сенсорик стоял ровно, обдумывая варианты побега. На его лице то появлялись признаки озарения, то они сменялись признаками грусти или глубокой сосредоточенности. Словно он сам то убеждал, то отговаривал себя от излишней буйности и авантюры.

Вскоре, пристально посмотрев немым укором на капитана и не дождавшись от него санкции, Плахов сделал шаг вперед. Ему навстречу сделал шаг один из солдат: довольно щуплый для такой службы, но, видимо, показавший себя в деле в качестве космопехоты. Только сенсорик хотел открыть рот, как с пола поднялся Ибрагимов, вцепившись Плахову в рукав чтобы сделать это резко и, одновременно, одернуть его.

— Не знаю как офицерам, но мне надо в сортир! — произнес он.

— Ну и дисциплинка у вас: солдатня офицеров за рукава хватает! — промычал охранник.

— В сортир-то можно?

— Подождете.

Ибрагимов пожал плечами.

— Ну, смотрите! — Он отвернулся к стенке, расстегнул штаны и уже изготовился было справить нужду прямо в шлюзовом отсеке.

Солдат схватил его за плечо и рывком развернул лицом к себе.

— Ты что, с ума сошел, служивый!?

— Нужник где?

Солдат накинул на плечо ремень кинетического бластера, отвел оружие за спину и поворотом головы указал куда следовать. Макаров и Плахов тоже изъявили желание идти в туалет, и после небольшой перепалки — скорее для проформы, чем со зла — солдаты отпустили и их.

Сперва худощавый боец хотел отвести их в обычный солдатский сортир, но после протестов повел на верхнюю палубу, в офицерский гальюн, который закрывался на ключ и хранился в особой чистоте. Как у дежурного, у солдата такой ключ был.

Непредусмотрительно охранник вышел вперед колонны,

указывая направление движения, два офицера и Ибрагимов шли позади него.

— А это правда, что ваш капитан собственными руками убил каракарского генерала, вырвал у него сердце и печень, съел их? А потом еще и забрал ритуальный меч? — осторожно спросил солдат у тех, кого сопровождал, когда они миновали лестницу на верхнюю палубу.

Обсуждать досужие сплетни не хотелось. Тем более в присутствии того, вокруг кого они выстроены. Солдаты в далеких походах придумывают самое разное. Кое-что оказывается правдой, но иногда слухи становятся чересчур абсурдными даже по самым смелым меркам команды «Чумного денька».

— Не печень, а мозг, — твердо поправил Макаров.

— Батюшки, — пошептал солдат. — А я думал глупости всякие рассказывают. Эвона как оказывается…

Вчетвером они поднялись на верхнюю палубу, дошли до офицерского сортира, но дальше вступил в действие план Ибрагимова. Только-только солдат открыл магнитным ключом дверь, Плахов и Макаров втолкнули его в помещение и, даже не отнимая кинетического бластера, заперли снаружи. Тот даже не успел понять, что произошло.

— Эй, вы чего творите?

Но трех гостей уже и след простыл. Он несколько раз ударил прикладом в области замка, да только двери и переборки кораблей всегда делали достаточно надежными, чтобы пережить разгерметизацию, не то что выстрелы из бластера.

Спрятав ключ за прикрепленную неподалеку панель аварийного управления, Ибрагимов, Макаров и Плахов направились обратно, в сторону носа корабля. На этой же палубе находился информационный центр, и если представителя звездных суннитов посадят за стол переговоров, этот стол будет стоять именно в том помещении.

Они не успели дойти не только до центра, но и даже до лестницы, по которой они поднялись из шлюзового отсека. Голоса послышались задолго до того, как Ибрагимова со своей свитой поднялась по лестнице и показалась из-за угла. Инстинктивно все трое отвернулись, делая вид, что у них рабочий перекур. Не обращая на них никакого внимания, молодой капитан прошла вперед и вскоре скрылась за поворотом, ведущим на капитанский мостик и к резервуарам для воды и воздуха, ныне служащим информационным центром. Хвост из семи человек — офицеров, солдат и техников растянулся на десять метров. Словно комета, она пронеслась по коридору, оставляя после себя остаточный след из людей, тянущихся гуськом за ней. Вскоре и свита исчезла

за поворотом.

Ибрагимов слегка похлопал по плечу Макарова:

— Давай за ними. Узнай, что замышляют эти членистоногие. Только особо не высовывайся.

Адъютант кивнул и направился следом за местным офицерством, тихо ступая по резиновым настилам коридора. У угла он остановился, прильнул к стене, высунулся, убедился, что за ним никто не стоит, смело прошел дальше и исчез из виду.

— Что будете делать? — уточнил Плахов у капитана.

— Кеплер нашел общий язык с бортовым компьютером. Пойду, пообщаюсь с ним как киборг с роботом. Может, получится вывести Карину из игры.

— Тогда я попробую перехватить переговорщика, — резюмировал Плахов и, улыбнувшись, побежал по ступеням вниз, туда, откуда вышла свита капитана «Отражения».

Сам Ибрагимов, достал бутыль с маррой, окропил себе плечи и грудь, подобно тому, как охотники всяческими пахучими веществами пытаются сбить свой запах и отпугнуть прожорливых лесных насекомых, и направился в сторону кормы, где располагалось достаточно помещений с терминалами, позволяющими безопасно и незаметно связаться с бортовым компьютером.

Вскоре он оказался на месте.

Техническая комната сродни той, в которой он находился, когда его собственный бортовой компьютер сошел с ума во время инцидента на «Ямантау». Темное помещение семи квадратных метров, в котором несут боевое дежурство техники по системам жизнеобеспечения, три терминала и аварийная лестница, ведущая вниз, в помещение с силовой установкой двигателя. Разумеется, когда оранжевый или красный код тревоги, тут всегда полно народу. Но сейчас, когда ни прямой, ни косвенной опасности нет, местный капитан попустительствовал разгильдяйству.

То, что здесь выпивали в тайне от начальства, видно по многим признакам. Тут и брошенные на полу кружки с налетом подозрительного коричневого цвета, и нарисованная на стене маркером «кошка, вид сзади». Даже носки, повязанные узлом вокруг батареи отопления, могли быть закреплены именно так только потому, что техникам не хватило трезвости просто положить их на нейтронный накопитель этажом ниже, где носки обычно высыхают втрое быстрее. В своем нынешнем виде, Ибрагимов весьма органично сливался с пейзажем.

Убедившись, что в округе не слышно шагов, раз уж вся жизнь переместилось сейчас в сторону носа, капитан включил все три видеопанели. На первой он вывел канал связи с Тамерланом, на

другой картинку со всех видеокамер на пути от стыковочного шлюза до информационного центра — все, какие только мог задействовать. На третьей установил межкорабельную лазерную связь. На экране тот час же появился взволнованный и растрепанный Немов.

— Спал на рабочем месте?

— Да какой тут поспишь, товарищ капитан, когда такие дела происходят! — возмутился тот.

Ибрагимов кивнул, намекая на то, чтобы связист продолжал.

— Так представитель-то прибыл! Сейчас как раз в районе шлюзов. Я попытался подключиться к внутренним камерам, послал запрос. Но там у них какой-то придурок есть. Майерз, кажется. Так вот он пишет мне какую-то ахинею: про карантин, про то, что камеры не сертифицированы и подлежат отключению. В общем, тут что-то не ладное. Будьте очень осторожны.

На втором мониторе судорожно дергалось изображение шлюзов. В помещении, куда причаливают звездные ялы и челноки, в эту минуту не было ни души. Только сваленные в кучу коробки с мусором, который надлежало по инструкции каждые двенадцать часов выбрасывать в космос. Полосы помех, словно специально подстроенные, проходили сверху, где отображается цифровая метка времени, и внизу, где идет контекстная информация.

●●●○○

Подобраться к самим шлюзам Плахову не удалось. Солдаты забаррикадировали все коридоры, ведущие к ним, на расстоянии пяти метров по периметру, причем и нижнюю палубу, и верхнюю. Стараясь не попадаться никому на глаза, Федор обежал все возможные проходы и убедился, что увидеть вживую посланника беженцев ему не суждено. И нужна была хитрость, благодаря которой он смог бы вступить с ним в контакт.

Единственное место, где нельзя поставить заграждения и барьеры, это тянущийся вдоль коридоров технический канал, по которому уходил отработанный воздух, утекали пролитые жидкости, и по которому уносило случайно оброненный на пол мелкий мусор. Само собой, в силу своего назначения, туннель представлял собой клоаку. И хотя человек там запросто мог проползти практически на любую палубу и в любое общественное помещение, такая перспектива ни у кого не могла вызывать воодушевления.

— Зелемхан Фукера-Джемаль, наверное, именно так и спасся

от десантников, — задумчиво произнес вслух сенсорик. — Все, в этот раз точно потребую прибавки к жалованию!

Плахов отошел подальше от шлюзового узла. Если уж выламывать решетку технического канала, то так, чтобы тебя не слышали солдаты у баррикад. Но даже если они не услышат, как кто-то пытается попасть в туннель, всегда сохранялась опасность, что они услышат лязг пуговиц о металлическое дно канала, когда по нему поползет на животе человек. Поэтому, прежде чем пролезть в образовавшееся окно, Плахов снял китель и кинул его в проход, а потом залез туда сам и затворил за собой решетку настолько аккуратно, насколько это возможно.

Пост с двумя солдатами он миновал незаметно именно потому что не стал тащить с собой китель, а оставил его там же, у решетки. Впрочем, ребята из охраны не особо проявляли требующуюся от них бдительность. Один дремал, а другой тайком пил марру и опасливо озирался по сторонам вместо того, чтобы прислушиваться к посторонним и случайным звукам.

Вскоре Плахов оказался на уровне пола первого уровня шлюзового отсека и все увидел через решетки, отделяющие его от помещения, полного людей из принимающей делегации. Наконец-то скрипнул большой круглой трехстворчатый шлюз, и Федор разглядел белый челнок, покрытый грязью и темными пятнами. Это определенно тот самый челнок, который спускался на планету за переговорщиком. Звездный суннит уже находился на крейсере!

В отсеке присутствовало человек двенадцать, но из-за того, что освещение включили не полностью, казалось, что тут полно народу. Он начал разглядывать суетные фигуры экипажа в надежде узнать хоть кого-нибудь в лицо. Чья-то нога опустилась аккурат перед носом Плахова. Напрягаясь, сенсорик перевернулся с живота на спину, чтобы разглядеть лицо. Перед ним стоял Майерз. В задумчивости его коллега что-то бормотал себе под нос.

Старший помощник «Отражения» торжественно предложил пройти в комнату для переговоров, где посланника уже ждал капитан Ибрагимова. Послышались тихие голоса протокольных речей.

Плахов отстегнул интерком и включил его, предварительно замотав устройство в рубашку, чтобы не привлекать внимание звуками речи и щелчками.

— Товарищ капитан, я на месте, но ничего не могу разглядеть…

В это время толпа у трехстворчатого шлюза зашевелилась.

Что-то пошло не так: доносились крики и угрозы.

— Капитан, тут что-то непонятное. Похоже, переговорщика пытаются досмотреть. И… и он, кажется, сопротивляется.

Сквозь рубашку донеслись неразборчивые слова Тимура Магомедовича.

— Что? Повторите.

Нога, что высилась прямо перед носом Федора Плахова, отнялась от пола и сделала шаг вперед. Теперь уже можно разглядеть напряженную фигуру Джима Майерза, вглядывающегося в неразбериху у шлюза. Его рука медленно расстегнула китель и потянулась за скрытой под ним кобурой, где виднелся ручной хромированный бластер. Местный офицер слегка наклонил голову, чтобы уловить то мимолетное, что никто не заметил, создавая у шлюза давку.

— Это не переговорщик… — прошептал Майерз, делая еще один шаг вперед.

Снова послышались слова Ибрагимова, но Плахов его уже не слушал, вглядываясь туда, куда смотрел и Майерз.

— ХАШИШИН!!! — заорал во все горло молодой офицер «Отражения».

Плахов почувствовал, как надпочечники впрыснули адреналин, и время, текшее со своей привычной размеренностью, растянулось словно резиновое. Слова вытянулись во времени и стали глуше.

Майерз бросился влево, но не успел сделать и двух шагов как грянул взрыв. Огненная вспышка просочилась сквозь нагромождение тел, а потом начала распространяться ударная волна, разбросавшая тела вверх, вправо, влево, проломив борт корабля. Всего одна секунда, растянутая в три или четыре раза: но Плахов успел только закрыть глаза от нестерпимого света, прежде чем сгореть дотла.

Взрывной заряд, каким-то чудом размещенный на смертнике так, чтобы его не обнаружили раньше времени, разрушил борт на уровне двух палуб, а остальные две палубы покрылись трещинами, через которые начал выходить воздух. Вторичный взрыв внутреннего энергетического кольца пробил дыру в корпусе со стороны днища крейсера, параллельно обесточив корабль.

Прежде чем включились аварийные генераторы, обломки борта достигли миноносца, дрейфующего в двухстах метрах от «Отражения», и пробили дыры в изогнутом листе панорамного сканнера. Покрытые позолотой выгнутые тарелки устройства треснули, миноносец взял крен вправо и ушел от основной массы обломков крейсерского борта, славировав ближе к «Чумному деньку». Корабль Ибрагимова взрывом не задело, но передача архива, которая занимала время, прервалась. Эфир заполнял

автоматический сигнал бедствия, посланный Тамерланом, чьи сервера, видимо, не пострадали при взрыве, а адаптеры хранили остаточную энергию для того, чтобы в таких ситуациях можно было завершить работу без потери данных.

Только голубая звезда аль-Шазр блекло освещала левый борт «Отражения». Должно быть, в это мгновение все звездные сунниты системы смотрели в небо с надеждой, затаив дыхание.

IV

Экипаж «Чумного денька» почувствовал взрыв на соседнем крейсере. Зигфрид Кеплер находился в это время в столовой. Палуба вздрогнула, словно лист бумаги, на который упала дождевая капля. Чувствовалось сразу, что что-то случилось. Только секунду спустя загорелись внутрикорабельные красные огни боевой готовности, возвещающие о нападении суннитов.

На автомате, не делая лишний движений и не задерживаясь, старпом надел на голову фуражку и быстрыми шагами направился на капитанский мостик. Он нисколько не готовился к такому повороту событий: Ибрагимов на том корабле и, возможно, уже мертв, и нет никакого начальства, которое могло отдать распоряжения и морально подготовить к грядущим испытаниям. Все это выпадало на его долю, на долю дублера.

Несмотря на общую распущенность в мирные периоды и в походах, которая Кеплеру никогда не нравилась, на капитанском мостике в эту минуту все находились на своих местах. Переступая порог, он ожидал худшего.

— Старший командующий на мостике, — Мичман справа от входа поднес ладонь к каске.

— Докладывайте!

— Внутренний взрыв на крейсере «Отражение», — произнес Немов. — Не могу связаться и получить детали. Но это точно нападение…

Кеплер поднял глаза на широкий центральный экран, где в полутьме медленно вращался вдоль своей оси по часовой стрелке еле различимый боевой корабль.

— Подсветите чем-нибудь что ли!

Спустя несколько секунд тьма космоса обрела коричневый цвет, на его фоне отчетливо различался корпус корабля. Он не развалился пополам только благодаря какому-то сверхъестественному чуду: через дыры в боку и дне выходил воздух и вываливались крейсерские внутренности, по швам трещал и корпус, его куски медленно отрывались, влекомые центростремительной силой, и разлетались в разные стороны, поблескивая в лучах большой далекой звезды.

«Отражение» можно было бы принять за корабль-призрак. Единственным признаком жизни можно назвать разве что огненные язычки пламени в глубине корпуса. В дырах мерцало пламя, оно показывалось лишь только корабль поворачивался к «Чумному деньку» поврежденными сторонами. Кое-где вместе с обломками корпуса в космос вываливались сгоревшие тела людей

— черные, на которых казалось невозможно отличить руки от ног, найти с какой стороны лицо. Погибшие ужасной смертью, словно тряпичные куклы отлетали в разные стороны, бесконтрольно размахивая своими конечностями и распадаясь на части за время своего неторопливого полета.

— А ведь это могли быть мы… — произнес тихо Гофман.

Кеплер оторвался от монитора и посмотрел в его сторону. Потом по сторонам. Все вокруг как зачарованные наблюдали гибель крейсера. Все как один.

— Приготовить спасательные команды, задействовать все челноки, — отдавал распоряжения Кеплер, опустив взгляд на капитанскую стойку. Внутренний стыд, для которого словно нет никакой причины, неожиданно заставил его покраснеть. — Надо найти выживших и наладить канал связи с миноносцем. Но выжившие в первую очередь… Две группы на нос, одну на корму… Свяжитесь с капитаном Гавелом, пусть «Буйный» начинает принимать раненых. Еще надо изъять бортовые самописцы… Держите связь с Брусьевым, он проинструктирует как надо…

Кеплер поднял взгляд с капитанской стойки на офицеров, потом глянул на связистов и сенсориков. Никто не обращал внимания на его слова: команда продолжала смотреть как терпит бедствие боевой крейсер.

— Мать вашу! Чертовы млекопитающие с явными признаками вырождения породы! Я приказал снарядить спасательные команды, — заорал он не то от отчаяния, не то от неожиданно нахлынувшего воодушевления.

Словно сам дух Ибрагимова ворвался на капитанский мостик и каждому из тех, кто находился в помещении, без разбора и без исключения дал увесистого тумака.

Натренированные определенной манерой командования, офицеры и их подчиненные моментально зашевелились, передавая команды по палубам и отсекам, точно зная обязанности своего подразделения. За годы своего командования капитан-киборг создал свой характерный язык, понятный только этим людям. И Кеплер не мог менять этот стиль, сам не становясь подобием Ибрагимова — поскромнее и похуже.

Не дожидаясь рапорта командиров служб, он поправил фуражку относительно линии бровей, расправил плечи и неторопливо покинул капитанский мостик так, чтобы этого никто не заметил.

Он направился в кабинет Ибрагимова, обходя корабль с противоположного борта, там, где в этот момент находилось меньше всего народу. Планировка палубы такова, что коридор

представлял собой вытянутое кольцо, и палуба по левому борту смыкается с правобоковой возле командного помещения и в кормовой части, над протонным расщипителем. Двигаясь по большому диаметру, минуя корму, хватало времени подумать о случившемся и оправиться от первого шока.

Несмотря на чрезвычайность ситуации, пока он шел до конца палубы, поворачивал и возвращался уже по правому борту к кабинету, интерком не позвонил ни разу. Однако лишь только он подошел к двери, там его уже поджидал Хаммерхэд.

— А тебе разве не надо быть на боевом посту? — поинтересовался у него Кеплер.

— А с кем воевать, товарищ старший помощник? Это же не ракета и не снаряд. Противник проник на борт обманом и подорвал себя. С такими бойцами мои турели бесполезны.

Кеплер кивнул: хотя согласился он скорее из-за того, что не имел никакого желания спорить. Да и как можно спорить, когда он сам буквально только что отошел от уставных предписаний во взаимоотношениях с подчиненными? Нельзя требовать дисциплины, нарушая ее самому. Управление подразделением — точная наука. Будь ты хоть трижды Ибрагимов, объективные причины и следствия из них не позволят безнаказанно так себя вести.

— Можно вас на два слова? — поинтересовался Хаммерхэд.

Кеплер достал из внутреннего кармана магнитную карточку и приложил к замку. Поскольку он принял всю полноту командования после отбытия капитана на «Отражение», его карта теперь открывала все двери.

— Заходи…

Кеплер шагнул в темноту первым, даже не включая освещения. Офицер по вооружениям немного поколебался, а потом шагнул следом. Несколько секунд он искал на ощупь включатель, и когда переключил его, и свет залил помещение, он увидел, что Кеплер уже сидит на диване напротив аквариума — по правую руку от рабочего стола Ибрагимова.

Присаживаться рядом он не решился: обошел комнату вдоль стены, отделяющей кабинет от коридора, и встал рядом с диваном, как можно дальше от рабочего стола Ибрагимова — напротив аквариума с рыбками, что плавали кверху брюхом.

— Он что, не может эту тухлятину в космос вылить? Вонь стоит на всю комнату!

Из аквариума действительно попахивало гниением и тухлятиной. Если бы они захватили с земли мух, возможно, они кружились бы сейчас над стеклянной емкостью с водой, откладывая яйца прямо под кожу рыбок. Более того,

специфический запах добавляли и цветущие водоросли. Аквариум давно находился в запустении.

Роланд оттолкнулся спиной от стены и сделал пару неуверенных шагов в сторону аквариума. Он бы наверняка схватил бы его и отнес в сторону шлюзов, куда все время таскают и складируют мусор, если бы Кеплер не остановил его.

— Так что ты там надумал, сынок?

Хаммерхэд, не разворачиваясь, повернул голову к Кеплеру.

— Товарищ старший помощник, нам надо учесть такой вариант, что капитан Ибрагимов погиб. Это накладывает определенные обязательства не только на вас, но и на каждого офицера на корабле. Вы понимаете, о чем я говорю? Это наше общее дело, и нам стоит решить, как поступать. Поступать как одна команда. Понимаете?

— Нет…

Хаммерхэд шумно выдохнул воздух ноздрями. Секунду он смотрел на Кеплера, а потом подошел поближе, приставил гостевой стул ближе к дивану, спинкой к Кеплеру, и сел на него сам, облокотившись на спинку, словно на край щита.

— Мне кажется, капитан Ибрагимов не способен справляться с должностью капитана корабля. Я видел, как он принимал наркотики. А сейчас и вовсе покинул корабль просто потому что ему так захотелось. Возможно, мы с вами не во всем были согласны друг с другом. Возможно, у вас есть некое разочарование, что ваше подразделение — огневую батарею — возглавил человек со стороны, а не один из ваших подчиненных. Но я вам говорю, ситуацию надо как-то решать. И решать быстро!

— Продолжай, сынок. Что у тебя на уме?

— Ибрагимов самоустранился сам, теперь вы командующий кораблем, — Роланд перешел к основной части. — Однако существует вероятность, что он уцелел. Я видел фотографии «Отражения». Командный центр взрывом не задет. Если он находился там, а не шатался по шлюзовому отсеку, то он мог выжить. Это создает некоторые трудности. Если он вернется целым и невредимым, то снова возглавит крейсер. Но мы можем не допустить этого, организованно заявив о его недееспособности.

Кеплер откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза. Хаммерхэд продолжал говорить, но он его уже не слушал, точно зная, что именно тот хочет сказать. Устав действительно давал двойное толкование подобной ситуации, и во флоте Центаврийского сектора известны прецеденты, когда команда отстраняла капитана, если тот отлучался с корабля без видимого предлога. Существовало даже решение трибунала на этот счет.

— Ну и кто командовать будет, сынок?

— Вы выглядите достойным капитаном, товарищ старший помощник, — сразу же ответил офицер огневой батареи. — Если вопрос с Ибрагимовым будет решен, я смело последую за вами, что бы там ни говорили Немов и его подпевалы!

Старпом потянулся, зевнул и нарочито пренебрежительно закинул ногу за ногу. Эти речи он уже слышал, и в них не содержалось ничего нового по сравнению с прошлым разом.

— Не много ли вы на себя берете, Роланд?

— Вы с ним заодно, я так понимаю?

— Дело не в том, заодно я с ним или нет. Каждый из нас должен находиться на своем месте. Обстоятельства часто требуют того, чтобы человек получал новое назначение и брал на себя больше ответственности. И это оправданно в случае, когда выбора нет, когда идет война или что-то подобное. Но когда выбор есть, сосредоточение избыточной власти в руках человека, не готового к ней, это такое же должностное преступление, как и халатность при несении службы. Ибрагимов на своем месте, и заслуживает того, чтобы быть капитаном — нравится вам его манера командовать или нет.

Хаммерхэд поднялся со стула и надменно фыркнул.

— А вы на своем месте, Кеплер?

— Ты прав, и я не на своем месте… Я был хорошим офицером батареи. Возможно даже лучше, чем ты. Поэтому когда этот поход закончится, я подам рапорт о переводе. Каждый должен находиться на своем месте, поэтому я не буду претендовать на твое. Однако тебе стоит подумать хорошенько. Если тебе не нравится стиль руководства Тимура Магомедовича, для того, чтобы понять это, у тебя есть совсем немного времени — пока мы не вернемся на Эльвадр.

●●●○○

Из-за дыма и гари дышалось очень тяжело. Хотя дым в таких ситуациях, словно сценический антураж: не понятно, откуда берется. Это и не гарь горящих резиновых изоляторов, и не пар, скопившаяся между внешней и внутренней обшивкой из-за перепадов температур и случайно оказавшейся там воды из подтекающих резервуаров.

Электричества практически не поступало: горели только химические красные светильники, как тогда, на «Ямантау». Можно разглядеть руки, ноги и ближайшее окружение, но не дальше, чем метров на десять. И то, если напрягать зрение.

Макаров зажал рукавом нос и рот, приподнялся и осмотрел информационный центр. Только из-за того, что он находился за пределами помещения, его всего лишь втолкнуло ударной волной в дверной проем, в то время как большинство офицеров контузило реверсивной волной, отраженной от дальнего борта, именно потому, что те как раз находились в помещении.

Ибрагимова лежала в центре под завалами шевелящихся тел. Найти ее оказалось не трудно: из офицеров она единственная — женщина. А в своем возрасте она вполне себе держалась в форме.

Он подполз к ней, стараясь не поднимать голову выше, чем того требовалось. Смесь опасных отравляющих газов моментально вырубала сознание, а экстренная вентиляция по какой-то причине не сработала. Если же не задирать голову выше уровня кислорода в отсеке, который стелился понизу, можно вполне себе продержаться минут десять или пятнадцать. Так, во всяком случае, учили на курсах в академии.

— Карина Тимуровна, очнитесь! — Макаров схватил ее за плечи и несколько раз тряхнул, приводя в сознание. — Да очнись же!

Но капитан не двигалась, только неестественно запрокинула голову назад.

Макаров вернул ее в прежнее положение и попытался оттащить несколько офицеров, находящихся в сознании и хватающихся то за нос, то за уши, в коридор, где воздух, судя по завихрениям копоти, проточный. Когда место вокруг Карины оказалось расчищено, он вернувшись обратно, схватил Ибрагимову за руки и выволок следом.

— Карина Тимуровна! Вы меня слышите? Каришка!!

Не выдержав, он залепил девушке пощечину, от чего та разразилась длительным удушливым кашлем. Немного приходя в сознание, он посмотрела невидящим взглядом на своего спасителя.

— Ты ангел?..

— Каришка, вставай!

— Ангел??

— Кошка! Ты жива!

Карина изо всех сил толкнула его и попыталась встать, но Макаров навалился на нее, мешая вдохнуть удушливый смрад, растворенный в воздухе на уровне выше полуметра.

— Макаров, черт тебя дери, ты что тут делаешь!? — заорала Ибрагимова.

— Я прилетел на «Чумном деньке»…

— Ты еще и на моего отца работаешь!? Ну ты и тварь, Ангел!!

— Корабль поврежден, надо наладить систему

кондиционирования, — попытался вразумить ее Макаров. — Сейчас не так важно, что было в прошлом. На верхних уровнях могут остаться люди, и без нашей помощи им воздухообмен не наладить.

Карина приподнялась на локтях и осмотрелась. Еще двое офицеров находились дальше по коридору, но, учитывая их состояние, помощи от них ожидать не приходилось. На секунду она задумалась, почему ее не покалечило, но потом все стало ясно. Слишком плотным кольцом обступили ее подчиненные, ожидания прибытия переговорщика. Так что, можно сказать, ее спас собственный авторитет.

— Переговорщик…

— Забудь о нем, — бросил Макаров, стягивая с себя китель.

Он надорвал рукав и смастерил из обрывка бинт, которым принялся перематывать левую ногу Ибрагимовой, из которой струилась кровь.

— Я не чувствую боли…

— Похоже, нерв перерубило… А нога-то та же самая, что и у отца. Будет совсем не весело, если начнешь хромать как он, а, Кошка?

— Заткнись!

Кое-как наложив повязку, Макаров подхватил ее под руку и потащил дальше по коридору, где в семи метрах находился проход к капитанскому мостику. Внутри все выглядело так же скверно, как и в информационном центре: разбитая взрывной и отраженной волной аппаратура, красные аварийные маяки, люди, разбросанные по углам — кто перематывал себе голову, кто еще лежал на полу, силясь подняться.

Адъютант в дыму, практически на ощупь нашел капитанскую стойку, подтянул к ней Ибрагимову и вставил найденный в ее карманах ключ для получения доступа в систему.

— Тамерлан!

На центральном мониторе появилось цифровое изображение образа бортового компьютера.

— Я восстановил работоспособность сетей и готов исполнять приказания.

— Полная диагностика системы жизнеобеспечения! Найди проблемы на верхних вентиляционных уровнях. Локализовать возгорания в очагах. Предупреди общекорабельным сигналом, что командование живо, и чтобы все, кто уцелел во время взрыва, доложились как можно быстрее…

Рядом с ними оказался кто-то из офицеров. Он тащил за собой белый контейнер из спасательного модуля — один такой экземпляр всегда хранился в боевой рубке. Он достал оттуда два

дыхательных баллона с виду по два литра каждый, бросил их к ногам Макарова и Карины, а затем исчез так же быстро в черном тумане, как и появился из него.

Ибрагимова приложила маску, соединенную с баллоном, к своему носу и рту. Живительный кислород отрезвляюще подействовал на ее боевой дух. Оттолкнув Макарова от капитанской стойки, она набрала несколько команд, выводя на большой экран схему жизнеобеспечения, опутывающую корабль, словно нервная система опутывает человека.

— Я смотрю, ты тут справишься сама, Кошка, — произнес Макаров, надев свою маску. — Мне надо идти.

— Куда?

— Спасать твоего отца…

— Проваливай, мясо!

Только Макаров скрылся за порогом, Тамерлан закончил проверку систем жизнеобеспечения и вывел их на экран. Взрывом разрушило практически всю нижнюю палубу, процентов на шестьдесят повредило вторую. Все держалось только на третьей палубе, которая сохраняла целостность. Корабль походил на выпотрошенную рыбу, у которой виден только скрепляющий голову с хвостом оголенный скелет.

Пневмонасосы засорились: они более-менее очищали воздух в хвостовой части корабля, но в носовой не справлялись. И решать требовалось именно эту проблему, пока экипаж не задохнулся реактивными газами и продуктами горения.

— Отца он спасать идет, — проворчала Ибрагимова. — Рыбак рыбака видит исподтишка…

— Что вы имеете виду, товарищ капитан — послышался искаженный задымлением голос бортового компьютера.

— Слушай сюда, консервная банка! Расчисти путь от сюда и до кормы, чтобы Ангел мог осмотреть корабль. И надо починить вентиляцию. Найди мне хотя бы одного живого техника на третьей палубе. Если живых не будет, пусть ближайшие члены команды реанимируют его и отвесят люлей, потому что в уставе не написано, что солдат имеет право сдохнуть на рабочем месте!

Макаров в это время миновал информационный центр и направлялся по левому борту в сторону кормы. Баллона со сжатым кислородом должно хватить на полчаса, и с этим никаких неудобств он не испытывал. Продвигаться мешала видимость, которая резко упала при приближении к середине палубы. Возможно, источник возгорания находился где-то этажом ниже: по вентиляции темный дым поднимался вверх и заполнял все доступное пространство, замещая кислород. Даже на уровне пола уже не было той прослойки чистого воздуха, в которой еще можно

ориентироваться. Идти приходилось на ощупь.

Судя по всему, Ибрагимова отворила все переборки, захлопнутые автоматикой, и ему не приходилось связываться ни с ней, ни с Тамерланом, чтобы открыть герметичные двери. Но это же была и проблема: дым распространялся без препятствий, и это ставило жизни людей в угрожающее положение.

Попав на корму, адъютант принялся обходить каюту за каютой, нажимая и отжимая кнопку интеркома в надежде услышать щелчки капитанского устройства. Воздух становился чище, слышался даже шум пневмонасосов, который он не слышал на носу «Отражения».

Пренебрегая техникой безопасности, Макаров отбросил кислородный баллон и уже бегом перемещался между каютами, пинком открывал двери и отворачивал запорные вентили там, где они закрывали дверь.

Он не находил ни души в пустынных коридорах кормовой части. Что за злосчастная ирония судьбы? Именно здесь есть чем дышать, в то время как дышать тут совершенно некому. Свет, включенный только в этом коридоре, тоже никому не нужен. Хотя освещения так не хватало там, на носу корабля.

В какой-то момент Макаров щелкнул кнопкой интеркома и услышал ответный сигнал в десяти метрах впереди. Казалось, он доносился из технического помещения в конце коридора. «Что такого понесло Ибрагимова в эту забытую коморку?» — подумал Макаров. Но время оказалось не на его стороне: корабль разваливался и рано или поздно произойдет разгерметизация кормы. Следовало торопиться.

Через секунду послышались шаги. Два техника из службы работы двигателя поднялись по лестнице с нижней палубы и бегом направились в его сторону. Один выглядел седовласым и статным, словно их собственный Мгвама Кафиши, только не негр. Другой молодой. Судя по виду, это его первый долгий поход.

— Куда несетесь, там гарь кругом! — крикнул им Макаров, только-только завидев в дальнем конце коридора.

— Двигатель искрит! — прокричал молодой, пока поднимался по лестнице.

— Так сбросьте!

Пожилой, который первым поднялся на палубу и уже поравнялся с Макаровым, на секунду застыл возле адъютанта.

— Экстренный сброс заклинило! Теперь можно только с силового блока в центре аппаратного узла!

Молодой пробежал мимо, старик последовал за ним. И лишь только они отбежали метров на пять, раздался взрыв в хвостовой части. Дымом и гарью затянуло всю корму, сделав ее практически

неотличимой от носовой части. Только свет еще горел в темноте, позволяя немного разобраться в направлениях.

Макарова повалило взрывом, но ушибов он не получил: слишком мягкой была та взрывная волна по сравнению с первоначальным взрывом в шлюзовом отсеке.

Поднявшись на колени и уперевшись в пол руками, он смог доползти до подсобки и открыть запорный вентиль. Ибрагимов лежал на полу, придавленный электроникой и видеопанелями. Похоже, отраженная волна прошла по всему кораблю и поразила большинство людей, находящихся в помещениях. Уцелели только те, кто находился в коридорах, да те, кто работал в больших отделениях вроде того, где установлен главный двигатель.

Он схватил Ибрагимова за плечи и попытался вытащить в коридор, но сразу ему это сделать не удалось. Тогда адъютант заполз в помещение сам, закинул руку капитана себе на шею и, упершись что было силы в обвалившуюся аппаратуру, вытянул Ибрагимова из-под завала.

Пока Макаров тащил капитана подальше от отсека двигателя, тот пришел в себя и, плохо координируя свои движения, чем-то стукнул Макарова по спине.

— Спокойно, мы выжили!

— Че творишь, млекопитающее?

Макаров перестал тащить Ибрагимова, уложил его на пол и сам отполз к стене, к которой прислонился спиной. Здесь воздух был чище, пока что можно дышать без баллона.

— Из-под завала вытаскиваю. Как в старые добрые времена, а?

Тут он разглядел, чем именно стукнул его Ибрагимов. Капитан сжимал в руке вырванный из системного блока диск. Не сложно догадаться, что после взрыва он пытался скопировать на него базу, которую «Отражение» не смогло переслать аналитикам «Чумного денька».

— Меня брось, спасай блок памяти, — прохрипел Ибрагимов.

— Ага, сейчас… Вы же знаете мой принцип. Спасая данные, я никогда не бросаю аппаратную периферию.

Ибрагимов рассмеялся настолько, насколько мог. Вряд ли чья-либо шутка с «Чумного денька» заслуживала этого, если ее произносил не Макаров. Смех плавно перешел в кашель, словно тогда, у его дочери.

— Где респиратор? — спросил капитан.

— По дороге где-то бросил. Да ладно, не страшно. Они знают, что произошло. Скоро пришлют аварийную команду. Теперь главное не отключиться, чтобы нас не направили вместе с болезными на миноносец. А то погрузят бессознательные туши и

вперед. Минут двадцать надо продержаться. Вы знаете, я в таких делах никогда не ошибаюсь. Как тогда…

Аварийные переборки так и не опустились, разделяя коридор третьей палубы и отсек двигателя. Не хотелось думать, что уже все кончено, и остается только ожидать, когда взорвется главный двигатель. Дым медленно наполнял отсек за отсеком, спускаясь все ниже и ниже к полу. Уже и штатные светильники, идущие по потолку, сложно разглядеть сквозь смрадное облако, волей судьбы заточенное на крейсере. И когда уклоняться от него уже не получалось, послышался новый звук.

Макаров ожидал взрыва, но звук оказался другой природы. Аварийные пневмонасосы взвизгнули и принялись втягивать дым в аварийные каналы кондиционирования, которые до сих пор оставались незадействованными. Адъютант похлопал в ладони, аплодируя тому, что дождался этого прелестного звука. До спасения еще далеко, но теперь хотя бы жить можно.

●●●○○

Он лежал на земле, не шелохнувшись, и отдавал себе отчет в том, что спал. По-прежнему темное небо и горячая пустыня проникали в самое ядро его сознания, спутывая все мысли. Другой версии не последовало: он здесь из-за обезболивающего, а там он лишь волей случая, причины и следствия, смысл которых непонятен. Звезды падали в пустыню и танцевали над ней словно стаи светлячков. А в центре небесного свода, куда он не решался смотреть, горело Его созвездие из шести огненных точек, «альфа» которого, самая крупная и самая первая звезда калапсировала прямо на глазах.

Лев склонился над ним и принюхался, пытаясь понять, жив ли незваный гость или уже скончался. Несколько постояв над телом, царь зверей задрал заднюю лапу, пометил его и направился вдаль, туда, за песчаные холмы и барханы. Звезды, словно безумные, проклятые Аллахом, ифриты, сопровождали животное, пока оно не исчезло из виду.

Ибрагимов поднялся и, не открывая глаз, сел ровно, скрестив пред собой ноги и упершись руками в колени. Какое-то возмущение окружало все доступное пространство, и он не мог поймать то колебание, которое приводит пассивное в действие. У всего есть свой закон, и нет ничего сложнее, чем использовать этот принцип, приводя постоянное к череде изменений.

Он открыл глаза, осмотрелся, обнюхал себя, поднялся с земли и направился к ближайшему холму, высившемуся на

востоке. Там, в нескольких метрах от основания песчаной горы, массивный лев с исполинской роскошной гривой жрал тухлую рыбу, сваленную горкой, над которой кружились мухи. Головы их оказались гнилыми, а хвосты время от времени дергались в предсмертных судорогах.

В фильмах и книгах все монстры, мутанты и хтонические чудовища не применут рыгнуть в лицо главному герою, чтобы окатить его слюной, желудочными соками и прочими нечистотами. Не дожидаясь этого момента, Ибрагимов рыгнул на льва первым, действуя, словно на опережение. Получилось как-то не убедительно, так что он сразу же сделал вид, будто ничего и не произошло.

Царь зверей безучастно повернулся к путнику и, слегка склонив влево голову, не переставая жевать, изрек истину:

— Че смотришь, переразвитая форма жизни?

Ибрагимов не ответил. Он просто закрыл льва рукой и резким движением стер его из той инфраструктуры реальности, в которой оказался. Убедившись, что животное не появится снова, он подошел вплотную к холму и положил руки к его основанию.

— Это *плохая гора*, — произнес он со знанием дела.

Поднявшийся ветер не казался бы таким свирепым, если бы вместе с ним не пришло в движение само время. Звезды, день и ночь, тройное солнце закружились и завертелись в стремительной пляске. Ураган, усиленный скоротечностью бытия и собственного вращения планеты, смел и этот холм и другие, обнажая остовы строений некогда живших тут людей. Балки, перекрытия, стены — архитектуры невидимой красоты — вздымалась из земли и тут же разрушалась, превращаясь в тот же самый горячий песок, на котором то тут, то там выступали пятна ржавой крови.

Вокруг, словно предвестники близкой развязки, сновали стайки мертвых мальков, не подвластных ни времени, ни силам природы. Вскоре они заполонили собой всю пустыню и затмили своими тушками звезды.

Была ли существенная разница между живым и мертвым? Выглядело ли мертвое как живое и наоборот? Ибрагимов поднялся в полный рост и, собравшись с духом, подпрыгнул, уносясь далеко вверх, падая в бесконечную пустоту безвременья, где и границы Вселенной давно померкли и перешли в новое состояние. Так же как камни и химические элементы — их жизнь, движения, реакции — выглядели чисто механическими, также и для трех зеленых звезд, изъеденных черными пятнами, он сам являлся автоматом, не наделенным никакой существенной волей. Действуя в такой парадигме, невозможно найти сложное решение, не зная при этом, что именно искать.

Приближаясь к звездам, он почувствовал их тепло. Впервые за все это время он по-настоящему что-то почувствовал, а не осмыслил или осознал! Пассивность принуждала его к действию, и стоило следовать этим путем вместо того, чтобы дать погаснуть последним звездам.

Он поднялся на ноги, хотя пелена небесных светил еще не отпустила его. Рядом стоял Иоландо Рохес, бортовой врач. Он с ужасом отпрянул от Ибрагимова, произнося заплетающимся языком: «Я думал наркоз давно подействовал». Справа стоял кальян, соединенный с маской для общей анестезии. Видимо, стандартные вещества для такого случая уже успели передать жертвам взрыва на «Отражении». Он схватил рукой стеклянную колбу с гашишем и, накинув окровавленный китель, что висел на входе на вешалке, вышел из операционной и заковылял в сторону своего кабинета — не приходя в сознание.

●●●○○

Зигфрид Кеплер остался сидеть на диване после того, как Хаммерхэд покинул кабинет капитана. Прошло больше часа, но его непосредственного присутствия на капитанском мостике не требовалось: работа кипела сама собой. Только одиночные звонки интеркома и короткие рапорты о произошедшем выводили его из состояния прострации и унылых размышлений.

Взрыв на борту крейсера — лишь техническое препятствие на пути к достижению цели. Так думал Кеплер, попытавшись отбросить лишние эмоции, которые не только не помогали в разрешении загадки, но и заставляли отвлекаться на что-то сугубо человеческое, а значит тратить такое драгоценное время!

— Может, стоит начать думать как Ибрагимов? — спросил он сам себя.

Секунду спустя он поднялся с дивана, подошел к столу, открыл отделения, в одном из которых обнаружил початую бутылку коньяка и книгу с картинками «Старик и море», заложенную посередине галстуком. На бутылке сам Ибрагимов маркером приписал надпись «Перед злоупотреблением охладить». А в углу книги виднелась другая надпись, типографская: «Для среднего школьного возраста». И они удивительным образом дополняли друг друга.

Сделав несколько глотков, старпом снял с себя китель, потом рубашку, потом накинул китель поверх майки и застегнул его криво, со смещением на одну пуговицу. Верхние две пуговицы он не застегнул. Потом достал галстук и повязал его на шею, прямо

поверх майки, свободный конец заправив под китель. Пока он проворачивал такую гардеробную метаморфозу, книга, что он вынул из отделения, упала на пол, открывшись на последней странице.

— «Наверху, в своей хижине, старик опять спал. Он снова спал лицом вниз, и его сторожил мальчик. Старику снились львы» — прочел Кеплер последнюю строчку повести.

Если герою произведения сбрить бороду, он бы походил на Ибрагимова. Во всяком случае, именно так его видел автор книжных иллюстраций. Интересно почему? Ведь явно же не случайно!

Входя в образ, Кеплер не стал поднимать книгу. Он подошел к аквариуму, кинул в тухлую воду щепотку рыбьего корма, гордо выпрямился, заложив ладонь за криво застегнутый отворот униформы, и задумался. Никаких особых идей не возникло, кроме той, что он выглядит достаточно глупо, и это будет повод для шуток, если в кабинет кто войдет.

Расслабившись и шумно выдохнув, старпом прошел обратно на диван, завалился на него и запрокинул голову на спинку. Вспоминались шуточки и афоризмы начальства, но никаких собственных идей не приходило.

Поразмыслив над тем, что, возможно, подражать Ибрагимову — неправильный путь, он хотел было приподняться, как пневморучка свистнула, и дверь в кабинет бесцеремонно распахнулась. В двери стоял капитан. Его измученное наркозом лицо и плохо перевязанные раны на ногах говорили о том, что он сбежал из медотсека прямо во время процедур.

— Ты чего творишь? — с порога выпалил капитан.

— Решил думать как Ибрагимов… — неубедительно произнес старпом.

Капитан пренебрежительно фыркнул, признание не произвело на него должного впечатления. Это его отличительное качество: пренебрежение даже пред ликом смерти. До самой смерти тут, разумеется, далеко. Но и нормальным его состояние тоже не назовешь.

— Ты когда последний раз читал учебник по стратегии, жалкий выхлоп эволюции?

— А что не так?

— Там написано: «Ставьте себя на место противника». На место противника, Кеплер, а не на место Ибрагимова! Даже не думай подражать мне. Как в таких случаях говорит народная мудрость: «Сытый пешему — не голодный!»

Старпом пожал плечами.

— Я только хотел как лучше.

— Знаю, — проворчал уже спокойно Ибрагимов. — Просто я не всегда буду вас прикрывать. — Капитан бросил на колени Кеплера небольшой лоттер.

Офицер тут же почувствовал, как внутри просыпалось радостное предчувствие неизбежного успеха. Это тот момент, когда решение все же находится. Он не мог объяснить, откуда оно бралось, но всегда узнавал его, когда оно приходило. Теперь точно все должно закончиться удачей. Это говорила она, точка ненужности, которую на корабле, похоже, чувствовал только он, Зигфрид Кеплер.

— Вы что-то нашли… — не то спросил, не то констатировал старпом.

— Я давно хотел показать тебе это! — уверенно произнес Ибрагимов.

Капитан выключил свет и в полумраке направился к дивану. Усевшись рядом, он начал шарить руками под подушками сидений. Через некоторое время он достал два темных предмета, которые Кеплер не мог определить во тьме. Один Ибрагимов отдал старпому, другой оставил себе.

Зигфрид попытался на ощупь определить, что это такое, и когда нащупал ремешки и лямки, сразу же узнал устройство. Он надел прибор ночного видения на глаза, и тьма в комнате моментально отступила. Окрашенная зеленым каюта сверкала словно днем.

— Зачем…

— Тихо! — оборвал Кеплера капитан.

Ибрагимов указал пальцем на аквариум, где в тине и грязи плавали кверху брюхом рыбки. Одна из них дернулась, вильнула хвостом, и, не чувствуя никакой угрозы, скользнула ближе ко дну, чтобы подобрать корм, брошенный туда совсем недавно Кеплером. Другие рыбины, видя, что с авангардом ничего не случилось, тоже приняли нормальное положение и начали кормиться со дна, медленно размахивая хвостом и плавниками.

— Мы искали признаки живого, — шепотом произнес Ибрагимов. — А надо искать признаки недостаточно мертвого.

Он поднял с коленей старпома лоттер и включил его. На гибкой поверхности зажглись фотографии с одной из планет.

— Я рылся в архиве и наткнулся на это прелюбопытное гнездо.

Яркий свет ослепил прибор ночного видения. Кеплер поспешно отнял от лица устройство. Когда глаза его привыкли к полумраку, он вгляделся в фотографии с планеты категории «В», которая находилась в двенадцати часах полета от «Чумного денька». Ничего особенного: руины первых попыток

терраформирования, каких по всей звездной системе полно. На фотографии виднелись вышки добывающих блоков и администрации, жилые корпуса, столовая. Все разрушено века назад самими компаниями, когда те покидали систему. Остальное уничтожили ветры и перепады температуры. Ничто не выдавало новых обитателей этого захолустья.

— В чем подвох?

— Камни…

Ибрагимов бесцеремонно ткнул пальцем в центр изображения. Лоттер приблизил край здания с отколовшимся углом. Трехтонная часть плиты валялась неподалеку от строения. Ее внешний вид не выглядел подозрительно: внешняя сторона темная, обтесанная песчинками, которые поднимает в воздух сильный ветер, внутренняя — неровная, выщербленная, как и полагается сколам.

— И что я должен увидеть?

— В стратегии действует не прямая логика, а парадоксальная. Я недавно объяснял это Немову. Когда человек строит мост, ему не надо переживать, что река специально подточит опоры моста. Но когда человек сталкивается с чужой волей, ему надо понимать, что противник так же искушен в вопросах стратегии, и он будет противодействовать твоим целенаправленным действиям. Поэтому грязная, кривая и идущая по болотам дорога окажется самой выигрышной.

— Я не понимаю…

— Ветер не будет обтачивать только внешнюю сторону камня. Он беспристрастен. Но этот обломок не отполирован ветрами изнутри, только снаружи, — Ибрагимов сделал паузу и снизил громкость голоса, чтобы не перепугать нолгарских рыб-вонючек. — А значит, его отсекли намного позже, чем взорвали весь комплекс.

— Кинетические бластеры!

Пораженный стройной логикой рассуждений капитана, Кеплер отбросил в сторону прибор ночного видения, лоттер и ибрагимовский галстук. Он практически моментально выскочил из кабинета и стремглав понесся в сторону информационного центра. Ибрагимов же остался сидеть на диване, словно ничего и не произошло. Он продолжал смотреть через оптику прибора ночного видения как рыбы подбирали со дна аквариума корм, опасливо спаривались и с оглядкой по сторонам дрались за территорию.

V

Во мраке дальнего рубежа звездной системы Аль-Шазр между миноносцем и планетой класса «В», мало пригодной для жизни, сновали туда-сюда серебряные рыбки челноков, доставлявших беженцев. Кеплер с любопытством разглядывал эту процессию в трехслойный иллюминатор с капитанского мостика, гадая, сколько же на самом деле народу удастся доставить на «Буйный». В бомбовых отсеках капитан Гавел расставил импровизированные трех- и четырехуровневые кровати, разместиться может добрая тысяча. Да и продуктов хватит довести их до распределительного лагеря в системе Сафиуллин. А вдруг их окажется больше?

Рядом виднелся обглоданный рыбий остов «Отражения». Команда Брусьева ударно поработала: они смогли восстановить жизнеобеспечение корабля настолько, чтобы на нем продолжала работать минимальная команда. С боков крейсер окружали гравипонтоны, не дающие судну падать по направлению к ближайший двойной желтой звезде. Когда все закончится, его привяжут гравитационными арканами к «Чумному деньку» и дотащат до расположения космофлота Эльзарского сектора.

— Наверное, я больше всего рад тому, что во время задания наш крейсер не пострадал, — произнес старпом.

Из команды никто не ответил.

Кеплер повернулся обратно к иллюминатору и настроил фильтры так, чтобы получше разглядеть голубую звезду. Пятно сместилось на восток относительно вращения светила, но все еще сохраняло форму и размер, виднелись полутени и характерный вытянутый хвост.

Старпом отстегнул интерком, помедлил немного и нажал кнопку вызова.

— Роланд, а почему солнечное пятно еще на месте? Мы же предположили, что это вражеский спутник дальнего обнаружения.

— Народ с «Отражения» запускал зонды. Там какое-то сильное завихрение, — послышался голос Хаммерхэда.

— Завихрение? — презрительно повторил Кеплер. — Возьми ракету потяжелее, скажем, СР-05. Сними с нее кумулятивную часть и навинти осколочную. Надо заканчивать все дела побыстрее и сваливать. Устройте им… завихрение…

— Так точно! — Голос Хаммерхеда растворился в эфире.

Старпом расстегнул китель, прикрепил к лацкану интерком, поправил галстук и сел на приставленный к иллюминатору стул. Вереницы челноков, все, что можно было задействовать для операции, с обоих крейсеров, ползли туда-обратно. Расчетное

время часов двадцать. Уложились на двое суток раньше, чем планировали. Через пятьдесят часов в систему нагрянет Пятый флот каракарцев, тяжелая бронированная армада, которую правители Старой родины еще не испытали в бою с истиннолюдьми. Встречаться с ними лоб в лоб совершенно нет никакого желания.

Находясь в задумчивости, Кеплер даже не заметил, как его внимание привлекал Немов.

— Скоро закончим, увидишь ты своих детишек, не грусти!

— Я не об этом, товарищ старший помощник. Десантная группа наконец-то прислала отчет. И он, мягко говоря, какой-то странный.

— Дай сюда…

Рапорт появился на лоттере Кеплера практически сразу. Если верить записям, группа захвата с «Чумного денька» высадилась к северу от руин и перекрыла пути отступления, группа с «Отражения» вошла с «парадного входа». В руинах семьдесят третьей шахты и спецпоселения действительно оказались незваные квартиросъемщики, установившие систему жизнеобеспечения и выкопавшие внутри шахты дополнительные бункеры и помещения для гидропоники. Бункеры и жилые помещения сверху покрывали листы маскировочной брони с украденных радикалами кораблей в Двойной Арахне. Именно благодаря этой защите сенсоры крейсеров не могли обнаружить ни излучения, ни каких-то других признаков жизни на планете G-331Y.

Солдаты нашли эти строения и около трехсот истиннолюдей-колонистов в них.

Первые часы те оказывали сильное сопротивления, обстреливая солдат устаревшими, но все еще довольно опасными кинетическими бластерами. Но спустя какое-то время, они безоговорочно сдались без какой-либо видимой причины: просто побросали оружие и вышли с поднятыми руками.

Когда группа проникла в помещения колонии, они обнаружили там детей, женщин и стариков. Но больше всего их поразило то, что часть колонистов те казнили сами. Причины такой агрессии перед лицом врага понять казалось невозможно. Многие из них принимали смерть мужественно, получив пулю, глядя смерти в лицо, другие спасались и оказались застрелены в спину. Большинство убитых, по всей видимости, прятались в храмовом бункере среди зеленых знамен и поставленных вдоль стены свернутых молитвенных ковриков.

Допросить никого не удалось, беженцы не владели общим языком и разговаривали между собой на древнем наречии,

которое сохранилось разве что в Кауране и в памяти отдельных людей на далекой Земле. Впрочем, это уже проблема Объединенного правительственного управления тактической разведки и планирования. Кто и зачем казнил своих единоверцев с такой жестокостью и хладнокровием, придется уже разбираться им.

— Похоже, мы переоценили их численность, — пробормотал старпом. — Разведка говорила, что нас ожидает колония не менее чем в тысячу человек. Именно столько должно было родиться колонистов в восьмом поколении с учетом окружающей среды и нехватки ресурсов. Похоже, не все корабли звездных суннитов добрались до Аль-Шазр, какие-то развалились в пути, и их люди, по всей видимости, погибли.

Немов пожал плечами.

— Аналитика — это не мой профиль, — ответил связист. — Но если бы до системы долетел только два корабля из пяти, цифра потомков в восьмом поколении выглядела бы близко к той, что назвала группа захвата.

Кеплер приложил палец к сенсорному экрану лоттера и потом круговым движением заставил изображение вращаться. Дело сделано, но удовлетворения от проделанной работы не появилось. Фотографии бессмысленных убийств выводили его из себя — как человека и как военного, не привыкшего к случайным и необъяснимым трупам. А таковых в данный момент наличествовало около тридцати, все — взрослые мужчины в расцвете лет, способные держать оружие.

— Тут что-то не так. Слишком много неясного. Почему они бились как гаргариски, а потом сдались?

— Культурные особенности? Корыстный расчет? Думали, их пощадят? Не рассчитывали на такое подготовленное нападение?

— А почему нет протоколов допроса? Тут говорится, что они не владеют всеобщим языком. Но Ибрагим Нокриб вполне себе болтал по-нашему, и нельзя сказать, что он такой уж самоучка. Его кто-то учил!

— Нокриба ищут среди эвакуированных. Это потребует времени, — пояснил Немов.

Недовольный результатами, Кеплер отложил лоттер, поднялся со стула и направился было в коридор, но тут же вспомнил, что он все-таки старпом, и бегать тревожить Ибрагимова ему не стоит. К тому же тот и так находится в скверном состоянии, а кроме всего прочего проделал выдающуюся работу, фактически единолично обнаружив радикалов.

Некоторое время он стоял у выхода из боевой рубки возле

капитанской стойки, намечая свои дальнейшие шаги, а потом нажал кнопку интеркома, не отцепляя устройство от лацкана.

— Подготовьте ялик. Мне надо во всем разобраться самому.

●●●○○

Вокруг миноносца «Буйный» невозможно было протолкнуться в буквальном смысле этого слова: челноки стояли в трехуровневой очереди к шлюзу, мешая друг другу, ссорясь из-за порядка стыковки и не позволяя уже разгруженным нормально покинуть шлюз при вылете за новой партией беженцев. Только специальное распоряжение капитана Гавела позволило Кеплеру взойти на борт «Буйного».

Внутри его ждала еще большая неразбериха. Практически весь шлюзовой узел представлял собой пересылочную станцию, на которой конвой содержал вывезенных звездных суннитов. Те располагались на полу, делили розданную воду и скудную пишу, в полголоса обсуждали что-то на своем наречии. Возможно, гадали насчет их дальнейшей судьбы. Коридоры представляли собой этапы с заграждениями и вооруженной охраной. Их задача — подавить бунт, если он возникнет на пересылке. От отсека до конечного пункта расстояние составляло метров сто, но и на таком коротком участке что угодно могло случиться.

Места для радикалов располагались в корме корабля, там, где раньше размещались кластеры орбитальных бомб и атмосферных мин. Когда беглый народ проведут небольшими, по пять-шесть человек, группами в те дальние ангары, волноваться насчет бунтов уже не придется. Отсек снабжался таким же устройством аварийного сброса, что и опасные протонные расщипители двигателей на боевых крейсерах. Это крайне важно, когда корабль несет такое количество взрывчатки, что можно раскрошить в порошок небольшой спутник или астероид. Сейчас это еще и удобно.

Из-за постоянных нерешенных вопросов, проблем субординации и снабжения, которые приходилось решать на месте, в помещении стоял самый настоящий гвал. Никто из остановленных Кеплером офицеров и солдат не мог сказать, куда тому следует обращаться с его вопросами, так как у всех были свои. Из-за растущего организационного трения и нерешенные вопросы накапливались. Как размежевать раненых с «Отражения» и звездных суннитов? Как наладить бесперебойную работу причальных шлюзов? Как размещать разные социальные слои беженцев? Как разгрузить шлюзовой отсек, чтобы в нем можно

было хотя бы продохнуть? Как наладить быстрый и качественный досмотр беженцев и их личных вещей? Эти вопросы звучали чаще всего, в то время как от вопросов Кеплера просто отмахивались.

А волновало старпома, по большому счету, только одно: как найти Ибрагима Нокриба. Все остальное — методология, охрана, дознание и конвой — просто технические трудности и организационные вопросы.

Вскоре, после череды мыслимых и немыслимых маленьких приключений, ему удалось найти старшего помощника капитана Гавела, который отвечал за прием и размещение эвакуируемых. Капитан третьего ранга Франс Аиб находился в смежном со шлюзовым отсеком помещении, принимал по одному своих подчиненных, несущих к нему свои вопросы, и практически на автомате отвечал на их просьбы и предложения.

Когда Кеплер перешагнул порог, Аиб изможденным взглядом посмотрел ему в глаза, на его руки, потом снова в глаза, на петлицы и погоны и рассеяно произнес свой вердикт:

— У меня на корабле уже есть один офицер с «Чумного денька». Обращайтесь к нему, вы видите, в каком навозе мне приходится разбираться!?

— Кто это?

— Не знаю, он своего имени не назвал… следующий!

Кеплер выскочил из временного штаба Аиба и бегом направился на корму, где виднелось скопление офицеров. Форма одинакова для всего секторального флота, поэтому, когда старпом приблизился, он принялся поворачивать одного за другим, пытаясь найти знакомое лицо.

— Мужик, тебе чего? — спросил один из местных офицеров, полноватый и самодовольный на вид.

— С «Чумного денька» человек должен был появиться.

— А, этот… туда пошел. — Офицер махнул рукой по направлению к бомбовым отсекам. — Только ты без охраны туда не ходи. Мало ли что эти паршивцы придумают. Прирежут еще.

Кеплер быстрым шагом направился туда, куда показал полный офицер. Не считаясь с потенциальной опасностью, он миновал заградительный кордон и оказался на территории беженцев.

Космовоенных тут находилось не много, а те что были, передвигались группами по четыре-пять человек, и хотя бы двое из них держали в руках автоматическое оружие. Отсеки пустовали. На данный момент заселили только без малого сто пятьдесят человек, но и для этого маломестные челноки должны были совершить пятнадцать ходок до планеты: каждый из них вмещал по пять беженцев, не считая двух пилотов и охранника.

Те сунниты, что уже находились в бомбовых отсеках, обживались, объединялись в группы и проявляли живой интерес к блуждающим между рядами солдатам и офицерам корабля. Практически все они впервые видели людей из внешнего мира, многие из них наверняка не верили в их существования, зная о них только по дедушкиным сказкам и детским страшилкам, что рассказывали восемь поколений кряду.

Обходя отсек за отсеком, Кеплер пытался найти того, кого искал. В конечном счете, ему это удалось: в дальнем конце бомбохранилища, там, куда никого не поселили, он обнаружил изолированное помещение, охраняемое двумя солдатами. У тех, видимо, приказ отбиваться только от звездных суннитов, так что бойцы не помешали старпому проникнуть внутрь импровизированной комнаты для допросов.

Он ожидал увидеть что-то подобное. В центре комнаты стоял простенький стальной стул из столовой, на котором в расслабленной позе сидел один из радикалов. Держался он уверенно и статно. Голову его украшала зеленая чалма, а тело укутано в просторный балахон с вышивкой. Позади него, прислонившись к стенке, стоял Макаров. Судя по виду обоих, они вели непринужденный разговор без угроз и тому подобного — словно два старых приятеля. И обоим все равно, что их так незатейливо прервали.

— Ты чего тут делаешь? — спросил с ходу Кеплер.

— Я здесь из-за Ибрагима Нокриба. Он единственный говорит на общем языке.

— Ты ищешь этого радикала?

— Уже нашел. — Макаров кивнул в сторону человека на стуле.

Моментально забыв о своих обидах, старпом с любопытством взглянул на допрашиваемого. Ничего особенного, обычный беженец, каких тут сотни. Оставалось загадкой как именно адъютант Ибрагимова смог найти среди них того самого человека, который хамил в эфире минус-связи, но Кеплеру казалось, что он и не хочет знать подробностей этого дела. Во всяком случае, как офицер и как второе лицо на крейсере «Чумной денек».

— Так вот ты какой, конь педальный!

Нокриб улыбнулся.

— Ну, по крайней мере, вы победили. Наша умма поспорила. Победили те, кто считал, что у вас получится. Остается только признать поражение. Когда караван поворачивает назад, хромой верблюд рожает мышь! Шейх сдается!

— А вы Тимуру Ибрагимову часом не родственник?

— Это вы про того злобного старикашку, что кричал в эфире? — Суннит презрительно посмотрел сперва на Кеплера, затем на Макарова. — У меня родни среди кафиров нету.

— А зачем вы людей убили? — вмешался Макаров.

— Это мунафики. Они оказались против плана Аллаха, властителя миров, и не уважали слова пророка Мухаммеда, мир ему. А как вы появились, так и вовсе сошли с ума.

Кеплер пожал плечами, присмотрелся к радикалу, обошел его по часовой стрелке и снова встал на то место, с которого все и началось. Звездный суннит не проявлял никаких признаков беспокойства: радостно отвечал на вопросы, слова произносил живо и с чувством, без акцента, словно это слова его родного языка.

Видя беспокойство Зигфрида, Макаров вопросительно кивнул.

— Можно тебя на пару минут? — произнес задумчиво старпом и вышел из комнаты для допроса.

Макаров последовал за ним.

— Тебя ничего не смущает? — спросил Кеплер, как только они оба оказались на достаточном удалении от помещения.

— Ну так, есть небольшой список.

— Откуда он знает наш язык?

Макаров вопросительно скривил губы.

— Может, они хранили общий язык для какой-то цели? Ну, вот на такой случай как сейчас. И знали его, скажем, не многие…

— А когда явились мы…

— …они перебили всех, кто говорил на общем языке, кроме Нокриба…

— То есть, они убивали по лингвистическому признаку? — снова уточнил Кеплер. Скорее чтобы не упустить мысль. — Язык что-то означал. Или…

— … или они не хотели, чтобы тот, кто владеет языком, сказал нам что-то лишнее…

Кеплер достал из внутреннего кармана флягу, которой обычно поливал рассаду в своей каюте. Медленно отвинтив крышку, он приложил горлышко к губам и, не отрывая задумчивый взгляд от Макарова, сделал пару глотков. Что именно скрывали звездные сунниты? Да и вообще, правы ли они с адъютантом по поводу общего языка?

— Тут без Ибрагимова никак! — решил окончательно Кеплер и, вложив фляжку обратно во внутренний карман, направился обратно к стыковочному шлюзу, куда подали новую партию космических беженцев.

Состояние капитана оставляло желать лучшего. Хотя Рохес сделал все возможное с медицинской точки зрения, быстрого выздоровления ожидать не приходилось. Сам капитан сохранял мобильность и кое-как мог передвигаться по палубам, правда, больше всего он ходил по своему кабинету, но здраво действовать и руководить крейсером он мог с огромным трудом. Временами Ибрагимов проваливался в небытие, словно при нарколепсии. Травмы ног, контузия, отравление газами плохо сказывались и на режиме сна, и на режиме питания. То он отказывался от еды, когда приходило время обедать, то проваливался в глубокий сон — внезапно и без каких-либо внешних стимулов, и так же внезапно просыпался бодрым и веселым. Ненадолго, правда.

Прежде чем рассказать о своих с Макаровым находках, Кеплер несколько раз все взвесил. Потревожить капитана стоило хотя бы потому, что собственного решения он найти не мог, и никто на корабле волей или неволей помочь ему не в состоянии.

Когда старпом без стука вошел в кабинет капитана, тот лежал на диване, закинув ноги на спинку, и выводил пальцем в воздухе какие-то замысловатые узоры. Возле него на полу лежала допитая бутылка коньяка, к которой в свое время прикладывался и сам Кеплер. Чуть поодаль от нее стоял собранный кальян, над которым поднимался дымок. В воздухе пахло чем-то сладким.

Ибрагимов не заметил, как вошел Зигфрид. Он продолжал выводить в воздухе узоры, произнося слова на странном наречии.

— Товарищ капитан, — обратился старпом к Ибрагимову, — мы нашли Нокриба. И практически закончили эвакуацию к тому же.

— Скажешь, когда дойдет… — бросил капитан, и вернулся к своему эфирному рукоделию.

Кеплер снял фуражку, достал из кармана платок и отер лоб.

— Что дойдет? — спросил он несколько смущенно.

— Дойдет, что вы так и не нашли звездных суннитов…

Несколько ошарашенный парадоксом, старпом огляделся по сторонам — не то в поисках ответа, не то поддержки.

— Садись, — произнес капитан.

— Да нет, я…

— Чего рогами уперся? Садись. В рогах правды нет.

Кеплер взял гостевой стул, приставил его поближе к дивану и сел. Ибрагимов не торопился раскрывать карты. Он прикрыл глаза, продолжая выписывать узоры в воздухе и произносить еле различимые звуки, казавшиеся Кеплеру знакомыми, но не узнаваемыми. Вряд ли Тимур Магомедович знал древнее наречие.

Хотя от него можно что угодно ожидать в таких ситуациях.

— Да как же мы не нашли звездных суннитов-то? А это что за люди на миноносце, которых мы целые сутки перевозим!?

— Жертва жестоким и алчным богам. А заодно личная расплата за то, что не слушали предупреждений старейших…

●●●○○

— Ну, как тебе наш старпом? — поинтересовался Макаров у звездного суннита. А потом повернулся к выходу из комнаты и крикнул: — Принесите попить чего-нибудь, а то горло пересохло!

Как только принесли чай, адъютант с удовольствием налил себе кружечку душистого напитка и с радостью размешал сахар. Разумеется, он не стал предлагать угощение задержанному, и явно этим гордился.

— Толковый…

— Нихрена ты в этом не разбираешься, Ибрагим! — неожиданно произнес Макаров. А потом, изрядно повеселев, добавил: — Хочешь, расскажу, как все было на самом деле?

— А что, была какая-то история?

— Ну, разумеется, ты думаешь, что всех обманул!

Лицо звездного суннита практически не изменилось, такое же расслабленное и улыбчивое на первый взгляд. Единственно, что его выдавало, это глаза. Вся хитрость и лукавство, что заключались в них, куда-то испарились. Серьезный и тревожный взгляд сложно спрятать, а от тех, кто видит все насквозь, спрятать такое вообще невозможно.

Продолжая игру, Нокриб кивнул, намекая на продолжение рассказа. И Макаров принял более свободную позу, так как последние сомнения насчет роли Нокриба во всей этой головоломке окончательно улетучились.

— Когда твои отцы прибыли в звездную систему, они знали, что есть другой мир, и что он никогда не простит беглецов и воров. Они точно знали и то, что кризис не вечен. Пройдет век-другой, и про их преступления вспомнят, и обязательно пошлют погоню. Но отцы не вечны. У них родились дети, а у тех детей снова дети. И знание отцов превратилось в ночной кошмар, цена которому не так велика. Им пугали малышей. Но малыши вырастали и смеялись над сказками, что страшили их пращуров, считая эти сказки предрассудками маразматиков…

●●●○○

Ибрагимов перестал выводить знаки в воздухе и впервые посмотрел на Кеплера — снизу вверх. Но ощущение было такое, что это капитан смотрит на него свысока, с недостижимой высоты, которую ему самому никогда не достичь.

— Колония адаптируется на новом месте, появляются традиции и ритуалы, которые отвечают условиям и реалиям нового места развития, — поучительно произнес капитан. — Звездные сунниты вынуждены были скрываться, так как знали, что за ними придут. Поэтому среди переселенцев завели правила, которые позволяют длительно время скрываться и прятаться среди естественного пейзажа, слиться с ним.

— Это и так понятно! — возразил Кеплер. — Но какое это отношение имеет к нашему разговору?

— Если ты прячешься, необходимо максимально замаскироваться, скрыть любой изъян местности, чтобы тебя не могли выдать ни куст, ни изгиб реки, ни наклон горы. И практики, призванные сохранять пейзаж нетронутым, передавались из поколения в поколение. Не отдавая себе отчета, подрастающие совершали то, что делали взрослые, но при этом давно утратив смысл своих действий. А ведь нет ничего более постоянного, чем традиция. Скорее реки потекут вспять, чем традиция, впитанная поколениями, трансформируется во что-то новое. А в нашем случае и подавно: чтобы традиции переосмыслить, нужна свобода. А какая может быть свобода, если с неба за тобой наблюдает неусыпное око кровного врага?

●●●○○

— И вот произошел раскол… — Макаров прервался и сделал глоток из походной кружки.

Чайный аромат быстро распространялся по комнате.

— Раскол?

— Ну да, это когда целое колется на части. Ну, ты знаешь.

— Какой раскол? — переспросил Нокриб.

— Дурака не валяй, — парировал Макаров, — раскол в вашем народе. Появилась радикальная группа. Она заявила, что отцы были кончеными придурками, и рассказывают сказки про небесное зло только для того, чтобы поддерживать авторитет своей власти. И, конечно же, они умышленно скрывали правду. По их мнению, ваш народ всегда жил в том навозе, откуда мы вас вытащили, что никаких небесных врагов нет, и что пора пересмотреть сказки стариков-маразматиков, чтобы очиститься от их бреда и двигаться к новой жизни. Что-то в таком роде.

Нокриб весь напрягся и покраснел. Однако надо отдать ему должное, самообладания у него хватало даже перед лицом неминуемого разоблачения.

— Да, это и правда смешная сказка.

— Дальше еще смешнее, — добавил адъютант, снова делая глоток. — Радикалы не смогли захватить власть. Поэтому им оставалось только добровольно уйти и попытать счастья в отдельном поселении. Они взяли кое-какое оборудование, дыхательные маски, технику для строительства бункеров, немного маскировочных плит со старых кораблей, и ушли.

— Но планетарная экосистема — не самое надежное, что есть во вселенной, — продолжал Ибрагимов. — Топографическая карта меняется, а традиции остаются. И со временем они становятся неадекватны друг другу.

Кеплер все еще не понимал о чем идет речь. По отдельности он, разумеется, знал каждое слово из тех, что произносил капитан, но вместе они не скалывались у него в стройную теорию.

— Может какие-то примеры? Я не совсем улавливаю…

— Смотри! — Ибрагимов принял сидячее положение. — Допустим, твой корабль сел в пустыне. А на планете сильные ветры, которые могут сравнить горы, не говоря уже про песчаные холмы, довольно зыбкие сооружения, между прочим. Практически сразу же его занесло песком. Как он теперь выглядит?

— Как песчаный холм…

— Именно!

Ибрагимов поднял с пола пустую бутылку, посмотрел в горлышко левым глазом и, убедившись, что спиртного на донышке не осталось, тяжело и протяжно вздохнул. Потом, отложив бутылку, он взял в руки кальян, затем вынул из винтажной коробочки кубик в бумажной обертке с надписью «минутка», зарядил в курительное устройство и поджег. Чтобы не держать кальян в руках, он примотал колбу к правому бедру липкой лентой, а шланг протянул под кителем и вывел через воротник, свесив мундштук на груди. Пару раз затянувшись, капитан продолжил.

— Таким образом, — произнес Ибрагимов, — мы имеем большой, высотой в несколько этажей песчаный холм в пустыни, где шаром покати. Разве это не наводит на подозрительные мысли, когда смотришь на такое чудо с орбиты?

— Если бы я был колонистом, я бы разобрал корабль! —

подытожил Кеплер.

— Точно! Мало того, что ты разобрал бы корабль, ты бы и сровнял в округе все барханы, лишь бы пустыня выглядела девственно чисто и очень похожей на первозданную. Но природа капризна! Изменился наклон планетарной оси и глядишь, ветры, что все время дули с востока на запад, теперь дуют с севера на юг, и при этом намного слабее. Барханы и холмы начали появляться по всей пустыне, это стало нормальным явлением.

Кеплер предупреждающе замахал руками.

— Тимур Магомедович, но такое же не происходит за одно поколение.

— Да, традиции передаются независимо от знаний географии. Климатические перемены происходили на протяжении поколений. Но эти же поколения годами и десятилетиями учили, что песок в пустыне надо ровнять. Они так и ровняли этот чертов песок даже тогда, когда пустыня вся забугрилась!

●●●○○

— Может, ты мне расскажешь, что было дальше? — уточнил Макаров, не ожидая ответа всерьез.

— Это ты сочиняешь сказку, а не я, кафир…

— Хорошо.

Макаров поставил на пол кружку, а сам небрежно потянулся и расстегнул верхнюю пуговицу кителя. Становилось жарко: не то от проблем с вентиляцией, не то от большого скопления народа в бомбовом отсеке, из-за чего падало содержание кислорода в воздухе, не то от растущего напряжения при общении с Нокрибом.

— Оппортунисты не знали другого образа жизни. Они не верили в небесное зло, но по традиции продолжали вести такую жизнь, которая позволяла им скрываться от любого наблюдения сверху. Это вошло в культурную норму и привычку каждого звездного суннита, тут уж какая бы ни была власть старейшин, этого уже не изменишь.

— А старейшины? — спросил, наконец, Ибрагим Нокриб.

— А старейшины не могли позволить группе бесконтрольно плодиться и наплевать на предания отцов. Они посылали карательные отряды. То сожгут новые постройки, то подпортят экспериментальные посадки овощей правильной квадратной формы. В общем, солдаты ортодоксов всячески уничтожали признаки искусственности, а по возможности и самих оппортунистов. Так они и жили — эти две группы — одни верили

в небесное зло, и всячески громили тех, кто в него не верил, а другие уже забыли во что верили, и просто выживали. Когда же мы все же объявились, оппортунисты поняли, что предали свой народ, высмеяв древние пророчества. Сперва они уничтожили касту жрецов, что вели свои службы на непонятном языке, а потом решили пожертвовать собой, лишь бы не пострадал весь народ в целом…

— Какой-то бред! — выпалил излишне эмоционально радикал.

●●●○○

— Ничего не понимаю. Может это какая-то фантазия? — возразил осторожно старпом.

Ибрагимов сделал еще один пых из кальяна, а затем подал ему лоттер, на котором все так же горел отломанный кусок стены.

— Ну и что это значит?

— Когда ты последний раз расстреливал из автоматического бластера свой собственный дом?

●●●○○

— Ты это сделал! — произнес железным голосом Макаров. — Ты убедил своих людей казнить всех, кто говорил на общем языке! Ты первый понял что происходит! Ты видел, как прорицания предков стали явью! Ты знал, что те, кто говорит по-нашему, расскажут все как есть на самом деле. И обставил все так, чтобы это выглядело как смерть обманщиков, убедивших твой народ, твоих братьев и сестер, что нет никаких пришельцев с небес!

— Все было не так!!! Не было никаких ортодоксов!!!

Макаров, улыбаясь, сделал шаг назад. Быстрыми и ловкими движениями он вынул из внутреннего кармана свернутый в трубочку лоттер. После бесхитростных манипуляций на экране появилась фотография поверхности планеты, на которой виднелся кусок стены, отстреленный кинетическим бластером самое позднее полтора года назад.

— А это что такое? Перепланировку затеяли?

●●●○○

Ибрагимов повалился обратно на диван, довольный тем, что поставил Кеплера в неразрешимый логический тупик.

Пытаясь разобраться в этом, старпом вращал вправо-влево прокрутку фотографии, но не мог придумать никакого достойного объяснения. Да, возможно, на планете происходили какие-то боестолкновения, но ничего, кроме отстреленной трехтонной каменной глыбы на это не указывало. И если противник существовал, по каким следам и по каким признакам его следовало искать?

— И что, Тимур Магомедович? Где их теперь искать?

— Не грусти, — произнес словно по слогам Ибрагимов. — Народная мудрость в таких случаях говорит: «Шило — не воробей, в лес не убежит»

●●●○○

Точно зная, что последует дальше, Макаров резким движением поднял с пола кружку, прижал ее к груди и направился к выходу, повернувшись спиной к звездному сунниту. Разъяренный провалом, тот вскочил со своего стального стула и со звериным ревом кинулся на адъютанта.

В последний момент повернувшись, Макаров размахнулся и изо всех сил запустил кружку, целясь беженцу прямо в лоб. От удара кружка разлетелась в дребезги, но и Нокриба отбросила обратно в дальний конец комнаты. Заорав, он схватился за ушибленный лоб и еще какое-то время лежал на полу, держась за травмированную голову.

— Мне не нужно большего подтверждения, чем ты явил мне сейчас, чертов муртад! — произнес надменно Макаров. — Ты подвел свой народ. И хотя план твой выглядел разумным, на самом деле он вонял тщедушием и бесчестием.

●●●○○

— Так где их искать-то!? — возмутился Кеплер.

— Есть одна загадка на нашем корабле, которую я не могу разрешить, — произнес спокойно капитан, игнорируя вопрос старпома. — Как этой безмозглой и безграмотной креветке Хаммерхэду в конечном счете удается оставлять нас в дураках? Что в прошлый раз, что в этот — он ведь предлагал дело, но мы его не слушали! Думаю, когда вернемся на Эльвадр, я позвоню министру. Пусть Аврора поговорит со своими коллегами и

наградит его ведомственной наградой минкульта — «За особые заслуги в области культуры».

Ибрагимов поднялся с дивана и, не замечая Кеплера, направился в информационный центр, расположенный в складском ангаре. Кальян, плохо прикрученный к ноге, болтался из стороны в сторону при каждом шаге и медленно сползал к колену, из-за чего капитан хромал пуще прежнего. Зигфрид последовал за ним, стараясь не отступать ни на шаг.

Когда они вдвоем оказались на месте, там их встречал Михаэль Немов, чья смена в боевой рубке закончилась.

— Бедный Плахов, — произнес связист, лишь только те переступили порог ангара. — Представляю, что там вам пришлось пережить.

— Переживай за Макарова, — произнес на ходу Ибрагимов. — Я — киборг с повышенной прочностью внешнего корпуса.

— Да это и так понятно…

Кеплер ускорил шаг и вместо того, чтобы догонять, обогнал капитана. Он остановил своего командира упредительным жестом и сунул под нос тот самый лоттер, что получил от него в кабинете.

— Объясните же в конце концов! Что мы такое ищем-то?

Ибрагимов выхватил лоттер, нажал пару кнопок, перебросив изображение на проекционный стол в центре ангара. Потом капитан подошел к проекции, схватил ее руками и прокрутил на сотню километров к северу, где находился горный хребет.

Складки земной коры на линии соприкосновения литосферных плит ничем не отличались ни от земных, ни от венерианских, ни от марсианских. Ровно все то, что и должно находиться на месте зон горообразования: неровные края хребта, пики вершин, перепады климата, кое-какая местная растительность, которую высадили, чтобы добиться изменения состава воздуха двести лет назад, и которая разрослась по всему полушарию.

Приблизив изображение, он сконцентрировал вид на одной-единственной горе в середине хребта. Рядом появились данные по приблизительному химическому составу поверхности.

— Искать надо не аномалии, — произнес Ибрагимов, откладывая ненужный лоттер в сторону, — надо искать то, что кажется самым нормальным на фоне пейзажа. Один из кораблей звездных суннитов разваливался на подлете к звездной системе. Когда они садились, судно распалось в воздухе. Его части падали в горах и обжигали склоны остатками горения старого химического топлива. Именно поэтому склоны покрыты

реактивами и продуктами горения — везде, где упали части корабля.

Немов вгляделся в формулы. Один-единственный склон не имел никаких следов топлива прошлого.

— Сунниты убрали все обломки корабля, и зарыли черт знает где, — продолжал капитан. — Потом они принялись очищать склон от налетов топлива.

— Но объем работ оказался слишком большим для одного поколения! — догадался Кеплер.

— Возможно, они планировали очистить все склоны, но поколения менялись, и смысл ритуала оказался утрачен. Они очистили склон от налета, но дальше прибрать за собой никто не планировал. Поэтому горы вокруг содержат следы окислов, а центральная гора нет.

— А под горой клад… — добавил Кеплер. — Я отдам распоряжение штурмовой группе…

Когда Кеплер скрылся, Ибрагимов сел напротив проекционного стола и набрал команду вызова связи с «Отражением». Изображение горной цепи в северном полушарии планеты сменился вид звездной системы в целом — с будильником вместо голубой звезды — а потом и лицом Карины Ибрагимовой.

Прежде чем она узнала отца, она успела выпалить «Власть — мясу!» вместо «Честь имею!».

— Я тоже рад тебя видеть, — ответил Ибрагимов.

— Так я и знала, что это ты. Ах ты, сукин сын!

— Я смотрю, у тебя тоже две золотые звезды. Отличный старт.

— Папа, ну ты и мразь!

— Чего ты так переживаешь?

— Ты бросил мать! Меня не воспитывал, когда я так в тебе нуждалась! — прокричала Карина громче прежнего.

— У тебя есть корабль, образование и боевые заслуги. Значит, в плане воспитания я все сделал правильно. Останься я в семье, выросла бы злобным нытиком, которому не нравится современная молодежь и правительство.

— Чертов мерзавец, нам пришлось сдавать бутылки, чтобы выжить. Я на рынке торговала кастрюлями, чтобы свести концы с концами!

— Кастрюли это хорошо, — произнес Ибрагимов. — Но у меня к тебе дело. Мы нашли звездных суннитов. Нет, не тех, что вы сейчас грузите в трюмы. Это оппортунисты, отколовшаяся группа. Я говорю об основной массе. Вот, смотри, — Ибрагимов сделал цифровой топографический отпечаток горной цепи и

вписал от руки пару комментариев. Секунду спустя он отправил изображение на второй крейсер. — Эти проклятые гаргариски прячутся под горой. Нужно скоординировать штурм…

Ибрагимова отвела свисающую челку от глаз, чтобы лучше рассмотреть присланную проекцию. Ее любопытство заставило забыть о личных обидах на бестолкового биологического отца.

●●●○○

Когда каракарцы явились в систему Стронггге, когда три линкора класса «Дриада» и пятнадцать кораблей меньшего класса показались на орбите самой дальней от голубой звезды планеты, все уже закончилось. Крейсера «Чумной денек», «Отражение» и миноносец «Буйный» с девятьюстами беженцами на борту уже двигались в сторону Сафиуллина, давно уже миновав карантин.

Ибрагимов находился в своем кабинете и традиционно прикармливал плавающих кверху брюхом рыбок, когда поступил сигнал. Включив большой монитор, он увидел довольное лицо Джона Пратчетта.

— Сойдет, — коротко произнес флотоводец, щелкнув пальцами до крайнему ньютоновскому шарику, приводя конструкцию в движение.

— Я не задавал вопросов, почему вам так понадобились эти беженцы. Я не спрашивал вас, зачем их так срочно нужно было эвакуировать. И мне абсолютно точно плевать на интересы Магеллана за пределами карантина. Единственное, что меня по-настоящему интересует, это как выполнить задание точно и в срок. Хотя бы поэтому могли бы рассказывать всю правду, а не плести интриги у меня за спиной.

Шарики продолжали перестукиваться. Капитан ничего не хотел добавлять, а Пратчетт не сразу сообразил что ответить.

— Ладно, — произнес после затянувшегося молчания флотоводец. — Мы думали, ты узнаешь о заявлении Кеплера уже на Эльвадре. Но раз тебе сказали, скрывать его нет никакого смысла. Да, он подал прошение перевести его в другую часть.

— Куда?

— Решение еще не принято. Возможно, пойдет командиром орбитальной батареи на Сатторинге. Ну а что? Боевой офицер, богатый опыт.

Ибрагимов подошел к столу, открыл ящик, в котором Юрьев оставил свежую бутылочку коньяка. Капитан приложил открывалку, но пробка не поддалась, только металлическое устройство погнулось. Нахмурившись, он отложил в сторону

бутылку и повернулся к командующему флотом.

— А чем хоть мотивировал?

— В прошении только одна фраза, — ответил Пратчетт. — «Я еще не готов стать таким же как Тимур Ибрагимов».

— Жалкое травоядное!

— Ну а чего ты хотел, в конце-то концов?

В иллюминаторе виднелась голубая звезда Сафиуллина. Практически точная копия той, что вращала вокруг себя десятки планет и астероидов в системе Аль-Шазр. Вдалеке виднелся зеленый шарик планеты Кай-VII, новый, хотя и временный дом для звездных суннитов. Мимо него проплывали серебряные стайки крейсеров той же серии, что и «Чумной денек».

В галактическом масштабе жизнь все же налаживалась.